

Итак, село Ножовка Оханского уезда Пермской губернии. Что оно собой являло в начале века? «Иллюстрированный путеводитель по рекам Каме и Вишерё», изданный в Перми в 1911 году, сообщает, что в четырех верстах от пристани Ножовка находится Средне-Рождественский железоделательный завод, основанный еще Акинфием Демидовым в 1740 году. В селении было тогда три церкви – православная, единоверческая и «австрийская», то есть старообрядческая (беспоповцы австрийского согласия), двухклассное училище и два одноклассных – мужское и женское. Была библиотека, основанная земством, земская же больница и волостное правление Рождественской волости Оханского уезда. А в 1913-м в Ножовке было открыто еще и Рождественское высшее начальное училище (прогимназия) – промежуточное между начальной и средней школами.

Торговали всякой всячиной шесть лавок. Много было в селе кустарей. Одних только кузниц – двадцать, десять столярных заведений, два – кожевенных. Дворов в селении было около 800, и в них 3600 жителей – почти вдвое больше, чем в уездном городе Оханске! Все сказанное голосует за то, что в грамотных и образованных людях село весьма нуждалось. Словом, мгновение начала века, оставленное в обычном уральское селении.

Вглядимся в лица. Вот учительница Ножовской школы Софья Ивановна Деревянных (фото 1, в цен-

Фото 3

Фото 4

Фото 5

тре). Жила в Ножовке с матерью, тоже учительницей Анной Львовной Деревянных; с золотой медалью окончила гимназию, знала два иностранных языка. Еще в юности, чтобы усовершенствовать язык, ездила в Германию, в дороге сильно простудилась, получила ревматизм, навсегда приковавший ее к инвалидной коляске. Но человек сильный, волевой, она, будучи инвалидом, преподавала в Ножовской начальной школе. Справа на снимке – одна из ее воспитанниц, уже гимназистка Лидия Лукинична Дедюхина.

Ее сестра, Мария Лукинична Дедюхина, приехала в Ножовку в 16 лет после окончания церковноприходской школы. Здесь двоюродная сестра – С.И. Деревянных – подготовила ее в прогимназию, помогла закончить 4 класса, что давало право преподавать в начальной школе. Эти годы в Ножовке она вспоминает как лучшие годы своей юности. На фото 2, сделанном в Казани, Мария Лукинична снята со своими детьми (сидит справа).

А вот еще одна ученица Софьи Ивановны – Мария Рябкова, тоже гимназистка (фото 3). Учительствовали в Ножовке Павла Петровна (на фото 4 она в центре) и Степан Фотин (фото 5).

А этот снимок (фото 6) сделан не в Ножовке, а в уездном центре городе Оханске в 1914 году, но атмосфера снимка и его атрибутика вполне сельские, кроме того, четвертая слева на нем – уже упомянутая нами Лидия Лукинична Дедюхина, прошедшая с помощью ножовских учителей полный курс гимназии.

Фото 6

февраль 2007

РЕКА ВРЕМЕНИ**Раиса СКОРОБОГАТОВА**

Роман «Сказание о старом Урале» сделал Павла Северного широко известным. Сам председатель Совмина СССР А.Н.Косыгин пожал ему руку в Кремле.

Родословная

Ю. СЕНТЯБРЕВ Ножовские просветители 1

Версия

С. БАННИКОВ Батый – правда или миф 4

Далекое-близкое

И. ПЛИС Древний обычай участия 16

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России 15

Краеведческая копилка

А. ЯЛОВЕНКО Челябинские тайны германских репараций 52

Л. ГЛАДЫШЕВА Серпиевка, Ягуня тож 80

Возвращение из Леты

Р. СКОРОБОГАТОВА Павел Северный: штрихи забытой судьбы..... 54

Клуб собирателей

В. ПУРОНЕН Белый раджа Саравака. (Рассказы филателиста)

Встреча в шахматном павильоне 72

АЭЛИТАФантастика

М. ПОПЕРНЯК, Дорога 10

М. РУЖНИКОВА, Осенний день без рая..... 18

М. МАКОВЕЦКАЯ, Вторая попытка 23

А. КОЖУХОВ, Сломанный кран 30

В. БРУСКОВ, В. КАПУСТИН, В лужах отражается солнце 31

Ю. НЕГАНОВ, Первый..... 40

А. СИЛАЕВ, Д. ШОРИН, Две с половиной секунды 43

И. ЧЕРКАШИНА, Индиго 48

М. ГЕЛПРИН, Я, волк..... 74

Сказка

А. КОШКИН Сказка Трунеля 59

АЛЕКСЕЙ КОШКИН

— Как я ненавижу людей! — пробормотал актер. — О, эти вечно униженные создания; униженные кем-то, кто не позаботился об их судьбе...

Мария САМОХВАЛОВА

В новогодние праздники мы были одни на скалах. Кто еще сюда заберется в 25-градусный мороз?!

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕРЗаписки очевидца

М. САМОХВАЛОВА Новогодняя Коуровка 50

Е. РУСЯЕВ По следам неизвестного зверька 78

Главный редактор — Максим Фирсов.

Редакторы разделов — Юний Горбунов, Борис Долинго, Евгений Русяев. **Худ. редактор, верстка** — Юлия Ульянова. **Художник** — Ирина Овсянникова. **Набор** — Валентина Кадочникова. **Корректор** — Татьяна Сергеевко. **Интернет-версия** — Валерий Сычкин.

Учредитель — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Издатель — ООО «Уральский следопыт».

Редакционный совет — Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав Мешавкин.

Наблюдательный совет — Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»; Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России; Семен Спектор, заслуженный врач России.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям** при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области**.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (343) 257-45-01, 257-36-62.

E-mail: info@uralstalker.ru www.uralstalker.ru

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются печатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD). Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 257-36-62.

Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России

Подписано к печати 13.02.2007 года. Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9,66. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Краснотурьинск, ул. Чкалова, 4. Заказ № 368

Батый — правда или миф?

(Рассуждения дилетанта про историю и историков)

В последнее время в исторической и околоисторической литературе обострился спор о монголо-татарском нашествии и последовавшем за ним трёхсотлетнем иге. Было оно или его не было? Если было, то когда? Какими силами располагал хан Батый? Какова была роль русских князей? Эти и многие другие вопросы вызывают ожесточенные споры между историками. Всё это безумно интересно, хотя, к сожалению, часто понятно лишь специалисту. А я не специалист. Обвинения в дремучем невежестве мне не страшны.

И потому хотелось бы вопрос о нашествии обсудить не с точки зрения историка, а с точки зрения нормального человека, с обычным житейским опытом и здравым смыслом.

Давайте припомним классическую версию тех событий.

Итак, в конце XII века Чингисхан объединил разрозненные монгольские племена и, подавив сопротивление местных вождей, создал огромную и боеспособнейшую армию, состоящую из всего мужского, — как сказали бы сейчас, военнообязанного, — населения Монголии. Состоящая в массе своей из легкой кавалерии, эта армия обладала высокой маневренностью. Разбив её на десятки, сотни и тысячи, Чингисхан принципом круговой поруки добился вы-

сочайшей дисциплины, при которой трусость, невыполнение приказа или просто драка между воинами во время похода стали делом немислимым.

Каждый монгольский воин с рождения был прекрасным наездником и хорошо владел оружием, а лошади были выносливы, неприхотливы и привыкли сами добывать себе корм. К этому же, кстати сказать, были приучены и бойцы: пропитание в походе они добывали себе безжалостным грабежом местного населения. Оба

этих обстоятельства крайне важны: они позволяли в походах обходиться без обозов, замедляющих продвижение армии. Перед каждым походом Чингисхан и его военачальники (темники) проводили тщательную разведку предстоящего театра военных действий, а во время походов активно перенимали военные достижения покоренных государств. Так, после покорения Китая они стали пользоваться при штурме городов Средней Азии, Киевской Руси и Западной Европы китайской осадной техникой. Пленных монголы заставляли не только таскать тяжести или выполнять фортификационные и саперные работы, но даже использовали в качестве живого щита при штурме вражеских городов и крепостей, снижая тем самым свои потери. Живя грабежом, вся армия, от командующего

Сергею Банникову 49 лет, родился, вырос и проживает в Свердловской области. Образование среднее. После службы в армии работал в милиции.

АВТОР

до последнего новобранца, была заинтересована в продолжении походов вплоть до «последнего моря». Всё это позволило Чингисхану в кратчайшие сроки завоевать Китай, Иран, Сибирь и Дальний Восток, Среднюю Азию, Поволжье и Кавказ. В 1223 году монголы разгромили русские дружины в битве на Калке.

После смерти Чингисхана империя монголов была разделена наследниками на несколько улусов. Батыю при этом достался улус Джучи, включающий в себя недавно покоренные Кавказ и Причерноморье. Организационно и тактическими приёмами орда Батыя полностью копировала армию Чингисхана, поэтому походы его были столь же победоносны и успешны. Верный заветам великого деда, Батый продолжил завоевания. Зимой 1237–1238 гг. его полумиллионная орда опустошила всю Центральную Русь, после чего в низовьях Волги он основал государство Золотая Орда со столицей в городе Сарай. Немного погодя Батый сжёг Киев и предпринял поход в Центральную и Южную Европу, но с половины пути, уже не встречая серьезного сопротивления, вернулся обратно, так как боялся оставлять у себя в тылу не умиротворенные полностью русские земли. Русь была ослаблена княжескими междоусобицами и не смогла объединиться перед лицом общей опасности. Почти на триста лет на нашу землю легла темная ночь монголо-татарского ига.

Такова классическая картина событий. С течением времени она не меняется. Лишь в численности армии Батыя историки готовы пойти на некоторые уступки и немножечко её сократить.

Вспомнив всё это, хочется заплакать от бессильной злобы (даже если в тебе самом есть толика татарской крови). Но, проревевшись, мы, как это всегда бывает, успокоимся, утрём сопли, переведем дух, положим рядом с собой карту, дембельский альбом и несколько исторических романов русских и советских классиков, написанных ими не спустя века, а на основе подлинных архивных документов и личного боевого прошлого.

Итак, по порядку... Мог ли в те времена Чингисхан, а вслед за ним и Батый создать многочисленную и, одновременно, боеспособную армию? Почему ни их современники — соседи, ни потомки не стали её копировать?

Почему-то возникает крамольная мысль: либо армия монголов была не такая, какой нам её описывают, либо ценность её в военном отношении, особенно когда речь идёт о внешней агрессии, была близка к нулю. Начнём со сравнений. И, вспомнив «Капитанскую дочку», сравним орду сначала с армией Пугачёва.

Отметим, что и монгольская орда, описанная историками, и пугачевцы, описанные Пушкиным, близнецы-братья (да простят меня марксисты). И в том и в другом случае это — отряды отдельных поселений или кочевий. Командуют ими местные «авторитеты». Оружие — свое домашнее или трофейное. Поскольку дело происходит в степи, практически все — верхом. Обоз минимальный, т.к. тяжелого вооружения бунтовщики почти не нажили, а снабжаются они за счёт

местных ресурсов. Но у мятежников, по сравнению с монголами, несколько неоспоримых преимуществ.

Во-первых: местное население их, в основном, поддерживает. Стало быть, нет тех проблем ни с информацией о противнике, ни с пополнением, ни с продуктами и фуражом. Во-вторых: местность им знакома. Если Пугачёв отправит лазутчика, разведгруппу или отряд к Белогорской крепости, он может не сомневаться, что посланные дойдут туда, куда надо. В крайнем случае язык их и до Киева доведёт. В третьих: в армии Пугачёва — значительная доля казачьих отрядов, имеющих более чем двухвековые традиции и опыт воинской дисциплины и военной службы (если верить самим казакам — пятивековые).

А что в результате? Может быть, пугачевцы отличаются быстротой маневра? Отнюдь нет. Капитан Миронов успел получить предостережения о возможном нападении и от начальства из Оренбурга, и от своих собственных подчиненных, которые ещё и пленного пугачевца в крепость притащили. А Гринёв не на самой лучшей лошади опередил Пугачева на марше и оповестил оренбургское начальство о его планах.

О какой-либо особенной воинской доблести оставших тоже говорить не приходится. Вспомним, что Белогорскую крепость (село, огороженное деревянным частоколом) они взяли не в результате штурма, а благодаря измене гарнизона.

Ну и совсем не стоит говорить о дисциплине в этой «армии». Достаточно сказать, что большинство бунтовщиков, расправившись с местным начальством, шагу не делало от своих домов вслед за вождём. А ведь многие считали его своим законным государем. Может быть, для укрепления дисциплины Пугачеву надо было не головы рубить, а хребты ломать?..

Теперь отложим в сторону Пушкина и обратимся к более близким событиям. Откроем «Тихий Дон» Шолохова и поглядим на Донскую армию. Здесь трудно даже перечислить, чем эта армия отличается от монголо-татарской орды в лучшую сторону.

Вся Донская армия спаяна единой православной верой, вековыми традициями армейской службы, дисциплиной, впитанной казаками с молоком матери, и боевым опытом Мировой войны. И пограбить казачки любят ничуть не меньше ордынцев. Сходство лишь в том, что сформированы сотни, полки и батареи Донской армии из земляков.

Результат: воюет эта армия великолепно... Но только пока защищает свою собственную территорию от красных. Как только казаки переходят границы Донской области, весь их боевой задор куда-то испаряется, и армия разбегается по родным куреням, наплевав на дисциплину, уставы и военно-полевые суды. Почему? Да именно потому, что при всех своих плюсах и громком названии это — не армия, а — ополчение.

Казаки готовы защищать свою землю, но не хотят никого завоевывать. Мотивы корыстные их не привлекают. Со свойственным всем крестьянам здравомыслием они понимают, что, пока грабят чужие дома, своё хозяйство может придти в упадок. Да и убить на

войне могут, а покойнику чужое добро — без надобности. Почему-то я думаю, что психология у крестьянина, будь это донской казак или монгольский арат, одинаковая. Не пошли бы ополченцы вслед за Чингисханом к последнему морю.

Два слова о ценности вчерашних пастухов как солдат. Я не сомневаюсь, что все они прекрасно ездили верхом и были потенциальными кавалеристами. Но только — потенциальными. Так и умение ходить пешком ещё не делает из человека пехотинца. Нужно многому научиться.

Труд скотовода — тяжелый труд. Он оставляет не так уж много времени для посторонних занятий, в том числе и для тренировок с оружием. Да и само оружие стоит денег. Вряд ли простой кочевник мог позволить себе нечто большее, чем иметь аркан, нож и самодельный лук.

Но допустим, что все поголовно монголы были людьми зажиточными и могли на свои кровные обзавестись какими-либо доспехами и «всамделишными» луками и саблями. Всё равно достаточно сложно представить, чтобы они, бросив на произвол судьбы свои стада и отары, занялись бы тренировками.

А теперь вспомним свою армейскую службу... Владение личным оружием для солдата — дело важное. Но, как ни странно, ни для бойца, ни для армии оно — не главное. Солдатом (пехотинцем, интендантом, сапером или артиллеристом) новобранец становится не тогда, когда он научится попадать в цель копьем, из мушкета или гранатомета. Главное — понимать и уметь выполнять команды. Действовать в составе своего подразделения и в его интересах. Перестраиваться для марша и для боя. Оказывать первую помощь раненым. Ориентироваться на местности. Атаковать на ровном поле по команде начальника или, по его же команде, рыть окоп через бетонную автостраду. И многое, многое другое. От сотворения мира и до наших дней всё это достигается одним и тем же способом: постоянными тренировками под руководством опытных инструкторов. Не случайно почти всю известную нам историю цивилизации военная служба была делом профессионалов, которым они занимаются практически всю жизнь.

И развитие вооруженных сил во всем мире от дворянских дружин к регулярным полкам, а от регулярных полков к регулярным армиям шло не в результате гениальных озарений отдельных личностей, а как результат развития экономики. Попросту выражаясь, размеры вооруженных сил ограничивались способ-

ностью государства этих самых профессионалов содержать в мирное время. Была ли у Чингисхана достаточно развитая экономика? Ведь для создания такой армии, какую нам описывают историки, ему нужно было иметь военную промышленность и государственные запасы продовольствия, аппарат мобилизации и сеть гарнизонов, где мобилизованных можно собрать, экипировать и обучить, инструкторов-сержантов, которые смогли бы сделать из новобранцев солдат и офицеров, обеспечивающих в бою взаимодействие частей.

Нет всего этого? Тогда сиди и не рыпайся.

Либо с небольшой профессиональной дружиной, усиленной ещё более мелкими дружинами подчиненных тебе вождей, баронов или князей, с отрядами наемников и отбившимися от дома бродягами отправляйся завоевывать соседей, либо со всенародным ополчением отражай чужой набег. А совместить народное ополчение и многолетнюю агрессию против ближних и дальних соседей вроде бы ещё никому не удавалось. История знает немало случаев экспансии целых народов на сопредельные территории, но длился такой процесс всегда столетиями, как, например, заселение русскими Сибири.

В самом деле, представим... Вот Чингисхан уже привел к покорности все монгольские племена и решил завоевать весь мир. Объявил он большой сбор, и явились на этот сбор толпы кочевников со своими местечковыми вождями во главе. Хорошее оружие им домочадцы с собой не дали, вдруг в походе поломают или потеряют, а оно денег стоит. Вооружены поэтому кто чем. У одного — самодельное копьё. У другого — лошадиный череп, насаженный на палку. Третий обзавелся ещё чем-нибудь не менее экзотическим и «убойным». Почти все — верхом на клячах и одрах, хороших лошадей они, как и хорошее оружие, тоже оставили в хозяйстве. Не так? А разве мы своим сыновьям на призыв даем из дома хорошие вещи?

(Как исключение, опять же, можно вспомнить казаков, но тем за явку на призыв на негодном коне грозило наихудчайшее наказание: могли в армию не взять и оставить служить в местной команде, а это — вселенский позор.)

Все эти новобранцы легко определяют возраст коня по зубам, но никогда не задумывались, где правая рука, а где — левая. Могут принять роды у верблюдницы или кобылицы и уследить за стадом баранов в несколько сотен голов, но не понимают ни одной военной команды. Могут неделями жить в степи вда-

леке от источников воды, но не умеют наводить мосты и форсировать реки вплавь, так как никогда в жизни не видели ничего глубже весеннего ручья. Вести бой в условиях города они тоже не могут, потому что не только городов, но и больше десятка юрт в одном месте одновременно тоже никогда не видали. В степи они прекрасно ориентируются, но для того, чтобы сгнать навсегда в лесу, им даже не потребуется помощь Ивана Сусанина, сами в трёх соснах заблудятся и будут кружить до конца жизни. Подчиняются они только своим вождям и своим шаманам. Лучше не пытаться вооружить их казенным оружием, так как, получив в свои руки драгоценную, по степным меркам, вещь, они в первую же ночь разбегутся по родным кочевьям, сочтя, что лично им этой добычи уже достаточно, а лучшее — враг хорошего. И гоняйся за ними потом по всей степи.

Увлечь их идеей мирового господства тоже не удастся. Крестьянин — человек серьезный. Ему не до фантазий. У него, в отличие от шевалье д'Артаньяна, есть профессия, которая ему и без войны даёт возможность прожить (из своего поместья гасконец Шарль де Батц де Капельмор выехал без слуги; никто не захотел вместе с ним искать фортуны и удачу в Париже).

И уж совсем не последний вопрос о количестве монголов. В конце XX века плотность населения в Монголии составляла один, всего ОДИН, человек на квадратный километр территории (включая младенцев, инвалидов и беспомощных старух). Даже если предположить, что в 1206 году монголов было не меньше, сколько мужиков могло откликнуться на призыв Чингисхана?

Теперь поглядим на карту и оценим всю грандиозность свершений Чингисхана и его воинства. Вспомним, что во второй половине XIX века, когда началось массовое заселение берегов Амура русскими переселенцами, им требовалось два года, чтобы просто добраться по действующим путям сообщения из центральных губерний до места. Нигде по пути для войны они не задерживались. Просто расстояния такие, такая погода зимой, такие транспортные средства, что быстрее не получалось. Нет, конечно, и в январе в Сибири можно путешествовать вне отапливаемого вагона... до ближайшего погоста. А можно и до кладбища не дотянуть. Мороз минус сорок градусов не разбирает, чингизид ты или нет. И всадник загнется от воспаления легких, и лошадь копыта откинёт. И несколько веков русским армиям потребовалось, чтобы покорить среднеазиатские ханства и халифаты. Почему? Да потому, что с древнейших времен и Самарканд, и Хива, и Хорезм были хорошо укреплены. Взять их налётом силами небольшого отряда без тяжелой осадной техники из-за укреплений и противодействия местного гарнизона невозможно. Провести же через пустыню настоящую армию со всем необходимым для осады и штурма тоже невозможно: не хватит воды в колодцах. С таким вот заколдованным кругом сталкивались русские полководцы и солдатики из года в год, из века в век. А Чингисхану пустыня почему-то препятствием не

стала. При этом историки старательно обходят стороной вопрос, как ему это удалось. Была его армия на одном конце Азии, а оказалась на другом, и все тут. Как в кино, когда, отпуская ненужные подробности, режиссер просто пускает титры: «Прошло два года...»

И всё же представим на минутку, что армия Батыя была именно такой, какой нам её описывают историки, и применяла описанные ими тактические приемы. Могла ли она в таком случае быть столь маневренной и победоносной?

Итак, вся орда состоит из одного рода войск — легкой кавалерии, что позволяет монголам наносить стремительные удары, не давая противнику подготовиться к отпору.

Стало быть, в 1700 году Петр I совершил ошибку, отправив под Нарву пехоту, артиллерию и обозы? Опыта ему военного не хватило. Надо было ему отправить на войну одну кавалерию, Шереметев и взял бы ему город с налета. Так? Но почему тогда спустя несколько лет русские вновь совершают эту же «ошибку» и вновь, упуская возможность внезапного удара, отправляются добывать эту же крепость с полками разных родов войск? Умом тронулся царь-реформатор? Почему вообще русские князья, а вслед за ними и цари не извлекли для себя урока и не изменили структуру своих вооруженных сил, убедившись на горьком опыте в непобедимости Орды? Лошадей им не хватало, что ли? Да нет, конечно.

Кавалерия может взять вражескую крепость только в одном случае: если действие происходит не в реальной жизни, а в историческом романе. Во всех остальных ситуациях ничего ей не обломится. Города и замки в средние века не зря обносили стенами и держали на стенах постоянную стражу. Ни в мирное, ни в военное время ни пешему, ни конному не удалось бы ворваться в крепость внезапно. А для штурма кавалерия не приспособлена: вооружение не то, специальной техники нет, другие навыки у бойцов, в конце концов. Да что говорить про штурм крепостей.

Вот, к примеру, в конце семнадцатого века русская армия под командованием Василия Голицына отправилась в Крымский поход. Колонны идут голой степью, где не то что крепостных стен нет, а даже дерева не найдешь, за которым можно укрыться. Идут стрельцы, тянется артиллерия, скрипят неторопливо обозные телеги. А противостоят им крымские татары, кавалеристы, потомки монголо-татарской орды. Вот бы им и вырезать русских в чистом поле, а потом ещё и Москву сжечь. Однако ничего у татар почему-то не выходит. У Голицына есть своя лёгкая кавалерия — казаки, которые ведут в интересах всей армии разведку и несут дозорную службу. Они регулярно таскают в шатер к командующему «языков», рассеивают мелкие отряды крымчаков, а в случае скопления значительных сил врага отходят под прикрытие своей пехоты и артиллерии. А тем что? Укрывшись за телегами, ошестинившись копьями и кольями, они расстреливают атакующих, не давая им ворваться в лагерь. А затем снова наступает работа для казаков: преследовать и

рубить рассеянные картечью татарские сотни, арканить лошадей и ловить пленных. Так и дошла русская армия до Крыма. Крым они не захватили, но и цельто похода была не в его завоевании (возможностей удержать его тогда все равно не было), а в демонстрации силы. Алексей Толстой не случайно в своём романе повествование о крымском походе оборвал на полуслове. Ему по замыслу романа нельзя было показать, что и до Петра I русское войско не было сборищем силолапых мужиков и безмозглых дворянских недорослей.

Но и в XIII веке русские уже воевать умели. Представим это на примере той же Рязани, которая первой приняла на себя удар. Итак, подданные рязанского князя узнают о нашествии. Подчеркну: о ещё только готовящемся нашествии, так как агентурная и войсковая разведка, пограничные дозоры, костровая сигнализация — изобретения не наших дней.

Сомневаетесь? Неужели думаете, что Чингисхан, его темники и его наследники к походам с помощью шпионов готовились, а русские князья, постоянно враждующие с ближними и дальними соседями, до такой ерунды, как шпионство, не додумались? Конечно, додумались. У Александра Сергеевича это всё очень даже хорошо описано.

Едва только показался поблизости купеческий караван, как «...пушки с острова палят, кораблям пристать велют...». Приглашение, сделанное с помощью пушек, не проигнорируешь. А во дворце их сам князь находит время среди государственных забот подробно расспросить. Но этого князю мало, и он не считает для себя зазорным переодеться комаром и лично проникнуть во дворец Салтана, где разузнать, не плетутся ли там против его княжества и него лично какие-либо интриги. Может быть, князь Гвидон — из молодых, да ранних? Совсем нет. В это же самое время уже этих же самых купцов расспрашивает Салтан, задавая им почти те же самые вопросы. И всё он от них узнаёт вовремя: и о возникновении недалеко от рубежей его державы островного города-государства. И о появлении там нового источника конвертируемой валюты. И об усилении береговой обороны этого княжества отрядом двоякодышащих наёмников, о численном составе этого отряда и его организационной структуре... Убежден, что одними только расспросами купцов дело и здесь не ограничилось. Пока князь Гвидон, притворившись комаром, на материке шпионил,

Чингисхан. С китайского портрета XIII в.

у него у самого уже, поди, обосновался кто-нибудь от царя Салтана, прикинувшись, например, садовым шлангом. Это — азбука разведки.

Сказка — скажете вы? Правильно скажете — сказка, которая, — как давно известно, — ложь... Только не забудем, что автор этой сказки учился в Царскосельском лицее, готовившем кадры для государственной службы. И, закончив учебу, автор этой сказки служил в Коллегии иностранных дел. И, кроме гражданского чина, за что-то получил от Николая I чин придворный. За заслуги в области литературы? Не уверен. За успехи в этой области Николай скорее господина Загоскина наградил бы. Того самого, чьи произведения

Хлестаков себе приписывал.

Так что, не сомневайтесь, обо всём рязанцы узнали заранее. Что в этом случае делают жители деревень? То же, что они делали и всегда до этого. Все, кто могут, уходят под защиту городских стен, угоняя скот, унося всё, что только можно унести. То, что унести нельзя, прячут в лесах и тайниках или жгут. Горожане тем временем собирают и вооружают ополчение, укрепляют стены, готовятся к осаде, отражению штурмов и тушению пожаров.

Вот под стенами появились татарские сотни и тысячи. Скачут, визжат, стреляют из луков. А рязанцы не визжат. Со стен крепости они расстреливают нападающих. При этом луки и стрелы у них тяжелей и дальнбойней, чем у татар, и попадают в цель рязанцы чаще, потому что стена — не лошадь, она под стрелком не крутится и не скачет, сбивая прицел. И доспехи стражника тяжелей, чем у татарина, поэтому не каждая попавшая в цель вражеская стрела причиняет ему вред. В таких условиях Батыю никакой орды не хватило бы для взятия одной только Рязани, а ему ведь ещё и Владимир надо было сжечь, и Москву, и много других городов, и ставку Великого князя на реке Сить разыскать и разгромить. И всё это силами одной только кавалерии?

Нет, говорят историки. Ещё при завоевании Китая монголы научились использовать китайскую осадную технику и пользовались ею при штурме русских городов. Позвольте, а как же тогда быть со стремительностью маневра? В этом случае скорость передвижения всей орды определялась бы скоростью движения обоза. Что толку от того, что от границ Дикого поля до Рязани конница быстро добралась, если затем им всё равно надо разбивать лагерь и ждать, когда подвезут части таранов и катапульт. Да и для укрепления лагеря не мешало бы с собой шанцевый инструмент подвез-

ти, иначе осажденные ночью вылазку сделают через подземный ход и спящих налётчиков вырежут.

Нестыковка какая-то получается. Надо историкам одно из двух выбирать: либо стремительный маневр легкой кавалерии без тяжелого вооружения и саперного инструмента, с боевыми задачами, ограниченными возможностями лёгкой кавалерии. Либо с пехотой и тяжелым вооружением, необходимым для штурма крепостей, движение с нормальной для тех лет скоростью. В этом случае возникает вопрос, а как Батый за одну зиму со всеми делами управился. При этом следует ещё учесть, что для русских, в отличие от монголов, осадная техника не должна была быть в диковинку. Вспомним, что речь идет о времени княжеских междоусобиц. В походы друг на друга они тогда уже более ста лет ходили регулярно и города друг у друга разоряли. Что ж они при штурмах верхом на ведьмином помеле на городские стены взлетали, или посредством волшебной палочки ворота проламывали? А раз были средства нападения, то были и средства защиты. Снаряд и броня всегда совершенствуются одновременно.

Ещё одна причина должна была сильно замедлить скорость передвижения армии монголо-татар. Отсутствие провиантских обозов, как ни странно. Что же солдатики кушали по дороге? Чем они своих коней кормили? Нам говорят, что монгольские лошади неприхотливы и привыкли сами себе корм добывать, а солдаты грабили местное население и тем питались. Наверно, так оно могло бы быть. Но в этом случае стремительное нашествие превратилось бы в какое-то подобие Столетней войны во Франции.

Начнем с транспорта. Я охотно верю, что в монгольской степи в табунах монгольская лошадка сама способна себя прокормить, в том числе и зимой. Но в боевом походе ей выбор надо делать, или кормежку себе под сугробами разыскивать, или всадника везти от победы к победе. Даже если, пробегая через лесочек, она, подобно сказочной козочке, ухватит кленовый листочек и тем наестся, что останется в лесочке после прохождения одного только авангарда армии. Рязань — не Монголия. В те времена это — не степь, а лес, лес и лес. Полей и лугов не так уж и много, да и на тех вся трава ещё летом скошена. Дичи, да, было много, бревен для построек и сухостоя для костров тоже хватало, а вот с сеном и овсом для монгольских коней (на полумиллионную, или чуть поменьше армию) могла возникнуть напряженка. К тому же лошадей там, по уверениям историков, было больше, чем бойцов. Для ускорения маневра многие имели по две лошади, благодаря чему сутками могли скакать галопом без привалов, на скаку пересаживаясь с лошади на лошадь. Подчеркну, речь идет о запасных лошадях, которые скакали налегке без полезного груза. Монгольские лошадки, конечно, очень неприхотливы. Но даже они могли бы

отказаться скакать по Руси день и ночь, а на коротких привалах кушать в лесу хворост и дрова и гоняться по чащобам за белками. А разводить орду широким фронтом в поисках фуража нельзя. Отряды связь друг с другом потеряют, и всё войско утратит ударную силу.

У Шолохова есть описание боя между казаками-повстанцами и красными кавалеристами. Сначала — встречный бой, когда казачьи сотни и красные эскадроны галопом идут друг на друга в атаку. Затем ложным отступлением Григорий Мелехов заманивает противника в засаду, после нескольких залпов обращает в бегство и начинает преследовать красноармейцев. Но преследование прекращается само собой, без команды. Лошади устали, хотя весь бой длился всего несколько десятков минут. Описывает это всё автор со знанием дела, он сам в подобных боях участвовал. Лошадь — не автомобиль, ей после нескольких минут бешеной скачки отдых требуется. Позднее, когда Григорий мотается по округу с остатками отряда Фомина, они на самом деле заводят себе запасных лошадей, благодаря которым могут делать большие переходы. Но в это время банда уже совсем крохотная, много корма для коней ей не требуется, а вся её ударная сила заключается в способности обстрелять издалека милицейский патруль. Ни свергнуть Советскую власть, ни захватить какую-нибудь станицу или хутор, ни даже удержать отдельную позицию они и не пытаются. Дай Бог самим ноги унести. Это я про выносливость лошадей...

Это же и к бойцам относится. Вот привел Батый орду (без обоза с сухими пайками) под Рязань, а бойцы едва ноги от голода переставляют. Где уж им на штурмовые лестницы карабкаться. Распускать всю армию в поисках продовольствия? А кто тогда воевать будет? Можно, конечно, отправить по окрестным сёлам отряды фуражиров. Но нужно, чтобы фуражиры добрались до места, а тропинки между селами замечены снегом. Нужно, чтобы они нашли и собрали продукты, а продукты спрятаны в ямы. Нужно, чтобы сформировали обоз, а всех лошадей жители укрыли среди болот на островах. Нужно, самое главное, чтобы посланные обратно добрались. Наполеон в 1812 году, заняв Москву, тоже на фуражиров понадеялся, а они почему-то не вернулись. Между прочим, к этому времени подмосковные крестьяне уже несколько поколений не знали вражеских нашествий. Они, в отличие от рязанцев времен Батыя, ни морально, ни материально к партизанской войне готовы не были, но все утраченные навыки быстро вспомнили и подходящее оружие нашли. А рязанцам XIII века, в отличие от москвичей века XIX, воевать приходилось постоянно. Ни вспоминать навыков соответствующих, ни обзаводиться необходимым инвентарем не было необходимости. Всё тут есть.

(Окончание следует)

Дорога

Солнце стояло в зените, выжигая лучами всё, что не смогло или не успело спрятаться в спасительную тень. Я обвёл взглядом тянувшийся вокруг унылый пейзаж: от края до края расплавленной линии горизонта раскинулась степь. Безмолвная. Сухая. Мёртвая. Чахлые кусты, растущие вдоль дороги, искорёжило так, что казалось ещё чуть-чуть и об их струпья-ветки можно порезаться. Я отвернулся и посмотрел себе под ноги. Стоптанные кроссовки оставляли на раскаленном гудроне небольшие углубления. Тем не менее мой шаг оставался лёгким и стремительным. Если бы не жара, совсем было бы хорошо.

Небо вдруг сменило привычный цвет на ярко-малиновый, по земле пошел гул, эхом отдаваясь в голове. Я чуть замедлил шаг. Начинается...

Полуденное марево загустело так, что стало трудно дышать. Я смахнул со лба пот и, приставив ладонь козырьком ко лбу, увидел, как слои плотного воздуха переплелись и соткали впереди маленькую фигурку. Я сморгнул и, прищурившись, разглядел мальчишку лет двенадцати, который растерянно озирается, будто не понимая, как он тут очутился. Заметив меня, он рысцой бросился навстречу, что-то крича и размахивая руками. Постепенно, впрочем, мальчик перешёл на быстрый шаг, а потом и вовсе остановился. Глаза его испуганно округлились. Обычная реакция всех, кто видит меня впервые.

— Привет! — Мой голос звучал спокойно, немного глуховато. Я знал, что на многих людей такой тембр действует успокаивающе.

— Привет... — неуверенно ответил мальчишка. — Где я?

— Это... — запнулся я. Сколько времени прошло, а мне до сих пор тяжело начинать разговор. В который раз решив, что горькая правда лучше сладкой лжи, я сообщил: — Это твой сон.

— Но ведь я сплю каждую ночь, а здесь я точно впервые... — Похоже, любопытство, присущее юности, пересилило, и мальчишка перестал бояться, но всё-таки держался настороже. Рыжие волосы, скрученные в дреды, пропитались потом и повисли сосульками. Да, жарковато сегодня.

— Сюда приходят только те, кому нужно принять решение. Важное решение, а времени в обрез. Нужно дать ответ «да» или «нет» прямо с утра.

— Решение... — Его лицо сморщилось, словно от боли.

Я с трудом растянул запекшиеся губы в подобии ободряющей улыбки: — Иначе не бывает. — Сколько я повидал таких лиц, мог бы и привыкнуть, что каждый раз одно и то же. Только... Только никак не выходило отрешённо смотреть на бремя выбора, которое ты готов бы разделить, но не можешь, не имеешь права подставить плечо, а всего лишь вынужден ставить человека перед фактом.

Мы медленно брели по потрескавшейся от времени дороге, изредка переступая через настойчиво рвущиеся к небу прямо сквозь тяжёлую броню асфальта растения. Я никогда не тороплю своих собеседников. Парнишка шагал понурившись и почти не глядя по сторонам. Размышлял.

— Как тебя зовут? — нарушил я молчание.

— Игорь...

— А меня Андрей.

— Андрей?!

— Да.

Я не знал, почему я так назывался, но, судя по реакции Игоря, это имя для него что-то значило. Позже разберёмся, что именно.

— Андрюха... Я должен предать тебя.

Я почувствовал, как лицо моё жжёт, словно серной кислотой. Началась трансформация.

— Почему? — я оступился и едва не упал. — Почему ты должен предать меня?

— Почему, почему, — огрызнулся мальчишка. — По кочану!

— Я повторю вопрос: почему?

— Потому что боюсь. — Он поднял голову и взглянул прямо мне в глаза. Но не отшатнулся. Наверное, он подспудно ждал чего-то такого.

— Твое лицо...

— Я знаю.

— Ты стал им.

— Я и есть он.

Игорь замолчал. Мы шли всё быстрее и очень скоро почти неслись по дороге. Поднялся ветер, который нисколько не остудил наши разгоряченные тела, только сёк щёки песчинками. Капли пота сбегали по лицу, вычерчивая замысловатые узоры на запыленной коже. Тонкая рубашка вымокла до нитки и прилипла к спине. Не знаю, что гнало вперед Игоря, но я не мог отстать от него. Это было попросту невозможно, против всех правил и законов. Это было настолько же нереально, как застыть в воздухе, упав с высокой башни.

— Ты ничего не просёк?! — неожиданно выкрикнул Игорь, останавливаясь и переводя дыхание. Я тоже замер на месте, глядя на него карими глазами Андрея. — Толстый взял меня к себе в тусовку! Меня, врубаешься?! Не тебя... Так и задвинул: будешь с этим децилом мутить, вали нах.

Игорь заплакал. Неумело, не удержимо. Его рыдания было жутко слушать — как вой волка, как крик смертельно раннего

Я положил руку ему на плечо, стараясь успокоить, но он скинул её, резко дёрнувшись.

— Не смотри так на меня. Не смотри!

— Хорошо, не буду.

Я отвернулся, выполняя обещание.

— Какое же я чмо! — Голос Игоря стал ясным и звонким, будто слёзы смыли накипь омерзительных мыслей и намерений. — Да, чмо! Ведь ты мой лучший друг... А помнишь, как мы убегали от Батона и я запнулся, но ты не бросил меня? Ох, и отколотил же он нас! А как мне не хватило денег на билеты в кино с Люськой, а ты отдал мне всё, что копил на рыбок? Или...

Голос Игоря становился тише и тише, я уже почти не слушал его. Лицо опять менялось на смутное пятно — размытые черты, которые становятся чёткими только силой мысли моих спутников. Я остановился, а он всё продолжал идти, разговаривая сам с собой, яростно жестикулируя. Я долго глядел ему вслед, пока он не исчез в густом мареве, из которого появился много-много метров назад.

Лёгкое головокружение от последней трансформации исчезло, и я принял свой настоящий облик, хотя как определить подлинность того, что изменяется при встречах с людьми? Я осмотрел себя: вроде всё на месте, всё моё, но откуда это ощущение потери частицы себя? Каждый раз теряю. Понемногу, но теряю. Отчего-то вспомнилась старая шутка о женщинах, которые так много раз меняют цвет волос, что забывают, блондинками, брюнет-

ками или шатенками они были от рождения.

Я вздохнул и почувствовал в воздухе запах свежей, умытой дождём зелени. Ландшафт изменился — впереди показался лес. Сколько себя помню, мне всегда нравилось в лесу. Хорошо там, где нас нет? Я ведь родился и вырос возле моря, окружённого плоской, как стол, степью. Я любил стоять на небольшом отдалении от прибоя, особенно летом — когда водяные валы, набегая на берег, не исчезали, а превращались в волны ковыля, которые томно расчёсывал ветер, нежно колыша тонкие, но сочные стебли. Бесконечность моря и степи, бездонность неба и густой, насыщенный ароматом разогретой земли воздух. И тишина. Великое безмолвие не нарушали, а скорее подчёркивали тонкий свист жаворонков, стрекот кузнечиков и низкое гудение пчёл.

В лесу всё иначе. Не менее прекрасно, но красота эта совершенно другая. Бескрайний горизонт сворачивается, пространство смыкается, заключая во влажные объятия. Голубые островки неба очерчивает ажурная вязь листвы. Своды зелёного дворца подсвечивает золото ласковых лучей солнца. Слышна самая чудесная мелодия на земле — музыка теплого ветерка, качающего кроны деревьев, пение птиц, деловитый шорох насекомых, журчание ручья.

Именно в такой лес меня и привела дорога. Не успел я как следует отдохнуть от испепеляющей жары пустыни, появился знакомый гул в ушах, а сердце ухнуло куда-то вниз, отозвавшись дрожью в коленях. Знак — скоро я опять встречу попутчика. Я огляделся в поисках того, кому снится вся эта красота. За могучими спинами деревьев виднелось что-то белое. Ничего не подделаешь, придется свернуть с дороги. Хотя какая же это дорога? Припорошенное песком асфальтовое убожество давно уже перешло в извилистую, поросшую травой тропинку.

Я оказался на поляне. На траве лежала девушка, прикрыв рукой лицо от яркого солнца. Её длинное

белое платье разметалось по примятым луговым цветам. Я замер. Она спит? Здесь?

Девушка пошевелилась и приподнялась на локте, пристально глядя на меня — нарушителя покоя. Не писаная красавица, но очень миленькая — большие серые глаза, брови вразлёт, розовые, слегка припухлые губки и грива кудрявых белокурых волос.

— Кто ты? — ни капли страха. Даже удивительно: беззащитная внешность, похоже, скрывала крепкий орешек.

— Скоро узнаешь... — спокойно ответил я.

— Ты мешаешь мне думать.

Чего-чего, а такой фразы я ожидал меньше всего. Ну что ж, я почти смирился со своим поражением. Не все и не всегда соглашаются идти на контакт. Это не были мои поражения, это были победы тех, кого я встретил: им не нужен повод-дырь. Они сами в состоянии справиться со своими проблемами.

— Извини. Мне уйти? — мой голос был едва слышен.

Девушка села, подобрав ноги под длинный подол платья, и несколько мгновений размышляла.

— Нет.

— Как тебя зовут?

— Майя. А тебя?

Я ещё не знал. Мне нужно вывести её на тропинку и начать разговор. Вот тогда и придёт знание.

— Позже... Чуть позже... — Я осознанно делал длинные паузы. Мне нужно было немного протянуть время — собеседница должна самостоятельно принять первое решение, а это не всегда удаётся сделать мгновенно.

Майя пожала плечами и поднялась. Она едва доставала макушкой мне до плеча.

— Пойдём? — спросил я.

— Да, — улыбнулась Майя и робко протянула мне руку. Я легко сжал её ладонь и повёл к тропинке.

Мы медленно шагали, стараясь не нарушить кипучую деятельность жителей леса. Майя оказалась очень молчаливой. Она всё время глядела под ноги, избегая смотреть мне в лицо. Без этого невозможна

трансформация, но я не осуждал девушку, наслаждаясь прогулкой. Куда спешить? Когда ещё удастся вслушаться в глухой стук дятла, пошуршать прошлогодней листвой, да просто сделать вдох полной грудью? Прошло много времени, пока она, наконец, не отважилась начать разговор.

– Куда мы идём?

– Просто вперёд.

– Забавно.

– Что именно?

– А почему не назад? – В голосе Майи появилась ирония.

Словесная пикировка не входила в мои планы, поэтому я решил спросить напрямую:

– О чём ты думала там, на поляне?

– О том, как сложно сделать выбор.

– Ты говоришь о любимом? – Это была всего лишь догадка, но по тому, как Майя ненадолго замолчала, я понял, что попал в яблочко.

– Да, – она закусила губу. – Мне... очень нравятся два человека. Но я не могу предпочесть ни одного из них. У каждого есть свои хорошие стороны, но есть и недостатки.

– Расскажи мне о них.

История оказалась старой как мир – один из её возлюбленных был беден и молод, второй богат, но уже в годах. Для одного из них она была первой любовью, нежной и робкой, как первый цветок, целой вселенной, терра инкогнита. Для другого она стала второй молодостью, последней отрадой и утешением сердца, покрытого шрамами прежних измен и разлук. Я слушал её, стараясь не закричать от боли трансформаций, слишком уж быстро она перескакивала с одного на другого в своих речах и мыслях. Молодой был слишком неопытен и несдержан на язык, слишком боготворил её, вплоть до вмешательства в очень личные дела, наконец, слишком беден даже для рая в шалаше. Пожилой казался слишком замкнутым, слишком осторожным в своих чувствах, слишком опытным, а иногда и слишком циничным.

– Не могу так больше... – Майя не плакала, но непролитые слёзы дрожали росой на её ресницах. Горечь ядом застыла на губах. – Они не знают друг о друге, но обман не может длиться вечно. Сашка такой романтичный и добрый, зато с Юрой я забываю обо всём – с ним интересно, он необыкновенно умен и настоящий джентльмен. Кто же из них?

Она нервно теребила невестку откуда взявшуюся в руках травинку и говорила, говорила. Я шёл молча, не осуждая и не подталкивая её ни к одному из решений. Не мог, да и не хотел. Каждый выбирает сам. Иначе и быть не должно. Я лишь помогаю взглянуть на себя как в зеркало, понять, что же на самом деле важно, а что не дороже чьих-то следов на песке, которые вот-вот смоеет набежавшая волна.

Мы шли долго. Тропинка то неторопливо вилась, углубляясь в чащу, то летела стрелой, прорезая поляны. Майя уже не говорила, а что-то едва слышно шептала себе под нос. Я без усилий разбирал шёпот, но не слышал самого главного – решения. Окончательного и бесповоротного. Мы вышли на опушку. Перед нами раскинулось безбрежное поле. Дорога звала нас к растёкшемуся маревом горизонту. Майя опять погрузилась в свои мысли, не замечая того, что подол её белого платья посерел от пыли. Я, тупо уставившись куда-то вперёд, шаркал ногами по запекшейся земле. Сколько мы прошагали, неведомо. Вдруг стало душно, как перед грозой. Что-то сейчас будет... Примчался шквальный ветер и прижал траву к земле.. Стремительно потемнело: набежавшие тучи закрыли полнеба. Вдалеке полыхнули первые зарницы – предвестницы страшной грозы. В воздухе разлился острый запах озона.

Я развернул Майю к себе и хорошенько встряхнул – девушка ничего не замечала вокруг.

– Там какая-то постройка! – Мне почти приходилось кричать, чтобы слова не относилось в сторону порывом ветра и их не поглотил гром. – Скорей, укроемся!

Майя кивнула, возвращаясь к реальности, и поспешила за мной. Белое платье трепетало как парус. Первые тяжёлые капли едва коснулись земли, когда мы переступили порог сарая. Пахло медом и луговыми цветами. На земляном полу были навалены целые охапки душистого сена.

– Юра, а Юр! – Значит, сейчас на мне лицо Юрия, бизнесмена и интеллектуала. – Правда тут здорово?

Майя смотрела на меня робко, даже немного испуганно, словно ребёнок, задавший наивный вопрос и опасющийся, что взрослый высмеет его. Я прислушался к себе и ответил:

– Даже не знаю, милая... Гляди, крыша прохудилась, скоро здесь станет промозгло и сыро. Я уже не говорю о том, сколько на нас грязи после такой прогулки. Сейчас бы очень кстати были горячий душ и ужин. Знаешь что? – Я начал хлопать себя по карманам в поисках несуществующего мобильника: – Один звонок, и здесь появится такси. Секундочку, милая...

– Да-да... – Майя грустно опустила голову. – Как скажешь, дорогой.

Лицо защипало, и из глубин небытия возник студент Александр – весельчак и душа компании, легкомысленный романтик с гитарой.

– Майка! Это ж чудо какое-то, что нам попался на глаза этот сарай! Крыша над головой, сухо, что ещё надо человеку в такой дождь? – Я лукаво подмигнул и притянул слегка упирающуюся девушку к себе. – Вот так! Ну, что? Теплее стало? Будем греть друг друга.

Я сыпал шутками, сам же хохотал над ними, ободрял и тормозил, и вот её губы тронула первая, несмелая улыбка. Серые лучистые глаза преобразились. Грусть ушла, вместо неё поселились лукавые бесенята.

Я почувствовал счастье, счастье, не нуждающееся ни в каких дополнениях, настолько оно было абсолютно.

– Ты солнышко мое. – Губы сами шептали нежные слова.

Майя сидела не шелохнувшись какое-то время, а потом вдруг потянулась ко мне. Я закрыл глаза, но ничего не произошло. Я поднял веки — её силуэт медленно таял в воздухе.

Она приняла решение. И я знаю, какое.

Встреча с Майей что-то надломила во мне. Я впервые нарушил правило — жизнь в движении. Плюнув на всё, я соорудил роскошную постель из соломы и с огромным удовольствием устроил себе отдых. Отдых не нужен был телу — ноги несли без усталости, рукам особой нагрузки не доставалось, а спину никогда не ломало от напряжения. Отдых нужен был голове. Я хотел привести в порядок свои мысли. Уверенность в выборе девушки, с одной стороны, настраивала на романтический лад — ещё бы! — отдельно взятый шалашный рай с отдельно взятым милым, но с другой — оставалась горечью. Отчего-то было жаль Юрия. В общем-то, замечательного человека, который если в чём и виноват, так это в том, что его любимая выбрала соперника. Что с ним станет? Начнёт всё сначала? Слишком поздно: не мальчик чай. Бросится во все тяжкие? Слишком примитивно: не его уровень. Пустит пулю в висок? Слишком просто. Нет. Или да?

Ну почему? Почему? Почему? Неужели Майка не могла сесть на другой трамвай, прийти вовремя на пару, вместо ночного клуба сходить в гости к подруге — я перебирал возможные места, где она познакомилась с бесшабашным Сашкой, — неужели этот весельчак не мог выбрать другую? В таком раскладе... в таком раскладе я не встретил бы Майю. А что она? Ну, поехала бы в тот день на метро — и выносила бы утки из-под старика мужа, оставаясь молодой и привлекательной? Об этом ты думала, девочка моя? Наверняка. Поэтому-то и сомневалась. Ты не боялась остаться вдовой в расцвете сил, тебе не нужны были

деньги. Ты любила Юрия, но предпочла связать судьбу с другим. Чёртов романтизм юности! У тебя-то сто процентов от души, от сердца. А у него? Долговечна ли искренность чувств? Что произойдёт, если, наигравшись с тобой, он сбежит в следующий шалаш с новой милой? Влюблённые слепы... Майя, Майя, дай Бог, чтобы ты правильно сделала выбор.

Мерный шорох дождя убаюкивал, и я заснул.

Не знаю, сколько длился сон, но, выбравшись наружу, я поразился переменам: всё вокруг устлало снегом, искрящимся алмазным блеском. Я слепил снежок и запустил им в крышу сарая.

Я относительно быстро выбрался на дорогу и тут же увяз в грязновато-серой каше чуть ли не по лодыжки. С трудом передвигая разъезжающиеся ноги, я подумал о том, что до меня не иначе, как колонна танков проехала — такая была мешанина. Я не чувствовал холода, хотя одежда совсем не соответствовала погоде — всё те же стоптанные кроссовки, джинсы и футболка. Но такое уж тут место: обычные человеческие чувства отходят на задний план, остаётся голый разум, который и принимает решение. Небо синело глубокой лазурью, какая бывает только зимой в погожий денёк. Впереди показался путник. Он шёл тяжелой старческой походкой, часто останавливался, пытаясь отдышаться. Я нагнал его и сбавил темп. Он словно бы не заметил соседства и продолжал идти, глядя под ноги и чуть заметно шевеля сухими тонкими губами. Его большой с прожилками нос покраснел от мороза, а широкие кустистые брови заиндевели.

Я решительно прервал молчание:

— Здравствуйте!

Старик рассеянно поднял голову и замер на секунду, пораженно рассматривая моё несформировавшееся лицо. Потом поправил съехавшие на нос очки, пожал плечами и ответил:

— Здравствуйте, молодой человек.

Я опешил:

— Откуда вы знаете, что я молодой?

— Знаю. Можно ведь определить возраст человека по фигуре, по походке, по голосу, манере держаться... Вам около тридцати или немногим больше.

Я поразился, потому что не знал, сколько мне лет. Сколько себя помню, была только эта бесконечная дорога, переходящая то в горные тропы, то в уютные тенистые тропинки, то в серые, отвратительного качества, шоссе, то в роскошные автобаны.

— Мне бы вашу уверенность, — протянул я. — Хотя, возможно, правда ваша.

— Правда, молодой человек, правда. Дело в том, что я всегда прав. — Старик захихикал, довольно потирая ладони, которые до этого держал, сложив за спиной. — Прожитые годы даровали мне это свойство, отняв многое другое.

— Я... — Невестя откуда появившаяся робость сдавила горло. — Я могу задать вам вопрос?

— Почему нет, — дряблые, с синими жгутами варикозных вен руки опять скользнули за спину.

— О чем вы только что размышляли?

Он остро взглянул на меня поверх старомодной роговой оправы.

— Ну, если вам так интересно...

Я не понимал и трети всех терминов, которыми играючи жонглировал профессор (я не посмел даже в мыслях допустить, что он не носит этого звания), но жар его речей завораживал, лицо преобразилось. Я не видел более ни сторбленной фигуры, ни слезящихся от ветра глаз, ни седой головы, ни лица, покрытого морщинами. Я видел только свет разума. Он горел как факел в ночи, озаряя всё вокруг. Старик делился своими сомнениями, своими неудачами. Но они лишь служили топливом, которое несло локомотив мысли вперед.

Профессор стоял на пороге великого открытия, которое мучило его не первый год, пожирая силы

и здоровье, но всё никак не могло оформиться. Недоставало какой-то мелочи, чтобы камешек мозаики лег на своё место, довершив картину. Это угнетало и лишало веры в себя. Но профессор не терял надежды. Он умел работать. Он мог и хотел творить.

Я почувствовал, как началась трансформация. Каким станет моё лицо? Да и кто в состоянии помочь гению в его труде? Никто! Ведь никто не знает предмета лучше, чем сам гений.

– Так вы говорите, что последние опыты показали...

Я легко перешёл на чуждый до сих пор мне язык формул и машинально заложил руки за спину. Профессор чуть улыбнулся. И повторил мой жест. Так мы и шли, долго шли по ледяной пустыне. Нам не было холодно, стало даже жарко, и мой попутчик снял тяжёлую меховую шапку. Одышка уже не мешала ему. Он вообще ничего не замечал ни вокруг себя, ни в самом себе, весь отдаваясь размышлениям...

Наша беседа наконец закончилась. Я утёр со лба пот. Никогда ещё мне не было так сложно искать правильное решение. Но оно существовало, и, значит, найти его лишь вопрос времени. Пожав мне руку, профессор растаял в вихре мерцающих снежинок. Я позавидовал ему. Потом едва не застонал от боли, возвращаясь к своему истинному лицу, вернее, к тусклому размытому пятну, заменявшему мне его. И зависть отступила, на её месте воцарился ледяной покой.

Профессор давно исчез, а одна мысль никак не давала мне покоя. Обычно те, кого я встречал, искали выход из сложной, но, в общем-то, житейской ситуации. Объективности ради, меня не очень тронули проблемы Игоря — сказывалась разница в возрасте, а вот история Майи разбередила сердце, до сих пор отдаваясь покалыванием слева в груди. Что же не так было с ученым? Ну не мог ведь этот старик

прийти сюда только лишь для того, чтобы найти решение, пусть даже эпохальное для науки. Как-то мелко это на фоне тех страстей, которые мне довелось увидеть за долгие километры пути. Или профессор оказался настолько чёрств и сух, или я чего-то так и не смог понять.

Стоп!

А ведь недаром, ой не даром я превратился в него, а не в оппонента жаркой научной дискуссии — эдакого злейшего друга. Так-так-так — ещё не горячо, но, кажется, потеплело!

Какие есть варианты? Ну, например, то, над чем он работает, может служить как мирным, так и военным целям. Тогда становится понятной дилемма — кому охота выпустить джинна из бутылки, который не только строит, но и разрушает. Причем второе делает с гораздо большей охотой и эффективностью, потому что попадает в благодатные условия военных полигонов.

Что же профессор? Решал, как поступить? Оставить след в истории науки или пожертвовать своими амбициями и дать возможность человечеству перерасти этап дикаря с ядерной дубиной? Почему бы и нет? Ведь были примеры в истории — те же физики-теоретики, расщепившие ядро и осознавшие, к чему может привести применение атомного оружия. Толку с того, что их голос остался гласом вопиющего в пустыне, мужество учёных это насколько не умаляет.

Я наконец-то понял, что не только чистая теория снесла профессора. Старик подсознательно готовился ответить на вопросы морали и этики. Чем поступиться? Совестью или амбициями? Он пока не знает, а значит, ещё раз вернётся сюда...

Размышляя о странном попутчике, я в который раз не заметил, как сменилась погода.

Появилось чёткое ощущение последних деньков бабьего лета. Я шёл по надоевшему мёртвому асфальту, легко ступая стоптанными кроссовками. Прозрачный, хо-

лодноватый воздух не давал солнцу жарить по-прежнему, тем не менее, от быстрой ходьбы на лбу появилась испарина. Порывами ветра приносило паутинки, клейкие нити которых приходилось смахивать с лица.

Вокруг тянулись поля, голые и безжизненные, с жёлто-багряной каймой деревьев. Кто придёт в это место и в такое время с надеждой на восстановление мира в душе? Кто, здесь и сейчас отыщет покой, который среди людей превратился в миф, словно цветок папоротника в ночь на Ивана Купала? Я не знал, не знаю и не буду знать ответы на все вопросы, но зато способен дать шанс найти их. Иногда человек и не подозревает, что глубоко в подсознании давно уже всё решил... Просто не всегда под силу заглянуть в глаза самому себе. Или мелкие детали кажутся настолько незначительными и обыденными, что, сколько ни смотри, их не разглядишь.

Мои мысли прервал чей-то окрик. Кричали сзади. Я удивленно обернулся. Передо мной стоял мужчина лет тридцати-тридцати двух, в потёртых джинсах и брезентовой куртке. За спиной болтался небольшой рюкзак. Мой взгляд непроизвольно остановился на его лице — резком, строгом. Сердце вдруг бешено заколотилось в груди, будто я только что на одном дыхании одолел высокую гору.

– Ну, здравствуй!

Мне бы его спокойствие: незнакомец смотрел внимательно и дружелюбно, даже с некоторым сочувствием на то, как я в смятении сжимаю-разжимаю кулаки.

– Привет...

– Давно идёшь?

– Прилично.

Незнакомец хмыкнул, мне это ужасно не понравилось. Всё шло не так, как всегда. Обычно я проявлял инициативу и вытягивал собеседника на откровенный разговор.

– Искал что-нибудь? — Нас явно поменяли местами.

– При чем здесь поиски? — огрызнулся я.

– Значит, искал...

– Да иди ты!
Незнакомец невозмутимо
потёр пальцами переносицу:

– А вот нашёл ли?

Тон, которым он это произнёс, заставил меня задуматься. Неужели искал? Чёрт подери, всё верно! Воспоминания ринулись на меня морским прибоем, захлестнули и откатились назад, оставив на песке памяти бесценные жемчужины и жалкие, никому не нужные, обломки. Я нашёл решение, но оно было настолько горьким, что я не захотел покидать тропу, что вела через изумительный зелёный лес. Я шагал по ней, не чуя усталости, а рядом со мной шли те, чью судьбу я хотел изменить после пробуждения. Так вот, плечом к плечу. Говоря друг с другом откровенно и честно, без припоминания прошлых грехов и надуманных ссор, не умалчивая о мелких, но таких важных деталях. Я остался тут, в полном одиночестве, которое изредка нарушали случайные путники. Я потерял своё лицо, но зато обрёл возможность прожить сотни жизней, управлять сотнями судеб. Я помогал им всем, потерявшимся в дебрях сомнений и страхов.

– Нашёл! – выпалил я.

– Ну и чего ты ждёшь?

– А что если я ошибаюсь?

Он усмехнулся. Медленно его лицо расплывалось, теряя очертания. Я знал, что увижу – тусклое, размытое пятно. Защищало кожу, и руки взметнулись ко лбу. Это была моя окончательная трансформация. Трансформация в самого себя. Я почувствовал, как моё тело становится невесомым. А ещё, что лечу куда-то и очень тороплюсь сказать самому дорогому существу на земле, как я счастлив вернуться домой.

– Он открыл глаза.

– Сестра, срочно пригласите в палату Виктора Евгеньевича. Его пациент очнулся.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

Б

БРЕДИН (-фон) Софья Андреевна.

Вдова прусского офицера. «Легчайший способ кроить всякого рода дамские платья. Тетр. 1, с чертежами». М., 1837.

Слов. рус. писательниц.

БРЕЙ А.

Авт. ст. «Есенин», помещенной в пражском лит.-публиц. журнале «Годы» (1926. № 1).

Периодика...

БРЕНКО Анна Алексеевна.

(См. Левенсон А.А.).

БРЕСЛАВЕЦ (БРЕСЛАВЕЦ-КРЕСТОВНИКОВА) Лидия Петровна (1882 — 1967), авт. воспоминаний.

Ботаник. Воспоминания о Н.И.Вавилове. — В кн. «Рядом с Н.И.Вавиловым. «-е изд, доп. М., 1973. С. 28–33; «Наш учитель». — В кн. «Д.Н.Прянишников». М., 1972. С. 151–153.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5227, 5559.

БРЕТЦЕЛЬ Анна Алексеевна фон (— 1932), авт. воспоминаний.

Жена врача Я.Б. фон Брецеля, в 1880 г. слушательница Высших женских курсов (Бестужевских). «Мои воспоминания о Достоевском и Тургеневе». — «Лит. наследство», 1973. Т.86. С. 315–321.

ИДРДВ. Т.3. Ч.4. № 7017.

БРЕШКОВСКАЯ Екатерина Константиновна.

(См. Брешко-Брешковская Е.К.).

БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ Екатерина Константиновна (урожд. Вериги; псевд. Михайлова, К., Проценко, С. и др.; 1844 — 1934), публицист, автор мемуаров.

Деятельница народнич. движения, прозванная в нач. XX в. «бабушкой русской революции» один из организаторов и лидеров партии социалистов-революционеров. В 1917 г. была чл. редколл. газ. «Воля народа», раб. у А.Ф.Керенского в кач. неофиц. консультанта. Сотр. в его газ. «Дни», а позднее и в одноимен. еженед. журн., который выходил в Париже (1928–1933), — как авт. политических статей эсеровского содержания. В процессе рев. деятельности, находясь под следствием и в

ссылке, писала воспоминания, очерки, в т.ч. о женщинах-революционерках, отмеченные углублением в психологию семидесятиц: «Из моих воспоминаний. I. Ишутин. II. Отец Митрофан. СПб., 1906; «Бабушка Е.К.Брешко-Брешковская о самой себе» — П., 1917. Эмигрировав, жила в США, Франции, Германии, Чехословакии. В парижском журнале «Иллюстрированная жизнь» (1934. № 28) был напеч. отрывок из ее воспом. «В тайге: Как мы бежали». Ее воспомин. печатал и нью-йоркский «Новый журнал» (1942. № 1). В газ. «Последние новости» (Париж) (1935. 26 янв. С. 5) напечатаны ее воспоминания «Детские годы К.Брешковской: (По рассказам бабушки)» — о детстве в селах Витебской и Черниговской губ. А в «Новом журнале» (Нью-Йорк) — «Ранние годы» (1960. № 60) — о детских годах в с. Иваново Невельского уезда Витебской губ. Оставила также воспом. о П.А.Кропоткине и др. («Три анархиста» \ \ Соврем. Записки (Париж) 1921. № 4. С. 100–127).

БСЭ; Русские писатели (портр); Масанов; Периодика...; ИДРДВ. Т.3, 4. Т. 5. Ч. 2 (указ. имен); «Русский Париж»; Петряев. Краеведы...; РРЭВД. 1.

БРЖЕЗИЦКАЯ, новеллистка.

Сотр. «Киев. Слова» (1890–е гг.) — Галя Ю-на.
Масанов.

БРИАН Мария Исааковна (наст. фам. Шмаргонер; 1886 — 1965), авт. воспоминаний.

Певича, оперная артистка и педагог. Род. в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Пению обучалась в Париже, затем — в СПб. консерватории. Оставила воспоминания «Незабываемое прошлое». — В кн. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Л., 1962. С. 318–320. Солистка СПб. театра музыкальной драмы и Ленинградского ГАТОБа. На оперной сцене была партнершей Ф.И.Шаляпина, Л.В.Собинова. Ее лучшие оперные партии Татьяна в «Евгении Онегине», Марфа в «Царской невесте», Микаэла в «Кармен». О ней: Емельянова З. Мария Бриан \ \ Нева. 2002. № 3. С. 231–237 (портр).

ИДРДВ. Т.4. Ч.4 (указ. имен).

(Продолжение на стр. 17)

Древний обычай участия

Вот придет к тебе нищий,
Ладонь раскрыв.
Станет милость просить,
Чтоб спастись от лишенья!
Берегись же тогда
Свой покой хранить
И в молящие очи
Послать оскорбления.

Габдулла Тукай. «Наставление»

Так случилось, что около тридцати лет назад мне пришлось спасать мужа после автомобильной аварии, случившейся около города Октябрьского (в Башкирии). Это произошло в жаркий день начала августа между пос. Бавлы и городом Октябрьским. Авария была тяжелой. Муж сильно пострадал, тщетно звал к инспекторам ГАИ (которые, по его мнению, не объективно вели себя) с просьбой прислать на место старшего по званию. Ни автомобиль, ни сам он (возвращался из отпуска один) — самостоятельно не могли передвигаться, а машины встречные и попутные проходили мимо — у всех были заботы и проблемы, никто не хотел (кое-кто выслушивал из любопытства) заехать в пос. Бавлы и сообщить о случившемся — расстояние было около 2 км. Даже земляк из Новоуральска, где мы жили в ту пору, известный своей должностью и хорошо знакомый по работе, отказался, извинившись — очень спешил к родителям жены в Уфу. В течение пяти часов, оставляя пятна крови на асфальте, пострадавший прыгал на одной ноге по направлению к жилью (как оказалось, у него было раздроблено колено).

И вдруг остановился грузовик (было около 6 часов вечера), вышел водитель, расспросил, без лишних слов отбуксировал машину в Октябрьский. Единственно, что сказал: «Как же ты тут будешь один на дороге, впереди ночь». Отвез мужа в больницу, помог передвигаться, пока делали рентген, проводил до палаты. Дал адрес матери, живущей в частном доме в пригороде Октябрьского, куда во двор он и поставил машину.

Я приехала в Октябрьский, нашла домик, но во дворе оказалась пожилая женщина, понимающая только башкирский язык. «На пальцах» я объяснила, что имею отношение к разбитой машине, закрытой чехлом в ее дворе. Тихо и спокойно, с сочувственной

улыбкой она объяснила, как могла, что сын «не велел» никому давать ключей, и сообщила городской адрес. О дальнейшем скажу коротко: я, водитель ЗИЛа Николай и муж (в гипсе) прожили трое суток в прекрасной семье — мать, дочь 17 лет, сын Темир, который приезжал каждый день из города и помогал, чем мог. Все были добры, внимательны и заботливы.

Я буду до конца своих дней благодарить эту семью, бескорыстно и как будто естественно для себя помогавшую нам. В первый же вечер поразило и вызвало удивление отношение матери и дочери к сыну. Дело в том, что незадолго до события они похоронили главу семьи, и Темир стал в ней за старшего. Мать и сестра слушались его беспрекословно. Мать то и дело спрашивала совета, дочь (сестра его) просила, например, разрешения пойти вечером погулять с подружками. И один раз ей было в этом отказано (разговоры шли на родном языке, а чтобы мы не обижались, нам объяснили, что мама по-русски не поймет). Помню, девочка огорчилась до слез, но убежала «переживать» во двор. А отказано было, оказывается, потому, что в доме были гости и могла потребоваться какая-то помощь. «Видали? — спросил наш «ангел-хранитель» — водитель Николай (прекрасный, добрый человек и сам хороший сын). — Наша девчушка послала бы куда подальше и сделала по-своему». Никто в семье не повышал голоса, и голос старшего брата был тих и непререкаем. Это было воспитание, а точнее — традиция, передающаяся из поколения в поколение.

А теперь приведу собственное «исследование» обычаев и истории появления башкир на Урале.

Главой в ортодоксальной башкирской семье был мужчина. И женщина часто сама выдвигала его на первый план в качестве официального главы, поддерживая его авторитет перед людьми, видя в этом

определенную гарантию престижа и благополучия семьи. А он отвечал за соблюдение семейных правил поведения в обществе. Современная башкирская семья унаследовала многое из того, что было присуще ей издревле, особенно в распределении обязанностей и внутрисемейном этикете. Стирка, приготовление пищи, уборка дома, уход за детьми или престарелыми остаются сугубо женским делом. За мужчиной — полевые работы, уход за скотом, уборка и благоустройство двора или усадьбы, ремонт и обновление построек и инвентаря.

Как и в прошлом, дети довольно рано начинают участвовать в работах по хозяйству, уходе за скотом, уборке и т.д.

Традиционный семейный этикет строится на безусловном уважении и почитании старших младшими, родителей детьми. Самым большим уважением в семье пользуются дед и бабушка. Они занимают почетную, гостевую половину дома. Не полагается в их присутствии говорить громко, перебивать их во время разговора. За общей трапезой их сажают на самые почетные места. Почти такое же положение, по обычаю, занимают родители, особенно отец. В свою очередь, и они стараются держаться перед младшими, детьми и внуками с большим достоинством, строго концентрировать свое поведение, проявлять сдержанность и выдержку в обращении друг к другу, не посвящая детей в возникающие разногласия. Возрастной ранг соблюдается и между детьми: младшие слушаются старших братьев и сестер, а те, в свою очередь, оберегают их, заботятся о них. К старшим принято обращаться не по имени, а с помощью звательных форм родства и старшинства: арай — старший брат, дядя моложе родителей; апай — старшая сестра, тетя моложе родителей и т.д.

По семейным обычаям, идущим из глубины веков, существует возрастная очередность во вступлении в брак между братьями и сестрами. В семье наших «благодетелей» Темир, недавно женившийся, большую часть времени (после смерти отца) проводил с матерью и сестрой, заботясь о них.

Добавлю еще, что многие родственники Темира приходили и предлагали нам свою помощь, что было очень трогательно. Денег от нас не приняли, просили только сообщить, как пройдет предстоящая мужу операция.

Первые два-три года мы переписывались, сообщая друг другу новости о своих семьях, потом постепенно переписка замерла, но благодарные мои чувства не исчезли. И до сих пор помню изящество и человеческое обаяние худеньких красивых женщин этой семьи, хлопотавших на дворе и маленьком огороде, спокойный, рассудительный характер мужчины — главы ее.

БРИК Лили Юрьевна (урожд. Каган; 1891 — 1978), авт. воспоминаний.

Жена О.М.Брика; близкий друг и возлюбленная В.В.Маяковского. Редактировала нек. его книги. «Из воспоминаний». \\ Альманах с Маяковским. М., 1934. С.59–79, ил.; «Маяковский и чужие стихи: (Из воспоминаний)» \\ Знамя. 1940. № 3. С.161–182; «Чужие стихи»: Глава из «Воспоминаний» \\ В.Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С.328–354. Воспоминания Л.Ю.Брик об отношении В.В.Маяковского к стихам Черного. — В кн. Чуковский К.И. Саша Черный. — Собр. соч.: В 6-ти тт. М., 1965. Т.2. ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1410—1412. Т.4. Ч.4. № 9212; Розанов.

БРИХНИЧЕВА Валентина

Авт. «Пламенное седрце: Пророчество о Новой земле» (М., 1912). «Корка хлеба: Легенда». М., 1912. Венгеров. Источ.; РНБ.

БРОВКИНА М.Я.(псевд. Дилетант), переводчица.

Пер. фил. драму Э.Ренана «Калибан». Кн. 2. М., 1906.

БРОВЦЫНА Е.В.

Авт. ром. «Амазонка». — «Русские Записки», 1916. № 5, 7, 8.

БРОВЦЫНА Елизавета, дет. писательница (М., 1911).

Венгеров. Источ.

БРОДНИЦКАЯ Ольга Васильевна (псевд. Неруш, О.), переводчица пьес на укр. язык.

Масанов.

БРОДНЯНСКАЯ Надежда Владимировна, авт. воспоминаний.

«Представление дам дипломатического корпуса в Пекине китайской императрице 19-го января 1902 г. — В кн.: Верещагин А.В. На войне: Рассказы очевидцев. 1900–1901 г. СПб., 1902. С. 1–7.

ИДРДВ. Т.4. Ч.1. № 1649.

БРОДСКАЯ Анна Львовна, авт. воспоминаний.

Жена скрипача А.Д.Бродского. Из воспоминаний А.Д.Бродского о Тургеневе. — В кн. Тургеневский сб. Т.4. Л., 1968. С. 298–299. ИДРДВ. Т.3. Ч.4. № 7636.

БРОЙДО Ева Львовна (Хава Лейбовна) (урожд. Гордон, в первом браке Эдельман; псевд. Львова, Е.; 1876 — 1941), публицист, авт. воспоминаний.

Член РСДРП, меньшевичка, неоднократно избиралась в состав руководящих органов РСДРП. Ликвидатор. Секретарь и сотр. газ. «Луч». Авт. пропагандистских брошюр — Львова, Е. Была членом ЦК. Выступала против признания октябрьского переворота большевиков. В 1920 эмигрировала, входила в состав Заграничной делегации, была секретарем «Социалистич. вестника». В 1927 прибыла в Россию для нелегальной работы. В 1928 арестована в Баку и осуждена к 3 годам тюрьмы. С 1931 в ссылке в Ташкенте, затем Ойрот-Туре. В 1937 арестована вновь и осуждена к 25 годам тюремного заключения. Расстреляна в 1941-м при спешной эвакуации Орловского централа. Авт. воспоминаний «В рядах РСДРП.» М., 1928.

Масанов; ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 4045; Николаевская.

БРОМЛЕЙ Надежда Николаевна (в первом браке Вильборг, во втором Сушкевич; 1884 — 1966), прозаик, драматург, поэтесса.

Актриса и режиссер. Дебютная кн. стихов и лирической прозы «Пафос» (М., 1911) отмечена стиливым эклектизмом. В основе повестей и рассказов, появившихся в журналах, лежит тонкий анализ чувства. В послерев. годы наряду с театр. деят. активно работала как в прозе («Исповедь неразумных», «Потомок Гаргантюа»), так и в драматургии (пьесы «Архангел Михаил», «Король квадратной республики»), однако значит. часть произведений осталась в рукописях. В т.ч. и «Автобиография (1889–1920)» — РГБ ОР. Ф. 178. № 9584. 10.

Русские писатели, т.1 (портр.); ВД. Указ рук. (указ. имен); Актеры и режиссеры. М., 1928. ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7895; Сто одна поэтесса серебряного века.

(Продолжение на стр. 29)

Осенний день без рая

Человек, сидящий за столом, едва заметно шевельнулся — или почудилось? Лицо в тени, выражения не разглядеть.

Обстановка вокруг видится неясно, стены колыхнутся, будто застланные туманом. И тихо. До чего же тихо...

Я шагнула к столу. С трудом разлепила губы, но не смогла выговорить ни слова.

— Ты чувствуешь, что я для тебя — как друг, — сказал сидящий. — Как самый близкий человек. И в то же время ты боишься. Нелогично. Разве это страшно — облегчить душу?

Ну же, сказала я себе. Усилие, точно тяжелый камень сдвигаешь с места. И слова полились сами, как поток.

— Помню, утром летела через город, и модуль был переполнен... (Говорю или думаю? Думаю или говорю?) Обычная утренняя давка. И эта девочка, когда я ее случайно толкнула — лицо у нее вдруг стало таким растерянным... Ерунда, конечно. Но вспомнилась другая девчонка, Алена, которую мы дразнили в школе. Давно, давно. Как она смотрела на нас — тот же испуг...

Тень так плотна, что не видно глаз сидящего. И все же ощущение пристального взгляда:

— Про Алену ты уже рассказывала. Вспоминай главное.

Да есть ли вообще у него лицо?

— В детстве мы часто ругались с отцом. Я все делала наоборот. Папа ругал за то, что часто лазила в виртуал. Мол, пойдешь побегай, для здоровья полезно... Хотел, чтобы стала юристом, поступила в юридический лицей. А я уже тогда мечтала быть программмером. И теперь...

Я говорила, и страх окутывал меня. Не это сейчас было важно, не детство и даже не отец, а другое, более глубокое... глубже, чем хочет узнать сидящий... и вот об этом важном — ни слова. Молчи, молчи. Но могу ли таиться, когда он видит меня насквозь?

— Опять не главное... — мягко сказал безликий. — Доверься, прошу тебя. Я лишь твоё отражение, ничего кроме. Зеркало, которое сделали люди. Программа. Страшиться тут нечего.

Почему-то пришло в голову, что будь у сидящего лицо — глаза скрывались бы за черными очками.

— Если ты отражение — пусти меня к родителям! — выкрикнула отчаянно, глупо. Сама от себя не ожидала. Впрочем, ведь и крик здесь — это не больше чем мои мысли?

— Я пушу, — человек встал. — Может быть. Если поговоришь о своих сомнениях. О безверии... Подумай — я всего-навсего хочу тебе помочь.

Что-то шевельнулось у него за спиной. Белесое, светящееся.

Крылья?

Страх уходил, растворяясь в малознакомых чувствах — легкость, умиротворение...

— Утром подумала со злостью: вот ввели принудилровку в школе, — виновато проговорила я. — Раз в месяц исповедь... А потом и до взрослых доберутся. Что же это получается — рай как обязанность?

— Я лишь программа, — безликий, похоже, улыбнулся. — Но тебе не кажется, что люди должны чувствовать уверенность в своем завтра? Уверенность в посмертном блаженстве? И разве не на этом строится мораль?

Он знал, явно знал, что мне хотелось услышать!

— Но... человечки в коробочке, — сказала по инерции, словно защищаясь. — Машинный рай...

— А чем это хуже любого другого рая?

— Не знаю, — я медленно качнула головой. — А зачем вообще нужен рай?..

...Мы стояли молча, глядя друг на друга — не помню, сколько времени прошло — за спиной безликого вдруг зажглось белое сияние и, разгораясь, поглотило его — остался только сотканный из света овал — я поспешно прикрыла веки.

И сияющая фигура сказала:

— Прощай. Я буду надеяться, что ты придешь снова. Уже ради себя, а не для родителей.

Он начал читать, будто по списку:

– Владислав и Ирина Самойловы, год первого таинства у обоих – 2067-й, погибли в авиакатастрофе в 2071-м. Последняя запись – за два часа до происшествия. Исповедались за три месяца до гибели.

– Да, – невольно прошептала я.

– Откроешь глаза, увидишь ворота. В них входи. И помни – дается одно свидание на пять лет твоей жизни...

Сияние, пробивающееся даже сквозь веки, погасло.

«Ворота» оказались простой двустворчатой дверью, над которой ярко горела свеча. Створки, кажется, расписаны полустершимся узором. Я подошла к двери и нажала ручку.

Исповедь закончилась.

Мама с папой были давно уже в возрасте, когда решились на первую исповедь. Может, предчувствие... Во всяком случае, прежде они из принципа ни во что не верили – ни в бога, ни в милости государства, ни даже в новомодные виртуальные ухищрения. А неорелигия объединила в себе и первое, и второе, и третье... И потому-то родители порядком ошошили меня, заявив, что хотя бы обратиться в новую веру.

Странно, но мы почти об этом не спорили. Наверно, оттого, что я уже тогда жила отдельно.

А через четыре года был тот рейс. Когда я обратилась в епархию, мне ответили, что личности моих родителей благополучно проинсталлированы (последнюю запись мама с папой сделали в самолете) и находятся в чистилище, поскольку для рая накопилось слишком много прегрешений, да и с момента исповеди прошло немало времени.

Я долго плакала и чуть не покончила с собой.

Спустя полтора месяца подала заявку на исповедь. Для кого-кого, а для меня вот уж странный поступок... Но другого пути свидеться с родителями, кроме официально-го, нет.

За дверью было темно. Темнее ночи – настоящей, не освещаемой городскими огнями и притом беззвездной... хотя вряд ли я когда-нибудь видела такую ночь. Абсолютная, безликакая тьма.

Сделав несколько шагов, я обернулась. Исчезла ли дверь, или просто погасла свечка? Не хотелось возвращаться и проверять.

Куда идти? В пустом пространстве неощутимая опора держит меня. Или, может, нет вовсе опоры – тогда как же я шла, а сейчас стою?

Тишина.

В темноте плывут, возникнув ниоткуда, две тускло светящиеся, прозрачные... тени? Или люди?

– Мама, папа, это вы?

Изображение проясняется, на лицах (я теперь уже вижу лица) слабо проступают черты.

– Как живешь, Алечка? – папин голос звучит явственно, словно он говорит мне на ухо; но не шевелятся губы.

– Я ничего, нормально. А вы то как?

Слова идут на язык бесцветно-обыденные – других не нашлось и в жизни, то есть в реале...

– Мы здесь, спасибо Вышним Силам, хорошо. Всё лучше, чем совсем не быть.

Их голоса сливаются, и уже не различаю, что говорит отец, а что мама. Неправда, в жизни было не так!

– Темно тут, доча. Грустно. Мы молимся и ждем.

Я пытаюсь вспомнить, что знала о чистилище из старых книг (родители мне мало о своей вере рассказывали). Хотя старохристианские представления в чем-то отличаются, наверное... Вспомнился Данте: таскают каменные глыбы... сидят слепые, с зашитыми глазами. Нет, даже совсем не то.

Мама с папой молчат и – чудится или нет? – слабо головой кивают. Будто в такт своим мыслям.

– А вы?... – начала было я и осеклась. Спросить хотелось: а что вы чувствовали тогда, в пос-

ледную минуту? Когда самолет падал? Но это плохой, жестокий вопрос; да, главное, и бессмысленный: последнее, что они должны сознавать, – запись за два часа до катастрофы. Как обычно, записались вместе – чаще мама напоминала папе, но иногда и наоборот.

Это ведь быстро – сделать сохранение. Всего пять секунд.

Привычный, знакомый мамин-с-папой жест. Всплывает в памяти: мама, разговаривая со мной по видео накануне того рейса, машинально поднесла к виску коробочку-нейроскан и щелкнула клавишей. И точно так же, должно быть, – потом, в самолете...

Нелегко себе признаться, но я не могу до конца поверить: вправду ли передо мной мама и папа? Видны только лица – призрачные, неподвижные... Нет, я верю, верю! И буду говорить с ними, как с родителями.

– А что вы делаете здесь? Сидите... ну стойте то есть... и всё?.. Чего ждете? Скоро это кончится?

– Через пятьдесят лет – может быть, – произносит мама, я опять начинаю отличать ее голос от папиного. – А может, через сотню. Или через тысячу. Но здесь время идет иначе. Мы разговариваем, если нам становится скучно. Иногда нам разрешается побеседовать с другими, кто находится в этом мире. Еще реже – увидеть издали рай.

Меня пробирает морозная дрожь.

– И что, отсюда никто не уходит? До срока?

Родители переглядываются.

– Нет, Аля, – отвечает мама. – Никогда не бывало.

Молчат о чем-то? Не хотят пугать? Они и в жизни говорили неправду редко, а уж в чистилище – тем более...

– Мама! Не ври, пожалуйста! Расскажи обо всем! – Приближаюсь, протягиваю руки, будто хочу тряхнуть ее за плечи – призраки медленно уплывают в сторону, не поймать.

Я тяжело вздыхаю.

— Те, кого взяли в рай — они как-нибудь искупили вину? Папа! Ну скажи же!

Ни слова в ответ.

— Или им помогли снаружи? Тогда могу помочь и я?

От этой догадки мне становится легче. У родителей, выходит, была самая заурядная, не страшная причина молчать!

Опять безмолвный разговор между мамой и папой — лица на секунду оживляются, быстрый взгляд, кивок...

— Мы иногда встречаемся с другими, — сказал папа. — Обмениваемся слухами. Есть способ говорить и на расстоянии... И вот одну из нас... молодую женщину, у нее было много темных пятен-грехов, такие не отмаливаются скоро... ее забрали наверх Вышние Силы. Отмучилась. А к ней за неделю до того являлся на свидание брат из реала. Мы ничего не знаем, но пошли слухи. Просто слухи.

— Короче, он заплатил за нее, этот брат? Да?

— Тише! — воскликнула мать и снова будто ожила. — А ну перестань, не кощунствуй! Не может быть...

— Мы-то надеялись, — грустно проговорил отец, — ты хотя бы сейчас, после нашей смерти, уверуешь... А ты все меряешь деньгами.

— Я думала у вас спросить, — сказала я, — думала спросить, что мне делать. Потому что сейчас не знаю, верить мне или нет... Все так перепуталось. Но теперь важно другое. Если надо заплатить, я узнаю — кому, я заплачу! Я помогу вам.

Отец покачал головой, но ответить не успел.

Наверху вдруг вспыхнула яркая точка-звезда; она быстро приближалась и через несколько секунд выросла в шар, похожий на солнце, но не такой сияющий: при взгляде на него не слепило глаза.

— Это что? — спросила я.

— Конец, — сказал папа. — Конец свидания.

— Это рай, — добавила мама. — Ты увидишь его сама. Ненадолго.

Шар... нет, диск, похожий на летающий остров... завис над головой. Горячей влажностью повеяло от него — не обжигающим жаром, а просто теплом, как от домашней батареи. Я пригляделась — я будто была уже там, внутри. Немыслимые краски сверкали и искрились вокруг меня.

Это был пляж. С шелестом набегала волна на песок, смеялись дети, солнце не припекало, а грело мягко, ласково.

А еще это был сад. Ветви гнулись под тяжестью спелых, налитых соком фруктов, и на этих же ветках распустились цветы. И если лечь в высокую траву, поющую песню на ветру, то забудешь обо всех своих хлопотах навсегда.

А еще это было небо, где люди летали среди облаков, словно птицы.

А еще это был город с золотыми шпилями башен и хрустальными мостами через каналы; город, где в стенах домов сверкают драгоценные камни.

И это было все вместе и ничего в отдельности.

Солнечный луч проник в щель между занавесками, и резануло глаза.

Да, солнечный луч. Значит, я открыла глаза, даже не очнувшись окончательно.

Смахнула набежавшую слезу. Осторожно отвела электрод от виска.

Я полулежу в кресле, рядом жужжит кондиционер, за окном гул пролетающих модулей и флаеров. Старенькие бесцветные занавески кое-как закрывают окно; подоконник обшарпанный. Прилетела муха и нахально села на тыльную сторону ладони — я пошевелила кистью, согнав ее.

Все это — жизнь. Все это мелочи, которых в том мире не хватает.

Чертовы вирт-дизайнеры, концепционисты и художники! Я бы лучше придумать смогла. Да вот беда, не даст никто. Когда любой иной виртуал запрещен,

кроме церковного, — тут не развернешься.

Жизнь меняется быстро. Лет пять назад сказали бы мне, что неосакрал настолько войдет в силу... я б не поверила.

И этот рай — лишь плод мечты об абсолюте. Небогатая фантазия, схема... Странно, что эта яркая игрушка так очаровала меня.

Голос из микрофона:

— Александра Самойлова, ваше время закончилось. Подойдите, пожалуйста, в регистратуру.

Надев туфли, я вышла в переднюю комнату и заплатила по счету бледной, мрачноватого вида женщине в черном церковном одеянии, сидящей за столом. Сумма небольшая — неоцерковь существует на деньги государства, а не прихожан. Впрочем, для меня сейчас и мелочь играет роль — неизвестно, скоро ли отыщу работу. Конечно, мелочь там или не мелочь, а важнее родители...

А может, наняться в церковные вирт-программеры? Ха-ха. Правда, для этого нужно будет и дальше ходить на исповедь к ангелу — папа с мамой небось обрадуются, когда узнают. Серьезно, буду неплохо зарабатывать... Но отказаться от себя, от свободы и всего, чем дорожу... не слишком ли?

Однако надо ведь как-то жить! И где-то достать деньги, чтобы помочь родителям. Большая сумма, думается...

И свобода — не чересчур ли громко сказано? Я не признаю абсолюта, но хорошо ли это? И не отсюда ли пустота?

Так и не спросила у моих, что мне решить, хотя думала об этом, отправляясь в виртуал... Не спросила и ответа не получила. Уж не знаю, послушалась бы или нет. Но разве есть в этом смысл — верить, если себя заставляешь?

Я обнаружила, что уже стою на бегущей дорожке у выхода, и здание неоцеркви (скупо-официальный и при этом торжественно-пышный стиль) медленно отъезжает назад. Люди окружают меня, скучающие, суетливые, оза-

боченные. Тинэйджер, стоящий впереди, слушает музыку в наушниках: сейчас, когда нормальный виртуал запрещен, ребята лицейского возраста и постарше быстро вернулись к развлекухе начала века.

Мимо проходит парень в солдатской форме — мальчик лет девятинадцати, с короткой стрижкой и подбритым виском, демонстрирующим вживленный чип. У меня тоже есть чип, но я не выбриваю висок — это делают только верующие. Парень, ты думал о смерти? И впрямь стоит подумать, если тебя в горячую зону вот-вот отправят...

Небо застилают свинцовые тучи, и на этом пологие светится огненная надпись: НЕОСАКРАЛ — ТВОЙ ВЫБОР! СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО, ИДЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ!

Я собиралась куда-то ехать? Но куда? Пустота, сумбур в мыслях. Наверно, нужно сначала сойти с дорожки, подумать хорошенько, тогда я что-нибудь решу.

Ни денег, ни работы, ни цели в жизни. Я стою посреди тротуара и ошалело гляжу на людей, которые едут зачем-то на бегущей дорожке. Прилетела и опустилась на асфальт взлохмаченная ворона, глупо каркнула, повернув голову. Да, вот они — мелочи, и что мне с ними делать?

Парк. Я подумала: «Парк». Пытаюсь собрать воедино разбежавшиеся мысли. Ага, именно: скорей нужно в парк! Зачем — не знаю. Потом разберемся.

Подошла к модулю, как раз севшему на остановке, хотела оплатить проезд... нет уж, лучше отправлюсь на своих двух. Экономить надо.

Главное — добраться. Прийти в парк.

* * *

Ну, и зачем я сюда пришла?

Увядавшие листья тихо кружатся и падают — осенняя грусть и сумятица сродни хаосу, который поселился в моей дурацкой башке. Я иду, не разбирая дороги, и вскоре замечаю, что забралась

уже в самую парковую глушь, где нет ни кафе и воздушных столбов, ни качелей-каруселей, а лишь могучие стволы каштанов и кустарник. Хотя вон за кустами скамейка, на ней две дамочки в мехах. Полушепотом разговаривают.

— ...А он мне сказал: приноси пятьдесят тысяч, тогда посмотрим.

— Ну, а ты?

— Ну, а что я? Принесу. Благоверный мой, правда, был скотина порядочная, но все же наследство мне оставил. Пусть ему на том свете лучше будет, а я без него спокойнее вздохну.

«Так. Так! Вот оно, оказывается!» Я слушаю дальше, но ни о чем существенном дамы больше не говорят. Только о муже — о том, как тот выпивал и баб менял, словно запчасти от фляера.

Если бродить по парку без цели, то на много чего интересно набредешь...

Ну хорошо, теперь куда же? А ноги сами несут через кустарник — ветки затрещали, дамы оглянулись и примолкли. Дальше, дальше. Уже по дороге, мимо скамеек, здесь ларьки показались, снова сталолюдно, началась центральная аллея. Возбуждение нарастает: что такого я сейчас увижу?

Кудрявая Элька сидит перед фонтаном, пристально глядит на меня, пока я подхожу. Откидывает с лица длинную смоляную прядь, выбившуюся из прически.

— Привет, Эля.

— Привет, — она поднимается. За несколько лет моя подруга заметно изменилась: жесткий взгляд, уверенные движения. Стала будто бы выше, чем была. Хотя куда уж расти через несколько лет после института... Повзрослела, значит.

— Все прошло как надо? — понизив голос, спрашивает Элька.

— Все, — машинально отвечаю я, не успев даже удивиться.

Элька, склонив голову, несколько секунд изучающе смотрит на меня и внезапно задает странный вопрос:

— Ты когда в последний раз меня видела?

— Давно... в позапрошлом году. Когда мы отмечали три года выпуска.

— Прекрасно! (Чему тут радоваться?) И не помнишь, как мы с тобой потом встречались, на какие темы разговаривали?

— Нет... Ты растолкуй, в чем суть?

— Пойдем, — она уводит меня снова в глубь парка, и я подчиняюсь, пускай и не понимаю ровным счетом ничего. Вдруг начинает казаться: я вот-вот уясню, что к чему, отыщу ниточку, за которую нужно потянуть, чтобы распутать происходящее... но сразу же это ощущение пропадает.

Под кронами каштанов, у заброшенного туалета, где тихо и полутемно, Элька сгребает в сторону листья и, подобрав сучок, чертит на размокшей от дождя земле крест. Две пересекающиеся линии. Потом — бросив на меня взгляд — ногой, тяжелой подошвой ботинка стирает рисунок, вминаются в землю бороздки...

И тут словно что-то вспыхивает у меня в голове. Условный знак!

И приходят воспоминания. Все складывается, как мозаика. Эльвира. Ее друзья-нелегалы. То, о чем нельзя знать служителям официальной церкви, и их системному Высшему Разуму, и его программам-ангелам. Наши разговоры. Нелегальный офис с рабочей вирт-станцией новейшего образца.

Поэтому предательством было бы — идти в церковный виртуал с моими обычными воспоминаниями. Поэтому внедрили мне программу, заблокировавшую участок сознания. И оттого же, а еще ради дружбы и из сочувствия, эту штукину мне продали с огромной скидкой, почти задаром. А теперь — знак, уничтожающий программу.

Голова проясняется, и уходит хаос, становится легко.

Эля косит на меня выпуклым глазом, черная радужка сливается со зрачком.

– Ты как?

– Нормально. Но, Элька...

– Что?

– Я боюсь. Этот, Ангел Смит... не узнал ли он про вас?

– Разве был сбой? Отчего думаешь, что выведаль?

– Нет, я ничего не помнила... Только... Эля! Мне было иногда страшно, так страшно!

– И ничего больше?

– Нет. Точно нет.

– Тогда действительно нормально. Мы не раз отправляли людей с подобной программой в вирт, и все сходило с рук. Даже больше скажу, – она подмигивает, – я и сама однажды туда заявила. Ух, ненавижу!

Я вдруг ловлю себя на мысли, что внимательно ее разглядываю. Ну, прямо-таки девчонка – ребячество, как в институте, когда она на лекциях передразнивала преподавателей и, хихикая, забрасывала записочками всю группу. С трудом верится, что Эльке двадцать семь. И еще труднее – что эта Мисс Непосредственность может быть сдержанной, решительной и хладнокровной и всегда, каждую минуту знать: она действует, – и знать, зачем.

– Кто не противостоит, – сказала она однажды, – тот не человек.

А я как же?

Делать порно и стрелялки. Для состоятельных, вроде тех дамочек в мехах. Только богатые сейчас могут оплатить нелегальный вирт. Естественно, большие суммы люди согласны выкладывать лишь за острые ощущения. А как же иначе? Не осталось других жанров.

Ну что, Александра? Нравится тебе такой вариант?..

– ...Не молчи, Алька. Я уже в который раз задаю тебе этот вопрос.

Голос Эльвиры пробуждает меня от полудремы-размышления.

Оказалось, мы сидим на скамейке. Начинает темнеть, людей вокруг почти нет.

– Что ты сказала?

– Я говорю, – не обижаясь, спокойно поясняет Элька, – что тебе остается одно из двух: или к нам, или к ним, к церковным. Нет, из трех – еще идти дворником работать. Сколько ты уже времени живешь на старые сбережения?

Вот то-то: правду в глаза. Вернее, в лоб.

– Да, мне теперь нужны будут деньги. ОЧЕНЬ нужны.

– Тогда решено?

– Почти.

– «Почти»... – передразнивает она. – Ну, приходи завтра по адресу, я тебе объясню что надо. Надеюсь, не раздумаешь. И заодно – сначала – проверю твою память, все ли действительно прошло гладко.

Мы встаем.

– Извини, Элька... Я сейчас хочу прогуляться одна.

Она недоуменно вздергивает лохматую бровь, но ни о чем не спрашивает. Чувствует, когда надо помолчать.

– Тогда пока.

Я медленно иду по аллее. Протягиваю руку, и желтый лист ложится на ладонь, одинокий, как я. Таких листьев здесь много, но почему-то мне кажется, что этот – особенный. Господи, ну и чушь лезет в голову!

Итак, я решила. Денег теперь будет много; их хватит, чтобы помочь родителям. Ну, а я? Что мне даст эта работа – не в плане денег, а в ином, более важном плане?

Цель жизни – в противостоянии?

Полусмысл, полумеры. Все лучше, чем ничего. «Лучше, чем совсем не быть...»

Но ведь это же – работа. Моя любимая работа...

...Небольшая комната загромождена аппаратурой, всюду – экраны, экраны. Мы в наушниках и сенсорных перчатках, изредка бросаем друг другу короткие фразы:

– Вот так?

– Нет. Левее клади.

И опять молчание.

В октябре 2076 года Александру Самойлову арестовали вместе с другими нелегалами ее группировки и приговорили к десяти годам заключения. В тюрьме она отказалась принять вирт-сакрал и, таким образом, не могла рассчитывать на апелляцию... Говорят, скоро для преступников будет применяться виртуальный ад. Впрочем, это, вернее всего, не более чем слухи.

Нет, не хочу. Мрачновато получается. А насчет ада – вообще мазохизм какой-то...

В октябре 2076 года парламент проголосовал за отмену закона, запрещающего альтернативный виртуал. Год спустя Александра Самойлова прославилась как лучший в России экшен-программер.

Да, или еще круче – секс-программер. Ну, и на кой мне это нужно?..

В октябре 2076 года Александра Самойлова повторно приняла исповедь и окончательно обратилась в вирт-религию.

Ну, а это тем более ерунда.

В октябре 2076 года Александра Самойлова, после долгих терзаний, нашла работу себе по душе, отыскала смысл жизни и обрела себя.

Слишком книжно оно получается. Столько вариантов уже сочинила – и всё стереотипы. Наверняка будет не так.

Иду по аллее, думаю. И листья, подхваченные ветром, шуршат и несутся вперегонки.

Я не знаю, чего требовать от судьбы. Не знаю, каким сложится мое будущее. Но, что бы ни произошло и как бы ни повернулось, я хочу одного – через пять, через десять или пятнадцать лет пусть будет все по-другому, хоть немного иначе, чем сейчас.

Пусть.

Вторая попытка

Я лечу в аэробусе и размышляю, смотрю. Вот вошел старик в туго подпоясанном черном плаще, каких давно нет в продаже, и в древней фетровой шляпе. Точнее, он впрыгнул в салон, ухватился за поручень и картинно пристукнул ногой. Душевно, будто собственных внуков, оглядел всех пассажиров и медленно направился к выходу. Сухие щеки чуть висят, как у бульдога, глаза уставшие, на длинноватом носу расположились очки. В левой руке держит резную трость с наконечником — рычащая льявина морда. Похоже, это изобретатель машины времени... Шутка, конечно же. «Нельзя перемещаться ни в будущее, ни в прошлое, потому что времени самого по себе не существует», — часто повторял в школе физик. Но этот старик по виду явно из прошлого, из середины двадцатого века, когда люди ходили с зонтами, чтобы укрываться от дождя. Это сейчас в мегаполисах дождей нет из-за куполов, а тогда — вполне обычное явление. Эх, я никогда не был в настоящем дремучем лесу, меня не обдавал ливень с головы до ног, я не видел радуги, не бежал по мокрой от росы траве, голыми пятками ощущая землю... Невероятно захотелось на природу! Сейчас как раз весна, километрах в десяти от границы Москвы дождевые капельки брызжут по деревьям и молодым листочкам. А может, и не брызжут, не знаю.

Вообще, самое интересное в моем положении — это как раз то,

что я ничего не знаю. Понятия не имею, почему лечу в аэробусе, куда и зачем? Не помню своего имени, кто я, откуда, где учился... Родителей и друзей тоже забыл. Кажется, моя жизнь началась именно в тот момент, когда я сел в аэробус. С одним лишь исключением, что я знаю мир, историю, науку, город, улицы и небоскребы, которые вижу из окон. Неведомый ластик судьбы мгновенно стер только мою личность. Но я не паникую. Может, я какой-нибудь Сергей Есенин или Федор Шаляпин. Хотя вряд ли: музыкального слуха и поэтического дара у меня нет с детства. Зато я точно уверен, что мне тридцать восемь лет и местами голова моя седа. Да, определенно зарабатывал я не сочинением поэм. Хотя разве можно жить, лишь придумывая что-то, составляя из букв слова и предложения? Вряд ли.

Вот мы пролетаем мимо ярко-голого голографического памятника какому-то спортсмену. Судя по форме, мячу рядом с его ногой и большому кубку в руках, это футболист. Он набивает мяч и улыбается. Спортом я никогда особо не увлекался, но помню, что к середине века Россия наконец научилась играть в футбол. Я смотрел тот поистине величайший матч, лет восемь мне было. Никто не верил до последних секунд, все ждали финального свистка арбитра, и Золотой кубок Мира оказался в наших руках! Немцы были в шоке. Такого поражения они не ведали со времен второй мировой войны.

Кстати, матч с той войной и сравнивали. Ставки были действительно очень высоки.

Дальше, через два квартала после поворота, я точно знаю, будет еще один памятник, императору Петру Великому. Он неподвижен, но громаден. Вспомнился один забавный случай. В Нью-Йорке поставили голографический памятник Джорджу Бушу-младшему, великому борцу с террористами. Хотя, на самом деле... Ну да ладно, дела давно минувших дней. Русские хакеры взломали сеть и заменили Буша на того же роста обезьяну, в пиджаке и галстукке, но без штанов, а на груди чернела лента с четко прописанными инициалами президента и годами его жизни. Вокруг летали безголовые куры, с тучи капала нефть, а измазанная обезьянка махала рукой и улыбалась очень похоже, как некогда Буш. Хакеров не поймали, русские потому что.

Через семь остановок будет конечная. Старик, весь путь державший трость, вышел на Синусоидальной возвышенности. Потом ожидается спуск до второго яруса и снова подъем на седьмой. Я идеально знаю этот маршрут. Странное сотворилось с моей памятью. Здесь помню, а там не помню, и наоборот. Как в одном современном американском фильме, «Хакеры фортуны» называется. Известный под ником Профессор главарь хакерской группы из четырех человек якобы потерял память, а на самом деле это был «клон», руководимый службой

безопасности компьютерной фирмы, из которой похитили... Хм, не силен я в компьютерных программах, но похитили они что-то очень важное и дорогое. Интересно, чем же я занимался в прошлой жизни?

Я не паникую. Но та неизвестная жизнь уже получила ярлык «из прошлого», о котором, судя по всему, я неплохо осведомлен. Может, я историк? Столетняя война, Французская революция, Августовский путч, Крестовые походы, Ледовое побоище, Великий нефтяной кризис, Наполеон, Ленин, Туровский... Нет, все эти слова говорят не о многом, да и кажутся скучными. В городе, где я родился, стояло два каменных изваяния Ленину, но родился я не в Москве. Новосибирск, Краснодар, Волгоград, Хабаровск?.. Я был в этих городах, но где появился на свет — не помню.

Что делать, когда аэробус прибедет на конечную станцию? Билет у меня проездной, могу кататься еще долго, но проблему это не решит. Замаячила в потолке бегущая реклама: «Телефон доверия для молодежи». Я не годен по возрасту, к сожалению. Зато молодежь годна по возрасту служить в армии, а я уже нет. В сорока годах тоже есть преимущества. Но я не служил, наверное, потому что учился. Следующая реклама веселее: «Купите три пары женских колгот от целлюлита и получите в подарок мужские согревающие носки». Это американцы придумали такие носки, с использованием нанотехнологий, они пот поглощают. А если не нужны даме мужские носки? Отказаться от такого великолепного подарка с намеком: станьте красивой, и у вас появится муж, которому сделаете неповторимый сюрприз?

У меня не было жены... Вернее, она умерла пятнадцать лет назад при родах, после трех лет совместной жизни. Лучше бы мне не вспоминать об этом никогда, но почему-то именно это я не забыл... Больше я не видел женщин лучше нее. Женщины, достойной стать моей супругой.

Так, кажется, подсознание мне подыграло. Обычно говорят о супруге какого-либо известного человека, высокопоставленного, знаменитого, важного, ученого, часто мелькающего на экранах... Неужели я был кем-то таким? Но почему, в таком случае, меня не узнают?

Главное, не паниковать.

Может, я известный писатель? По фамилиям их знают, слышали, а в лицо — мало кто видел. Это же не актер или певец, этих узнают все и везде, а вот писателей — только по фамилиям или псевдонимам. Были такие — Ильф и Петров. Уверен, спроси я любого — никто не ответит, кем они были по паспорту. И уж точно никто не вспомнит, как они выглядели.

Но если я известный писатель, я должен неплохо зарабатывать и нигде не работать. Сидеть дома, или на вилле у побережья, или на ферме в лесу — и писать, творить, сеять доброе и вечное. А я уверен, что каждый день на этом маршруте ездил на работу. Так кто же я?

На мне неприметный темно-серый комбинезон, в кармане был только проездной, больше ничего. Я не помню, как входил в аэробус, будто родился уже здесь. Вообще, все это похоже на человеческую жизнь. Мы садимся в аэробус на остановке «День рождения» и выходим на остановке «Смерть». Для нас это конечная станция. Старуха с косой голосом водителя указывает: «Выходите, приехали!» Поездка — это наша жизнь, от и до. Мы видим других пассажиров, это наши знакомые и родные, мы встречаем в аэробусе свою вторую половинку, некоторые по несколько раз встречаются, так как люди выходят иногда раньше, а вторые половинки имеют особенность порой пересаживаться в другой аэробус. Кто-то входит в нашу жизнь, ярко или незаметно, кто-то из нее удаляется. Из окон замечаем разные события, познаем новое и необычное. И ждем конечной остановки, что я сейчас и делаю. Это наш последний день, последний смысл, последние воля, вздох, вопль...

Наверняка такие же мысли посещали многих с давних времен, только вместо аэробуса были карета или автомобиль, поезд или самолет. И уж точно какой-нибудь известный писатель прошлого использовал это в каком-нибудь своем известном романе.

Вот вошла какая-то женщина. Мне не видно ее лица, но, судя по тому, что я наблюдаю сзади, мне она понравится. Сейчас она повернется ко мне лицом и... О да! Она мне очень нравится. В черной юбке до колен, изящная голень, так и хочется сказать: как у лани, хотя я не представляю, как выглядит лань, но, должно быть, красиво. Женщина в шелковой белой блузке, стройная, чуть ниже меня ростом, шикарные длинные волосы, голубые глаза-фиалки с ресничками-лепестками, миленький носик, губы не тонкие, но и не жирные, на подбородке ямочка, родинка на шее... Мне кажется, так должен выглядеть мой идеал.

Стоп, нельзя нагло глазеть на людей! Поздно, она подходит ко мне.

— Извините, я доеду... то есть долечу до пятой больницы?

Я быстро киваю головой, а потом задумываюсь. Я ведь точно знаю, где это. От конечной до пятой больницы путь неблизкий, но это единственный маршрут. Дальше только пешком. Наверное, она не привыкла ходить пешком. И обязательно заблудится! А город я знаю превосходно, будто сам его конструировал.

— Нам по пути, — без зазрения совести вру я. Хотя почему вру? Нам действительно по пути: мне лучше всего сейчас посетить больницу. Там разберутся, что с моей памятью стало. Можно было еще в милицию обратиться, но к ним — только за смертью и только по повестке. Может, было предначертано нам встретиться с... Интересно, как ее зовут?

Хм, я собственного имени не знаю, вот это проблема. А ее зовут...

— Варвара, — представилась она и засмушалась, даже покраснела.

Теперь я должен назвать свое имя. Так принято. Эй, не молчи, еще подумает, что испугался ее воинственного и не очень благозвучного имени. Придумай себе любое, это же так просто, тем более у тебя самый богатый выбор.

— Красивое у вас имя, очень редкое. А у меня простое, обычное: Евгений, — встаю я и улыбаюсь. — Вот и наша остановка. Мне тоже в больницу надо, к доктору. А вам зачем?

— Я по направлению, медсестра.

— Хм, я думал, что направлений давно не дают.

— А мне вот дали... — растерянно и виновато улыбнулась она.

Так мы и познакомились. Около часа не спеша, будто гуляем по бульвару, шли в больницу. Беседовали. Дважды спускались на нижние ярусы, она зачем-то брала мою руку и крепко ее сжимала. Неужели боялась? Я оказался довольно разговорчивым субъектом, о таких говорят: «с дамами он неробкого десятка». Сочинил о себе какую-то ерунду, а в конце признался, что потерял память и не знаю собственного имени. На мое удивление, Варвара отреагировала спокойно, как подобает настоящему врачу, и сказала, что обязательно мне поможет. Видимо, выглядел я в этот момент очень жалко и побито, как последняя дворцовая псина, да и ее слова немножко испугали меня. Таким тоном обычно вещают приговор в суде. И приговор этот отнюдь не оправдательного характера.

Но паниковать, наверное, уже поздно.

*

Две недели пролетели как в сказке. В больнице мне понравилось. Ухаживали достойно, комната светлая, соседи добрые, но самое главное — от меня почти не отходила новенькая медсестра, Варенька. Раз она привела меня, ей и поручили за мной следить. А я решил быть еще более беспомощным и нуждающимся, чем являюсь на самом деле. Она мне очень нравится, эта милая и роб-

кая девушка с таким грозным, но благозвучным именем. Что-то в нем есть, что-то до боли близкое и родное... Может, потом пойму, когда все вспомню. Кажется, я могу в нее влюбиться.

Единственный минус — так до сих пор не выяснили, кто же я такой. Вот и их хваленая биометрика, сканирование радужной оболочки глаза, отпечатки пальцев — все это оказалось бесполезным. Я ж говорю, милицию только за смертью посылать. Интересно, откуда во мне такая нелюбовь к этой структуре?

Как сказал главврач, у меня несвойственная потеря памяти. Бредово звучит, на мой взгляд, но с врачами спорить себе дороже. Мне делали всевозможные анализы, я оказался «богатым на здоровье», звонким голосом сообщила терапевт, толстая тетенька чуть старше меня. Также обнаружили операция по удалению аппендикса, перелом ноги и двух ребер. Конечно же, я понятия не имею, кто мне их пересчитал.

— Подождите, — подозрительно остановила терапевт, когда я уже почти выходил. — А анализ на БВИ делали?

Память — странная штука. До этой секунды я никогда не слышал о БВИ и, соответственно, ничего не знал об этом. Самая страшная напасть на человечество, появившаяся в середине двадцать первого века, — болезнь водяного истощения. Уже столько десятилетий пытаются найти лекарство, но даже на ангстрем не приблизились к цели. Человек живет, все нормально, а потом, в какую-нибудь ночь, в адских муках скукоживается и умирает. Больше чем наполовину мы состоим из воды, которая по непонятным причинам начинает испаряться. И ничего с этим поделать нельзя. Но что еще более ужасно — не установлен способ передачи этой болезни. Можно пожать кому-нибудь руку, поцеловать давнюю знакомую, выпить отфильтрованной воды, зайти в музей, да просто проехать в автобусе — и заразишься. Ты — заразишься, а твой посто-

янный спутник, который был там же и делал все то же самое — останется здоровым. Проводилось очень много экспериментов, но все впустую.

Со временем люди привыкли, устали бояться и паниковать. На все Божья воля, говорят. А многие доказывают, что это происки инопланетян. И СПИД, который мы научились лечить, тоже относится к «зеленым человечкам», Тем более, водяное истощение пришло как раз ему на смену. Скорее всего, это обычное совпадение. В семидесятых годах прошлого века человечество избавилось от оспы, через десять лет было объявлено о победе над ней, и в то же самое время мы столкнулись с новой бедой, названной СПИДом. Потом победили и его, но появилась новая страшная аббревиатура, которая может привести к исчезновению всего человечества. Все это совпадения.

С момента заболевания до последнего дня, когда тело в буквальном смысле испаряется, проходит от нескольких месяцев до трех лет. Число умерших от истощения невелико, учитывая, что вирус распространяется любым способом, но заражает не всех. Каждый год людей становится на два процента меньше. В любой момент все желающие бесплатно могут узнать, больны они или нет, хотя большинство предпочитает оставаться в неведении, просто спокойно ждать последнего вопля. Ходить на работу, читать книжки, заниматься спортом, играть в шахматы...

Изолировать себя бесполезно, не помогает. Один миллионер посадил себя в кокон, но заразился. Он не пользовался даже глобальной сетью (так как верил, что вирус передается и с помощью электронов), пил проверенную родниковую воду, молился, обезопасил себя по максимуму, как думал. Не помогло... Кстати, меньше всего страдают от БВИ сельские жители, но и это отнюдь не панацея.

Каждый день у меня брали кровь, присоединяли присоски к телу, фиксировали какие-то гра-

фики и диаграммы, проверяли количество микроэлементов и витаминов, вливали разные растворы. Подопытное животное под условным именем Евгений ждало результата. Не хотелось говорить Варваре о моем возможном заболевании водяным истощением, но она догадалась, что со мной не порядок. Я все рассказал, ожидая, что больше ее не увижу.

— Даже если бы я точно от тебя могла заразиться, я бы все равно осталась с тобой.

— Почему? — спросил я.

— Потому что... я тебя люблю, — искренне засмузилась она и опустила глаза.

Вместо того чтобы сказать: «Я тоже тебя люблю», я снова задал вопрос, оставаясь с самым серьезным выражением лица:

— Почему?

— Не знаю, — пожала плечиками Варя. — Просто люблю.

— И я тебя тоже люблю. Но не хочу, чтобы ты страдала. Вдруг я болен? Ведь ничего не известно обо мне. Может, я преступник? Или маньяк. А если я болен БВИ? Да, можешь от меня не заразиться, и скорее всего так и будет, но... Я ведь умру. Зачем я тебе нужен?

Она собиралась ответить, как ее срочно вызвали в операционную. И хорошо, что так произошло. Лучше не знать ответы на некоторые вопросы. И Варваре лучше не знать этих вопросов, а то не найдет вдруг ответов и оставит меня. Даже если я окажусь больным, мне все равно хочется с ней быть, до последних дней.

*

Прошла еще неделя. Я занимался на беговой дорожке, играл в нарды (кстати говоря, получалось у меня это превосходно, хотя противники тоже были сильными), по чуть-чуть вспоминал произведения советских и постсоветских классиков: Фадеева, Аксенова, Катаева, Шолохова, Булгакова, Стругацких, Астафьева, Солженицына, Водницкого... Открывал для себя увлекательный мир художественной литературы заново. Листал труды историков Соловьева,

Ключевского, Суворова, Карамзина. Мы с Варей пришли к выводу, что был я, скорее всего, все-таки историком. Очень увлекают меня события двадцатого века в России, СССР, потом снова России, но от политики я далек. Как далек и от сопутствующих с политикой войн и революций, в которых гибли безвинные люди. Также выяснилось, что неплохо разбираюсь я в медицине, биологии, химии и еще кое-каких естественных науках. Весьма образованным оказался.

Мои анализы терялись дважды, каким-то мистическим образом, так что ждать пришлось дольше. Эта неделя наверняка была самой мучительной в моей жизни: и этой короткой, и прошлой длинной. Я уже был готов выслушать, что болен, потому что не раз себя хоронил. Лишь бы скорее узнать правду. Сны изматывали, ничего не хотелось есть. Если бы не Варя, я бы сошел с ума. Наступило бы истощение мозгов намного раньше, чем водяное истощение тела.

— Пошли к Петру Семеновичу.

Варя нежно взяла меня за руку и повела к главврачу.

— У вас все в порядке, — спокойно сказал он нам. Понятно, что для него это просто обыденная работа, рутинная, но никто не знал, насколько это было важным для меня. — Водяного истощения нет.

— Я здоров! Здоров! Я здоров!

Обнял Варвару, схватил и начал кружить с ней в танце.

— Давай поженимся! — невзначай предложил я.

— Давай... — ответила она.

Еще неделю я оставался в больнице под наблюдением, сдавал бесконечные анализы, но с памятью так ничего не выяснилось. Хотя это меня совершенно не волновало. Возможно, я все забыл как раз для того, чтобы это «все» не помнить больше никогда. Хотя нас уверили, что память ко мне должна вернуться. Завтра меня выписывают, я переезжаю к Варваре. Мне назначили неплохое денежное пособие, и я уже привык к имени Евгений. Жизнь наладится, я уверен!

Может быть, мне просто дали второй шанс в жизни. Бог ли, судьба ли, случай ли, какой-то человек — не важно. Каждый достоин второго шанса. Даже если он совершил ужасный поступок — человека можно и нужно простить. Выход есть всегда. И обязательно нужно верить, надеяться и любить.

Варя ждала меня в холле, уже переоделась.

— Зайди напоследок к главврачу, он тебе должен что-то сказать.

— Что?

— Не знаю, Жень, он не отчитывается перед медсестрами. Просто зайди к нему, я тебя подожду.

— Хорошо. — Поцеловал ее в носик. — Я быстро.

Постучал и вошел. На месте Петра Семеновича сидел какой-то старик, я не сразу его угадал. Первый человек, которого я запомнил в аэробусе, он был тогда в плаще и шляпе, очках и с длинной тростью. А сейчас — в привычной современной одежде, без древних вычурностей.

— Лев Уланский, — представился он и прищурился. — Рад видеть тебя, Трофим.

— Я не Трофим, я...

И запнулся. Этот старик знает, кто я. Меня зовут Трофим?

— Да, тебя зовут Трофим, — широко заулыбался он.

Мысли читает?

— Нет, конечно, мысли читать я не умею, — все еще улыбался он.

— А как?..

— Очень просто, — перебили меня. — Ты это сам написал, придумал.

— Что?

— Все, от начала и до конца, включая эти мои слова приветствия.

Я ничего не понимал, но сразу же мне перестало это нравиться.

— Я объясню, присядь.

— Внимательно слушаю.

Уланский медленно рассказывал, каким-то особенно успокаивающим мерным голосом, в тоне которого слышалось: «Все в порядке, все хорошо, расслабься». Тик-так, тик-так...

Я не перебивал.

– Ты – ученый, автор множества научных книг. Придумал, как найти способ лечения людей от всех болезней. В самом человеке есть для этого все необходимое. Не нужны никакие лекарства, сам человек для себя – лучшее лекарство. Но добиться результата очень сложно. Открыть в самом себе излечение, подавить болезнь – мы почти не умеем. И еще сложнее во все это поверить. Сейчас ты ничего не помнишь, но скоро память к тебе полностью вернется. Ты принял жидкость, которая ввела в состояние частичного беспомыслия. То, что нужно, ты не помнил, вернее, ты не помнил как раз то, что тебе нельзя было знать ради этого эксперимента. Повторю: разработал все ты, до мельчайших подробностей. Аэробус, незнакомка, больница, соседи в палате, нарды, какие читать книги, болезнь... Помнишь меня, с тростью, я ей картинно размахивал?

Я кивнул. Конечно же помню, трудно было не увидеть такого уникала.

– Да, ты придумал, как я должен выглядеть и что делать, чтобы ты непременно обратил на меня внимание. Если бы ты узнал меня, обратился бы за помощью. Это была первая проверка того, как сработала жидкость. Потом вошла девушка, которая представилась Варей. Это ты ее так назвал, и ты же ее отбирал, она актриса из Красноярска. Ты должен был в нее влюбиться. И, кажется, ты идеально сыграл по собственному сценарию.

– Замолчите, – грозно прорычал я, готовый разорвать этого мерзкого лживого старикашку. Но быстро успокоился. – Это все неправда! Она любит меня. Я не мог все это придумать.

Уланский тяжело вздохнул и погрузился.

– Трофим, поверь, – сочувственно продолжил он, – ты все это придумал, а я помогал.

– Я хочу ее видеть.

– Нет, это невозможно, – жестко отрезал старик. – Она уехала. Она не любила тебя.

– Я верил ей.

– Идеальная актриса в идеальных руках сценариста. Я думал, что ты сильнее обозлишься, но ты меня уверил тогда, что...

– Зачем все это? – перебил я, уставишись на Уланского.

Я ведь просто хотел обычного человеческого счастья. И я действительно в него поверил.

– Как я уже сказал, человек – это лучшее лекарство, – снова начал он мерным голосом: тик-так, тик-так. – Очень сложно открыть в себе способность к излечению, но сам организм на подсознательном уровне может выработать любое лекарство. Ты придумал, как можно получить антивирус от БВИ. Кандидатуру искать не пришлось. Где-то девять месяцев назад у тебя обнаружился вирус водяного истощения, мы долго и тщательно все разрабатывали, беспомыслия лишил тебя мой препарат. Кто лучше тебя знает, как ты поступишь в той или иной ситуации? Идеальный сценарий! – Старик немного картинно поднялся и с восхищением на меня посмотрел.

Я же не хотел ни говорить, ни слышать, ни что бы то ни было еще. Хотелось в больничную теплую койку, укрыться одеялом и никогда больше никого не видеть. Но сейчас не было даже сил, чтобы заткнуть себе уши.

– Ты попал в больницу, мы тебя обследовали и проверяли несколько раз в день. Ты был болен БВИ. Времени оставалось все меньше и меньше. У нас могла быть только одна попытка. И все удалось! – снова вскочил Уланский, восторженно рассказывая мне сценарий, который я же и написал. – Когда ты ждал неделю результатов и томился, весь измучился, ты еще был болен. До того, как пойти к главврачу и узнать, что ты здоров, тоже был еще болен, вирус мы обнаружили. А потом, сразу после того, как прокричал, что ты здоров и предложил актрисе пожениться, ты был уже полностью здоров. Понимаешь?

– С трудом.

– Ничего, все вспомнишь и поймешь. Самое главное, у нас есть, грубо говоря, «ты» больной

и «ты» выздоровевший. Когда к тебе вернется память и все знания, мы сможем выделить с помощью этих данных антивирус. Ведь механизм лечения, который произошел в тебе, сопровождался биологическими процессами в организме... Черт, я с удовольствием рассказал бы тебе сейчас всё на уровне соответствующей научной терминологии, но ты можешь не понять. По крайней мере, в твоем сценарии ты просил меня рассказывать все как можно проще, на самом обыденном уровне.

– Я не хочу ничего понимать. Я устал и хочу спать.

Старикнеожиданно помрачнели подозрительно на меня посмотрел. Как на предателя. Наверное, я им и был – предал свою идею, свой сценарий. Перечеркнул все ради того, чтобы любить и быть любимым.

– Трофим, ты уверял меня, что воспримешь расставание с Варварой спокойно, как должное.

– Значит, это был не идеальный сценарий. Имей я возможность, я бы остался с Варей, сделал так, чтобы все было правдой, она – медсестрой, мы бы с ней жили вместе.

– И тебя не волнует то, что люди могут исчезнуть из-за БВИ? Только потому, что тебе хочется быть любимым?

На эти вопросы мне отвечать не хотелось, и вместо этого я сам спросил:

– А почему ее звали Варварой?

Уланский явно не ожидал вопроса, но ответил:

– Твою единственную супругу так звали. Она умерла, прости.

– Надеюсь, вы в этом не виноваты и она умерла не по моему сценарию.

Наверное, я пошутил, но никто не улыбнулся. Я вдруг вспомнил кое-что:

– Мои родители любили старину? И поэтому назвали меня таким именем? И я тоже любил старину, только совсем недавнюю старину. И история – это всего лишь мое хобби, да?

– Да, Трофим, так и есть. Прости, у нас действительно очень мало времени. Нужно будет много

чего сравнивать, пробовать, анализировать, прежде чем мы получили вещество, которое убьет вирус водяного истощения. Хотя вирусом его называют чисто условно. Нужно сделать еще один анализ, прежде чем ты поедешь в другую больницу, где у тебя вернется память.

Уланский достал прибор, похожий на большой напалечник, и всунул мой указательный палец в него. Боли я не почувствовал.

— Несколько минут. Это новинка, пока еще не поступила в продажу. Кое-кто хочет на этом сильно поживиться.

Память начала ко мне постепенно возвращаться. Когда я был студентом, гулял по ночной осенней Москве. Ко мне подошли двое милиционеров, щелкнули радужную оболочку глаза, а в базе данных то ли произошла ошибка, то ли еще что, но числился я как сбежавший уголовник. Они меня избили, тогда-то и поломали ребра.

— Можно я вернусь в свою палату?

— Да, конечно. — Старик смотрел на экран. Я почти уже вышел, как он вскрикнул. — Не может быть! Это ошибка.

Я обернулся. Уланский был блее висящего на спинке кресла халата главврача.

— Нужно еще сделать анализ.

Дрожащей рукой он всунул мне прибор на палец, потом снова вернулся к экрану. Я стоял и ждал, никак не реагируя и не пытаясь понять, что происходит. Правда все это или конечный этап моего же сценария — я не знал.

— Не может быть, — крутил головой старик. — Не может быть. Трофим, ты болен водяным истощением, — сказал он так, как говорят, что дважды два равно пять. — Ты же был здоров, мы специально целых семь дней проверяли, все было идеально. Полчаса назад ты был здоров!

Да, был. Когда-то я был Трофимом, потом Евгением, а сейчас... Мне все равно...

*

Из дневника Льва Уланского.

«Нет, я был не прав — никакой это не провал. Время есть, мы ус-

пеем спасти Трофима. Антивирус будет готов не раньше чем через год, сколько же времени у него — неизвестно. То ли это новое заражение, то ли вернулось старое — непонятно. Сценарий у нас есть, повторим все точь-в-точь, только ничего не буду ему рассказывать, пусть сам все вспоминает. И пусть разбирается с механизмом подсознательного лечения. Ему бы еще в себе разобраться... Не знал парень, как сильно ему не хватает любви. Не думал, что так выйдет. Но оно даже лучше. У нас больше материала для обработки. Лекарство мы выделим раньше. Уверен, что по подобной методике можно излечиться от любой болезни.

Все, мне пора. Через два часа должен сесть в аэробус и сыграть свою роль. Актриса будет та же, Катерина. Поражает меня ее безразличие, но так даже лучше. Вообще, странно, что Трофим ее выбрал. Она совершенно не похожа на его Варвару. У Варвары была короткая стрижка и иссиня-черные волосы, а у той все наоборот. Варвара умерла в двадцать три, а актрисе за тридцать. Разве что черты лица похожи — нос, губы, подбородок, глаза... Варя была, по словам Трофима, типичной пацанкой, но очень женственной и ласковой, а Катерина — типичная секси-леди, блондинка со стажем. Ну да ладно, главное, что он в нее влюбится.

Надеюсь, вторая попытка будет последней».

*

Я лечу в аэробусе и размышляю, смотрю. Вот вошел странный старик в широкой шляпе, держит трость с львиноголовым наконечником. Оглядел всех так, будто знает каждого лично. А я ничего не знаю. Или не помню, скорее всего. Вид из окна мне вполне знаком. Непонятная амнезия, начавшаяся именно в аэробусе. Кто я, откуда, что здесь делаю?..

Но я не паникую — только во вред будет.

Были случаи, когда женщины рожали в транспортных средствах. И моя жизнь началась в аэробусе.

Только лет мне почти сорок, поздно рождался.

Уже третья остановка, а я не сдвинулся с места. Люди заходят, выходят, оглядываются. У них жизнь идет, а моя — бездвижна. Казалось бы, лечу в аэробусе, куда-то стремлюсь, направляюсь, а на самом деле в застывшем состоянии. Может, когда аэробус прибудет на конечную остановку, что-то изменится? Остается сидеть и ждать — таков мой выбор. У каждого в жизни есть своя конечная станция, под названием «Смерть». Некоторые ее ждут, некоторые безуспешно пытаются убежать. Я предпочту доехать до конца...

Справа памятник какому-то футболисту, дальше будет стоять Петр Первый. Сначала его хотели посадить на коня, но передумали. Говорят, лучше всего запоминается самая ненужная информация, чепуха и ерунда, которая никогда тебе не понадобится в жизни.

— Вы время не подскажите? — услышал я бархатный голосок сзади и обернулся.

Девушка лет двадцати трех, черные короткие волосы, ямочка на подбородке, цветочные голубые глаза, миленький носик, родинка на шее, губы не тонкие, но и не жирные. Невинно так моргает ресничками-лепестками, ждет от меня ответа. Типичная пацанка, но женственная. Я смотрю и не могу оторвать взгляд. Я уверен, что где-то уже ее видел, или же она напомнила кого-то очень близкого и родного...

— Ну так? — спросила она.

Мне не хотелось ей врать.

— Боюсь, что я даже не знаю, кто я и как меня зовут, а время примерно около трех дня.

— Прикольно.

— А вас как зовут?

Засмушалась.

— Обычно я говорю, что меня зовут Еленой, но мои чокнутые предки называли дочурку Варварой. И давайте на «ты!» — резко выпалила она.

— Красивое имя. — Что-то во мне содрогнулось, но виду я не показывал.

– Да ладно. – Она почувствовала искренность и надежность. – Варвар в Москве можно по пальцам пересчитать. И это еще ничего. Папа умер давно, он хорошим был, только с причудами, и по бабушке я Варвара Трофимовна, вообще дезинтегрироваться пылесосом. Язык сломать можно.

– А я не знаю, как меня зовут.

– Не грусти. Хочешь, будешь Трофимом? – по-доброму засмеялась она.

– Почему бы и нет?

– Прикольно. А я в лес собралась, там такие красивые заповедные места.

– Можно с тобой? – неожиданно вырвалось у меня.

– Почему бы и нет? – передернула Варя. – Там замечательно. Можно бегать босиком по траве, там есть роса, птички поют, бабочки всякие там, червячки, идет настоящий дождь, а после бывает радуга, такая красивая семицветная полоса. А бывает их сразу несколько. Я люблю дождь, в городе не бывает. Ну что, выходим?

– Давай, – встал я, и она сразу же схватила меня за руку и потянула с собой.

Порой в планы врываются такие вот приятные ураганчики. Я выбрал конечную остановку, но вышел гораздо раньше. И, что самое главное, вышел не один. Вернее, меня вытянули. Вытянули в Жизнь. Не знаю, что будет дальше, но уверен, что все наладится. А сейчас меня ждет дремучий лес, зеленая травка и дождь. И бег наперегонки с милой пацанкой. Я не старый еще, правда, спортом особо не увлекался, но посоревнуемся... И надо будет сделать что-нибудь с ее речью. Кого-то она мне напоминает, кого-то очень близкого и родного...

Аэробус же пусть летит себе дальше, у него постоянный неизменный путь, в отличие от нашей жизни. Наша жизнь зависит только от нас. Я хочу, чтобы все было отлично. И я знаю, что так и будет.

БРОМЛЕЙ Ю.

Пер. с франц. кн. А.Франса «Преступление Сильвестра Баппара». М., 1907.

БРОНИНА Евдокия Гавриловна

Жена иконописца, московского купца З.Ф.Бронина. Авт. «Повествования о обращении от согласия Поморцев к Святой, Соборной, Апостольской восточной церкви, писано 1833 г., месяца ноября». М., 1843.

Слов. рус. писательниц.

БРО(А)НИЦКАЯ Александра Васильевна, гр. (урожд. Энгельгардт; 1754 – 1838).

Племянница кн. Потемкина. «О делании поташа из трав» – «Труды Вольн. Экономич. Об-ва». 1805. Ч. 57. С. 58–61.

Слов. рус. писательниц.

БРОНИЦКАЯ Надежда Дмитриевна, поэтесса.

Авт. кн. «Отголоски жизни». Т. 1. СПб., 1913 (портр). «Отголоски войны» Пг. 1916. «Терновый венец» (Стихи). Екатеринодар, 1919. «Страничка из летописей русской революции 1905 г.» (Стихи). М., 1912; «Сербскому народу (Стихотворение)» Пг., 1916.

Розанов; РНБ.

БРОНОВИЦКАЯ А.

Пер. кн. С.Штерлинга «Наука о здоровье (Основы гигиены)».

БРОНСКАЯ Анна Васильевна

(См. Черепанова, А.В.)

БРОНСКАЯ Е.

Сотр. «Соврем. мира» (1912).

Венгеров. Источ.

БРОНШТЕЙН Анна, переводчица.

Пер. с англ. святоч. рассказ Абрагана Кагана «Рождество Рабби Элизара». – «Мир Божий». 1902. № 12.

БРОНШТЕЙН Любовь Игоревна (псевд. Бронская, Л.).

Член Моск. об-ва драматич. писателей.

Масанов.

БРОНШТЕЙН Наталья Григорьевна.

Сотр. заруб. изданий 1914–17 гг.: «Голос», «Наше Слово» и др.

БРУКЕР Роза, журналистка.

Секр. ленингр. комс. газеты «Смена» – Б.; Б-кр, Р; РБ.

Масанов.

БРУМБЕРГ Анна М., переводчица 1900 гг.

Венгеров. Источ.

БРУНИ-БАЛЬМОНТ Нина Константиновна (1901–?), авт. воспоминаний; дочь К.Д.Бальмонта.

Воспоминания о Ю.К. Балтрушайтисе. – В кн. *Literatura ir calbe. Vilnius*, 1974, кн. 13, с.381–385.; «Бальмонт и Грузия». – «Лит. Грузия», 1966, № 9\10, с.113–120.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8498, 8506.

БРУНС Вера Евграфовна (урожд. Сироткина; псевд. Гек- Фин), дет. писательница.

«Барбос». Л., 1927; «Сделай сам велосипед». М.-Л., 1928; «Сделай сам тачку». М.-Л., 1928; «Боря». Л., 1928; «Большой завод». М., 1930; «Матрешка заболела». Л., 1930 и мн. др. дет кн. в стихах и прозе.

Масанов.

БРУСИЛОВСКАЯ (Муромцева) Т.С., авт. воспоминаний.

«Встречи с И.Е.Репиным» \ \ Пано-рама искусств. 1981. Вып. 4. С. 131–139 (1915–1916. Отдых в Куоккале и посещение «Пенат»). В тексте – отрывки из дневника автора за 24 мая – 27 авг. 1916 г. и сведения о знакомстве семьи певицы А.Н.Пургольд (урожд. Молас, бабушки автора) и Репиных в 1890–х гг.)

ИДРДВ. Т.5. Ч.2. № 2009.

БРУСЯНИНА Мария Ивановна (1874 – 1942), литератор, переводчица, мемуаристка.

Жена писателя В.В.Брусянина. Сотр. журн. «Пробуждение». Пер. с англ. «О браке» Эдуарда Карпентера (1903). Уч. в сб. «Песни о Бельгии, собранные Я.Вильчинским». Пг., 1916. «Мои воспоминания» (1874–1914) – проспект воспоминаний, хранящихся в ЦГАЛИ (Ф.42. Оп.3. Ед.хр.19). – РГБ ОР. Ф.369. № 379.17.

ВД. Указ. рук. (указ. имен); Розанов.

БРУХНОВА Зинаида Константиновна.

(См. Шишова, З.К.).

БРУШТЕЙН Александра Яковлевна (1884 – 1968), писательница, драматург, мемуаристка.

Окончила историко-филологич. ф-т Бестужевских высших женских курсов в СПб. Работала в подпольной орг. политич. Красного Креста. После рев. организовывала в Петрогарде школы грамоты. Авт. автобиогр. трилогии «Дорога уходит в даль...» (1956), «В рассветный час» (1958), «Весна» (1961); пьес: «Голубое и розовое», «Так было», «Единая боевая», «Продолжение следует»; инсценировок: «Гаврош» по Гюго, «Дон Кихот» по Сервантесу, «Хижина дяди Тома» по Бичер-Стоу, «Тристан и Изольда» по старинным легендам. Авт. кн. «Вечерние огни». М., 1963. «Страницы прошлого». – 2-е изд. М., 1956; «Незабываемая актриса». – «Театр», 1956, № 6, с.120–125; «Три дня: (К 50-летию со дня смерти Н.Г.Гарина-Махайловского). – В кн. Н.Г.Гарин-Махайловский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1967, с.139–144. О ней: Таратута Евг. Дорога уходит в даль... – в ее кн. «Драгоценные автографы». М., 1986. С. 184–188.

КЛЭ; Дет. писатели; ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7850, 8106, 8642.

(Продолжение на стр. 39)

Сломанный кран

Вяткин закончил писать поздно ночью, натываясь в темноте на мебель, добрался до заветной софы, разделся, сбросив одежду прямо на пол, и попробовал аккуратно лечь, но жена, любившая спать на просторе, угодила ему чем-то под локоть.

— Что?! — вскинулась она. — Уже утро?

— Нет, ночь ещё... Спи... — Вяткин лёг на спину, чтобы убажить уставший позвоночник.

— Сколько сейчас? — Марина охотно вернулась к нагретой её щекой подушке.

— Четвёртый час.

— Не выспишься...

— Да нет, высплусь, — сказал Вяткин, нежась уставшей спиной на мягком. — Я сделал практически всё, поэтому отпустило. Теперь мне хватит и двух часов.

— Что у тебя сегодня?

— «Old Man and the Sea», «Старик и море», в общем...

— Хемингуэя, что ли?

— Его самого.

— Какой вариант?

— Первый или один из промежуточных. Я сверил немного с книгой — отличается. А может, просто неважный перевод. Я пока плохо в этих вещах ориентируюсь.

— Свет на кухне не забыл выключить?

Вяткин приподнялся на постели и глянул на узкую щель под дверью комнаты.

— Вроде ничего не светится...

Марина вздохнула.

— И сколько их уже у тебя?

— Да десятка два наберётся. От «Максим» Ларошфуко до «Саги о Форсайтах» Голсуорси.

— Зря ты не идёшь к врачу, Саша.

— К какому именно? К психиатру? К невропатологу? К хирургу? И что я ему скажу? «Понимаете, доктор, на меня периодически что-то находит, и я начинаю писать то, что уже давно написано другими. Причём на языке оригинала...» Показать ему «Троих в лодке с кобелём» Джерома на английском языке или «Илиаду» Гомера на древнегреческом? Ты помнишь, как я потом бился с этой «Илиадой», пытаюсь понять, что невзначай сотворил? Словарь греческого нашёл только после недельных раскопок в областной библиотеке! Самое смешное то, что я прекрасно понимаю язык, пока что-то пишу на нём, но, когда ставлю последнюю точку, всё из головы вываливается. Как и не было! Чудеса!

— Вот поэтому и надо сходить к врачу, Сашенька, — Марина с жалостью погладила мужа по коротко стриженной голове. — Всё равно, это какая-то болезнь!

— А мне кажется, что дело в другом. Что, если наше вдохновение — НЕ НАШЕ?.. Что, если оно нам даровано?..

— Кем? Богом, что ли?

— Может, и Богом... Или самим Мирозданием. Допустим, есть у каждого человека в уме или в душе маленький краник, из которого в него льётся вдохновение. Крылову капнуло — получился «Квартет», Толстому налилось — вышла «Война и мир».

— А тебе, выходит, льётся чужое? Раз ты пишешь уже давно написанное другими.

— Получается, что так... Видимо, всё зависит от конкретной дозы. Для «Рубай» Омара Хайяма она одна, для «Титана» Драйзера — совсем другая. У меня тоже есть свой личный краник и до весны прошлого года из него капало в основном на бытовом уровне. А потом краник вдруг сломался и теперь наливает мне то порцию для «Чрева Парижа» Золя, то десяток капель для «Старика» Пушкина.

— И до каких же пор ты собираешься всё это терпеть? Никакого ведь тебе от них покою.

— А что ты предлагаешь? Удалять хирургически? Аппендикс или уж сразу мозги?

— Что, так и будешь на кухне днями и ночами творить в кладовку? Хотя бы печатался, что ли...

— Под псевдонимами, да? Хэм — 2, Чехноша Антоте или Дюдевтора Авропен... Здорово получится! И названия поменять. Что-то вроде «Праздник, который всегда с нами», «Три сеструхи» и «Китайна»... Вот смеху-то будет! И не только смеху...

— Надорвёшься ты, Сашенька, — сказала Марина жалостливо и погладила мужа по гудящей голове.

Вяткин хмыкнул.

— Что ж, видать, это мой крест...

Он тоже вздохнул.

— И, может, однажды кран нальёт что-нибудь для меня. Есть такая тайная надежда...

Марина помолчала, что-то обдумывая.

— Саша, а если его починят?....

В лужах отражается Солнце

У фиолетовой фиалки листья имеют форму сердца.

— У фиолетовой фиалки листья имеют форму сердца, — повторил Миражник. — Интересно. А что такое листья?

Огромный шестипалый паук с Тангры, покрытый густой оранжевой шерстью, завозился в углу, устраиваясь поудобнее, и с любопытством уставился на Костю.

— А что такое сердце? — не дожидаясь ответа, спросил Зеркальщик. Он единственный говорил по-русски без лингвиста, как, впрочем, и на языках остальных партнеров — настоящий полиглот-пересмешник, мгновенно приспособившийся к собеседникам. Голос его, как обычно, прозвучал эхом из коробочки переводчика, и на стенах пещеры засуетились тени, кривляясь и передразнивая тангрианца.

Брысякин мрачно огляделся, но найти прячущегося Зеркальщика невозможно. Адаптация к суровым условиям жизни пустынь планеты Кариба превратила ее разумные существа в идеальных хамелеонов, полностью сливающихся с окружающей средой. Безнадежность поисков стала ясной с первого дня, но каждый раз, услышав пересмешника, Костя не мог удержаться, прекрасно зная, что за этим последует. И в самом деле, воздух в пещере-бункере заискрился, сгустился, и туманные фигурки невообразимых форм замелькали, затихающим шепотом повторяя вопрос:

— Что такое сердце?

Вот кого нужно было назвать Миражником. Провокатор, по-

другому не скажешь. Зеркальщик раздражал, но Костя сдержался и спокойно ответил:

— Сердце — это орган кровообращения у людей Земли. Ну и питания, кажется... В общем, многофункциональный. Считается, что он имеет какое-то отношение к чувству любви. Листья — это органы питания растений. Обогащают атмосферу необходимым для дыхания животных кислородом.

— Непонятно, кем считается? — вступил в разговор Погаситель, отрываясь от изучения скомканного листка бумаги, который они сейчас обсуждали: — Какое отношение имеет орган кровообращения к чувствам?

Биолог-гуманист по образованию, альтаирский профессор довольно долго занимался изучением человеческой расы и на своей планете пользовался репутацией одного из крупнейших специалистов по психологии гуманоидов. Так, во всяком случае, утверждал он сам. Судя по некоторым его репликам, остальные представители цивилизации альтаирских псевдожестеров не знали о землянах вообще ничего, а возможно, даже и не подозревали об их существовании.

— Поэтами так считается! Представителями творческих профессий. И глупыми романтическими девушками! Когда кого-то бросают и он страдает, обычно говорят, что сердце болит. Как у меня сейчас! — огрызнулся Костя, не сдержавшись.

За прошедшие с объявления соревнований и сбора команды 2 недели он устал от бессмысленных дискуссий. И угораздило же его прихватить с собой подаренную Лизой на прощанье книжку, в которой случайно обнаружилось написанное кем-то дурацкое письмо. Брысякин подозревал кем — человеком, из-за которого его бросили. Как назло, уголок с подписью был оборван. Остались только последние слова и две буквы имени: «С любовью. Ва...»

Кто — Валера, Ваня, Вася — об этом можно было только догадываться. Да и какое это имело значение? Но почему-то слова застряли в памяти и терзали воображение бессонными ночами, мешая думать о главном — об Игре, о том, как избежать поражения.

Впрочем, и книга и письмо пригодились, став предметом пристального внимания и изучения инопланетных партнеров — никто из них, как выяснилось, никаких носителей информации с собой не прихватил.

Удобства игрокам обеспечили — индивидуальные пищевые синтезаторы, санитарные блоки, медицинская ниша, возможность уединения для отдыха и сна. Но скука! Чтение и бесконечные споры помогали легче переносить ожидание. Хотя уж чего, а терпения Брысякину не занимать. Привык.

В жизни у Константина Брысякина был плохой старт. Потеряв в

шестилетнем возрасте родителей, погибших в автокатастрофе, Костя воспитывался у одинокой тетки, старшей сестры отца. Некрасивый и не слишком способный в учебе, мальчик, к счастью, оказался талантливым спортсменом. Упорные тренировки, тяжелая работа закалили. Тетка дала ему все, что могла — заботу, но ни любви, ни тепла. Только когда тетя Клава, заболев раком, умерла, 14-летний Костя оценил все, что сделала для него эта суровая женщина. Попав в спортивный интернат, он сумел выстоять. Сначала помогал тренеру, потом взялся вести секцию карате, занятия по самообороне. Потом начал принимать участие в соревнованиях многоборцев. Через несколько лет, после первых значимых побед, пригласили в сборную страны, потом — планеты. Появились дружки и подружки, но никого по-настоящему близкого. Он по-прежнему оставался один.

В секции самообороны он и познакомился с Лизой. Костя навсегда запомнил тот день, когда в группу пришла худенькая темно-волосая и темноглазая девчонка с огромным синяком под глазом. Такая же одинокая и нелюбимая, как он. Ей не с кем было поделиться, и она откровенно рассказала молодому тренеру о приставаниях отчима: мать недавно снова вышла замуж, а новоявленный папаша сразу начал распускать руки, командовать, побил.

— Научите меня защищаться! Только защищаться! — плача, попросила девочка. Костя без лишних объяснений согласился. Малявке не стоило объяснять, что на учебу уйдут недели и месяцы. С этого дня заботу о Лизе он считал своим личным делом.

С отчимом борец разобрался в тот же день. Хватило нескольких слов. Не слишком яркая, внешность Брысякина была достаточно впечатляющей.

— Еще что-то услышу, костей не соберешь! — сказал он жирному пятидесятилетнему тюфяку с дрожащими потными руками. Тот понял.

Лиза больше не жаловалась, но продолжала ходить на тренировки. Осмелела. Смотрела на Константина счастливыми сияющими глазами, ждала после занятий. Они болтали, гуляли вечерами и, как-то одновременно поняв, что любят друг друга, начали мечтать об уютном доме, о счастье, о детях. Участие в Игре давало Косте серьезный шанс на большое будущее. Лиза была против:

— У меня в мире никого больше нет! Зачем это нам? Куда спешить? Вдруг с тобой что-то случится?

— Эгоистка! Я думал, ты обо мне беспокоишься, — обычно отшучивался спортсмен.

— Ты не понимаешь, я боюсь. Если ты уедешь, я не прощу.

Он не поверил, но она не простила. Перед самой Игрой Лиза ушла, подарив на прощание глупую книжку с чужим письмом, обсуждением которого сейчас развлекались инопланетяне.

Книжка оказалась пособием по соционике: «наука о поиске подходящих партнеров» — объяснялось в предисловии. Она пригодилась — за спорами время проходило быстрее.

Начитавшись, товарищи по команде немедленно взяли себе глупые клички. Все равно настоящие имена друг друга они не могли ни понять, ни произнести, а названия соционических типов показались интригующими и многозначительными. Всем, кроме Брысякина — его подобные книги никогда не интересовали.

Больше всего Костю возмущало название псевдонаучного труда: «Как сделать, чтобы мы не расставались?» Ответить на этот вопрос ни себе, ни любимой девушке, ни настойчиво повторявшему его сейчас Погасителю землянин не мог. Не мог поверить, что Лиза-Лизавета, его чудесная замечательная Лиска ушла, бросила. А книжка никаких ответов не давала — только классификации, описания идеальных партнеров. Сам Брысякин от соционического прозвища отказался наотрез:

— Я не Заказчик и не Деловик, — решительно заявил он. — И уж точно никому из вас и вообще не Тождик. Зовите Костей. И оставьте меня в покое, не лезьте в душу.

Товарищи по команде, сначала пытавшиеся придумать ему характеристику, почувствовав болезненную реакцию, отвязались. Портить отношения в преддверии Игры никому не хотелось.

Книжку забросили. Читать ее вслух никто не пытался, хотя на несколько дней она привлекала внимание каждого. Не из особого интереса — просто от нечего делать: период совместной изоляции и мучительного ожидания команд считался одним из первых этапов Игры. Проверка на терпимость и совместимость. Иногда и этого оказывалось достаточно — порой ни один из членов неудачно подобранной четверки не доживал до начала состязаний, сроки которого всегда определялись Организаторами произвольно. А если кто-то один и дотягивал, шансов на победу в одиночку ни у кого не было. Ну, а что ждет выбывших и проигравших, знали все.

Совместимость! Костя невольно усмехнулся — уж если ему удалось вытерпеть Счастливого Артура, как его сейчас могли достать Зеркальщик или Погаситель! Не зря тетка всегда повторяла, что труднее всего найти общий язык со своими, с близкими людьми.

Страшненький альтаирский профессор оказался просто безобидным занудой. Что из себя представляет Зеркальщик, никто из команды понять так и не смог. С Миражником все как-то сразу нашли общий язык, хотя тот порой и доставал командирскими распоряжениями и настойчивыми расспросами. Он, как и Костя, был борцом, спортсменом. Впрочем, как и Счастливец.

Представитель золотой молодежи, сильный и красивый, сын влиятельного папаша, Артур Никольский считался первым претендентом на участие в Игре: из десятки лучших представлять

Землю мог только один. Счастливчик выбыл на последнем этапе отбора — подвели самоуверенность и неумение работать в команде. Составляя при опросе символическую сборную Земли, восемь остальных претендентов поставили на первое место Костю. Он никогда не забудет, сколько ненависти увидел в прощальном взгляде неудачливого соперника. А как Никольский смотрел на Лизу! Но письмо было подписано «Ва...».

Письмо! Оно, возможно, сыграло в отношениях команды решающую роль. Сначала инопланетяне просматривали его про себя. Потом его зачитывали вслух — обычно это делал Погаситель — обсуждая в деталях с недоумением и интересом и забрасывая землянина вопросами. Костя читать письмо наотрез отказался. Да и объяснять не слишком хотелось, но не обижать же друзей?

Вот и сейчас прямолинейно выпытывая у Брысякина подробности отношений с Лизой, до правды докапывался все тот же настойчивый Миражник. Паук — психолог нашелся!

Вопросы тангрианец задавал в лоб, не задумываясь о чувствах собеседника:

— Романтические девушки? Твоя подруга тебя бросила! Почему так получилось? Ты страдаешь. — От этого утверждения Костю покорежило, но он молча кивнул. Чего скрывать, правда.

— Уземлян моногамные браки? Одна самка на всю жизнь? — беззастенчиво продолжал выпрашивать новоявленный соционик. Ответить Костя не успел, в разговор вмешался Погаситель:

— Что за ерунду ты несешь? Ты же читал в Книге! — Он произносил это слово с прописной буквы с непередаваемым уважением. Книжка потрясла его, и он уже выпросил у Кости разрешение оставить ее себе после окончания соревнований, если, конечно... — «Как сделать, чтобы мы не расставались?» Значит, они все-таки расстанутся, хотя семьи, судя по всему, моногамные.

Зубастый ящер клацнул челюстями и вежливо закрыл пасть, обращаясь к Косте за подтверждением.

На первых порах внешность и манера общения профессора, здорово напоминавшего сказочного дракона, немного напрягали Брысякина. Сославшись на генетическую память и традиции народного фольклора, он обратился к Погасителю с не слишком деликатным замечанием — не пугать его жуткими клыками во время разговора. Позже, разобравшись, с каким в сущности добрейшим и милейшим существом имеет дело, землянин не раз подумывал, извинившись, отказаться от своей просьбы, но пока как-то не получалось.

И сейчас сложный вопрос не позволил сосредоточиться на вежливости:

— Ну, как тебе сказать... — Вячаться в долгие объяснения не хотелось, но и не врать же товарищам по команде! Брысякин всегда играл честно — может, поэтому его уважали даже конкуренты. Из девяти дублеров первого претендента на участие в Игре он был девятым и ни на что особо не рассчитывал. Однако соперники один за другим постепенно отсеялись, пока, наконец, не остались они с Никольским. Потом он один.

Если разобраться, сначала в группе претендентов было довольно много русских: и среди них один Василий, два Валерия, Иван и Вадим. Опять вспомнилось проклятое письмо. Может, кто-то из них все же сыграл нечестно?

— Я люблю не тебя! — на прощание сказала Лиза. Смена партнера. Почему? Из страха за будущее или из-за глупых писем и лженауки — соционики? У нее — другой! А теперь они еще спрашивают о моногамии! Брысякин вспомнил о мусульманах и честно ответил:

— Ну, моногамная семья вообще-то не у всех народов Земли существует. Есть, конечно, еще у некоторых и многоженство — религия там такая, культура.

— Культура определяет биологию? — уточнил потрясенный Миражник. — У них другой способ размножения?

— Да нет, способ в принципе тот же. — Костя помялся, невольно покраснел и пожал плечами — с чего бы, вроде не мальчик. — Просто один мужчина может иметь много жен. Ну, самок... А культура обычно это запрещает. А у некоторых народов старые традиции сохранились, долго объяснять...

— Что тут объяснять! Недостаток самок. Побеждает сильнейший. — Ящер-профессор довольно помотал шипастой, покрытой блестящей чешуей мордой. — У нас то же самое. Всегда говорил, что мы близкие расы. Психологически! Соционически! — И он с удовольствием клацнул челюстями, очевидно представляя себе, как использует этот неотразимый аргумент в споре с научными противниками.

— Ничего подобного, — возмутился Костя. Разочаровывать профессора не хотелось, но истина дороже. — Наоборот, избыток. Некоторые так и остаются одинокими. Но обычай есть обычай.

— Ясно. Культурное решение демографической проблемы, спасение планеты от перенаселения, — в разговор неожиданно вступил Зеркальщик, и Костя привычно подавил возникшее раздражение, когда после его ищущего взгляда эхом зазвучали пересмешки. — А ценные самки имеют богатый выбор. Почему она выбрала не тебя? У него ярче окрас? — Намек на рыжие, коротко стриженные Костины волосы. — Или он поэт?

При чем здесь поэзия, Брысякин не понял, но, к сожалению, товарищи имели право на честный ответ. Это могло оказаться важным для Игры. Представитель Земли заведомо должен был быть сильнее, быстрее и умнее соплеменников — иначе бы его не отобрали. А следовательно, иметь преимущество перед любым соперником — во всем, кроме внешности. Конечно, такому

как Зеркальщик трудно было бы оценить проблемы земной красоты, но ведь и не в ней причина. И все-таки интересно, кто там у них, на Карибе, считается красивым? Тот, кто незаметнее?

— Может быть, из-за писем. Думаю, дело в них. Ей просто понравилось, как он пишет и все. Я так не умею. — Полуправда, но Брысякин почему-то не мог заставить себя признаться, что совершенно ничего не знает о сопернике, никогда не видел его и даже не подозревал о его существовании до той минуты, когда перед вылетом на Индру, астероид, отобранный для очередной Игры, Лиза подошла к нему попроситься.

Холодно отстранившись, она протянула ему книгу и призналась, что не любит. А ему желает больших успехов и советует внимательно прочитать ее прощальный подарок. И ушла. А он до сих пор ломает голову над вечным вопросом — что же он сделал неправильно? И пытается расшифровать секрет чужих писем.

— Из-за вот этого? Не может быть! — с возмущением вмешался Погаситель.

— Ну, хватит. Тоже нашелся знаток. Может, это как раз важно — письма победителя. Читай дальше! Повтори этот кусок еще раз! — положил конец спору Миражник, претендовавший в группе на лидерство. Оспаривать его амбиций никто и не пытался — Косте было не до того, а соображения остальных оставались для землянина загадкой.

Профессор, обиженно встопорщив рудиментарные крылья, бережно расправил когтями передних лап зачитанный до дыр листок и перечитал последний абзац:

— «Наблюдать за подснежниками, медуницами, рекой и птицами — приятно. Когда пойду в лес за сморчками, наверняка и фиалки и хохлатки встречу. Синим подснежником называют прострел, он же сон-трава. Цветок, похожий на колокольчик. Это не совсем подснежник: растет в

конце мая, когда снег уже растаял. Но фиалки и хохлатки тоже синие (точнее, фиолетовые). У фиолетовой фиалки листья имеют форму сердца. Хохлатку описать не смогу».

— Почему хохлатку описать не сможет? Табу? А медуницы? Что это? Да, много непонятного... — задумчиво прошелестел Зеркальщик. Возразить Брысякин не успел.

В эту минуту свет в бункере вспыхнул ярче, и из коробочки автолингвиста металлический голос Арбитра объявил о начале состязаний:

— Группа «Т», ваш выход. Вы приглашаетесь на арену.

Заблокированный в течение двух недель выход открылся, и четверка вышла на площадку для многоборья. Команду отделил от арены радужный пузырь силового поля. Значит, в первой игре будут участвовать не все. Накрывавший площадку высокий прозрачный купол надежно изолировал игроков от ядовитой для многих атмосферы Индры, создавая равные условия для всех участников соревнований.

— Надо же, группа «Т», — мелькнула неуместная мысль. — Это сколько же всего команд играет!

С алфавитом, конечно, ясности не было, но механический переводчик всегда находил точные соответствия. Однако дело обстояло не так уж плохо. Голос Арбитра продолжал объявлять для невидимых судей, обнадеживая, подсчет первых очков:

— Команда «Т», выход на игру без потерь — 9 баллов, максимально — 9 баллов. Первый уровень, равные соперники — команды «Б», «Е», «З», «Л», «П».

Команда «Т», терпимость и совместимость — 9 баллов, максимально — 9 баллов. Второй уровень, равные соперники — команды «Д», «Е», «Л» и «С». Общая сумма баллов — 18. Команда допущена к соревнованиям. Успехов.

Отлично — закли уровень сотрудничества. По правилам

многоборья их четверка сразу включалась в состязание с лидерами — командами, сохранившими полный состав и проявившими минимум галактической ксенофобии, — минуя промежуточные этапы.

Набранные на предварительном этапе очки имели огромное значение независимо от результатов основной игры. Цивилизации трех победивших команд ожидало немедленное вступление в галактическое сообщество и приобщение ко всем благам межзвездного сотрудничества. Двенадцати проигравшим мирам, представители которых составят команды, занявшие три последних места, предстояли долгие века космической изоляции, медленная деградация и, возможно, гибель от собственного оружия в результате внутренних конфликтов. Все остальные получали шанс — на повторное участие в соревнованиях. Еще через 40 лет.

Земля принимала участие в состязаниях третий раз. По обязательному курсу истории Игр Костя отлично знал, что прошлый раз родная планета была на грани поражения.

Брысякину хорошо объяснили стоящую перед ним задачу — на выигрыш никто не рассчитывал. От него не требовали невозможного.

— Твоя задача — набрать максимальное количество очков и дать народам Земли шанс попытаться еще раз. Это программа-минимум! — Лопухов, председатель Игрового Комитета, был краток. — Сделай это, и ты получишь всё.

Брысякин не нуждался в лишних объяснениях. Набор необходимых для дальнейшей борьбы очков гарантировал известность, уважение товарищей, престижную работу в спорткомитете, материальную обеспеченность семьи, счастье любимой девушки.

Совсем недавно душу переполняли гордость и сознание лежавшей на его плечах ответственности. Сейчас это представлялось далеким сном. Ему было все равно. Счастье? Без Лизы? Миф.

Да и судьба родной планеты теперь уже не слишком беспокоила — как-нибудь. Уж с семнадцатью очками точно не вылетят. Можно расслабиться. Просто не хотелось подводить товарищей по команде.

Костя попытался настроиться на Игру, сосредоточиться. Он не старался припомнить правила — бесполезно. Для каждой игры судейская комиссия разрабатывала новые. Вот и сейчас Арбитр оглашал обновленные условия состязаний:

— Соревнования проводятся в 4 этапа. Соперников определяет жребий. В каждом туре участвуют по одному представителю от команды, поочередно. Участника определяют судьи. За достойную игру очки начисляются победителю и проигравшему. После каждого этапа — отдых 20 часов. Объявление заданий перед началом состязания. Время игры — 30 секунд.

Автопереводчик упрямо искал и находил соответствия земным единицам времени. Арбитр продолжал:

— Первое соревнование — «Оборона без оружия», борьба. Соперник — команда «Л». Время — 30 секунд. Старт. Участник....

Борьба! Неужели он? Нужно надеяться, что 30 секунд как-нибудь выдержит. Однако Арбитр прошипел непроницаемое для землянина тангрианское имя, и в радужном пузыре силового поля выход раскрылся перед мгновенно выскользнувшим на арену Миражником.

Увидев представителя соперников, Костя понял выбор судей. Подобное существо он никогда бы не сумел победить. Жуткое создание состояло из блестящих жвал, когтей и щупалец. Воплощенный ужас. И скорость!

Противник Миражника двигался настолько быстро, что Костя просто не понимал, что происходит. Однако тангрианец выстоял — в том смысле, что не струсил и не сбежал. Когда арбитр произнес: «Стоп», и от мешанины тел и

конечностей отделился страшный чужак, из его разжавшихся щупалец выпал оранжевый паук и безуспешно попытался приподняться на поврежденных лапах при оглашении результатов. Поражение — ясно всем. Но достойное, не позорное! Это подтвердили судьи:

— Команда «Л» — победитель, 6 очков, максимум — 9 очков. Общая сумма — 24 очка, допущена к дальнейшим соревнованиям.

— Команда «Т» — проигравший, 4 очка, максимум — 9 очков. Общая сумма — 22 очка, допущена к дальнейшим соревнованиям.

— Допущены. Все в порядке. Судьи учитывают возможности соперников...— попытался начать общий разговор Погаситель, когда четверка вернулась в пещеру. Костя промолчал. Зеркальщик тоже не стал заводиться, проявив неожиданный такт.

Видно было, что Миражник тяжело переживает поражение. В такие минуты к человеку лучше не лезть. Даже если он не совсем человек. Однако на реплику Погасителя борец все же отреагировал. Совершенно неожиданно. Забравшись в медицинскую нишу, чтобы залечить поврежденные конечности, паук грубовато попросил:

— Давай не будем сейчас об этом. Письмо лучше почитай!

Профессор охотно потянулся к бесценному документу. В этот раз чтение продолжалось недолго:

— «Апрель — это такой особый месяц. 1-го апреля всюду сугробы. Последнего апреля — чтобы снег найти в лесу, хорошенько поискать надо. Сегодня я развязывал вишню».

— Что такое апрель? — одновременно спросили Миражник и Зеркальщик. Альтаирец тоже открыл было пасть, но, поняв, что вопрос уже прозвучал, благовоспитанно прикрыл.

Описания особенностей земного календаря Косте хватило на несколько часов. А связно объяснить, почему нужно развязывать

вишню, несмотря на долгую путаницу в соображениях и рассуждениях, он так и не сумел. Что он, крестьянин, что ли? Собеседники, наконец, сжалились.

— Ладно. Отдыхать пора. Про вишню завтра расскажешь, — уступил тангрианец. И жестко добавил: — Только прежде хорошо подумай!

Ничего не скажешь, озадачил. Теперь, вместо того, чтобы нервничать из-за соревнований, Брысякин пытался вспомнить все, что знает о вишнях. Засыпая, он думал о Лизе. Всю «ночь» ему снились цветущие бело-зеленые деревца, чем-то похожие на тоненьких девушек в подвенечных платьях.

Следующим заданием оказалось «Создание Красоты». Соперники — команда «Д», не из самых удачливых, отметил Костя. Выступление — одновременно. Время — 30 секунд. Игрок — Зеркальщик.

Противник пересмешника был силен. В смысле, необыкновенно хорош. Появившись на игровой площадке, невзрачное, похожее на древесный куст существо внезапно разукрасило окружающее пространство сияющими струями многоцветных фонтанов. Рассыпаясь, потоки контрастных пятен складывались в волшебные узоры, создавая гармонию необыкновенно прекрасных, невероятных картин.

Считавший себя нечувствительным к подобным вещам Брысякин, не сдержавшись, вскрикнул от восторга и разочарования, предчувствуя неизбежное поражение. Но тут в Игру вступил Зеркальщик. Все-таки они его здорово недооценили!

На арене внезапно стусились и заиграли тени. Их нежные полутона смягчали и размывали яркие цветочные пятна, отражая узоры, созданные соперником, но усложняя формы, сплетая струи в фантастические пейзажи, превращая игровую площадку в невообразимый мир миражной сказочной красоты. Потрясающе. Зеркальщик был лучше, Костя не

сомневался. Но судьи решили иначе:

— Ничья. Команда «Т» — 7 баллов, максимум — 9 баллов. Общая сумма — 29 баллов. Допущены к дальнейшим соревнованиям.

— Команда «Д». — 7 баллов. Общая сумма — 25 баллов. Допущены к дальнейшим соревнованиям. Команды свободны.

— Они учитывают возможности соперников, — все с той же фразы, но совсем с другим настроением начал разговор альтаирский ящер.

— Да ладно. Судьи правы, — эхом откликнулся Зеркальщик. — Справедливая оценка — 7 баллов. — И неожиданно добавил, мелодичкой замирающих голосов пытаясь смягчить наносимую обиду: — А все-таки, Костя, твоя девушка права. Вот это письмо — на 9 баллов. Его писал настоящий поэт.

— Ничего в нем особого нет, — Костя разозлился. — Обычное письмо. Видно, что простой мужик писал, одинокий... — Борец запнулся на последнем слове. Одинокий... Автор письма очень одинок — это вдруг показалось очевидным. Как он не почувствовал раньше? И это как-то не вязалось с образом победителя, удачливого соперника: письмо писал проигравший!

— Поэт всегда одинок! — Возбужденный игрой, пересмешник готов был затеять серьезный спор. — И все несчастные влюбленные — поэты. Поэзия — искусство, доступное всем!

— Это только твое мнение. Ты — молодец, хорошо сыграл. Но что ты знаешь о землянах, чтобы судить? — вмешался в разговор, прекращая спор, Миражник. Он постепенно восстанавливался, приходя в норму. После поражения, не услышав ни единого упрека, тангрианец испытывал благодарность к товарищам, но теперь в его голосе вновь зазвучали властные, повелительные нотки. — О вишне, Костя, расскажешь после. А сейчас, профессор, читай дальше.

Опять зазвучали набившие оскомину убаюкивающие слова:

— «Подснежники — название обобщенное. Это обычно ветреница обыкновенная. У нее бывает 9 розовато-белых лепестков, листья сильно изрезанные. В Заозерье число лепестков доходит до 13. Больше 13 лепестков я не встречал. И я не уверен, какая именно ветреница у нас растет: обыкновенная или уральская. А есть еще ветреница алтайская — у нее лепестков пять. Всегда. В наших местах встречается редко».

— Хватит, — резко прервал Миражник. — Так что там с этой вишней?

— Здесь есть ответ! Я нашел! — вместо Кости ответил обрадованный Погаситель. — Слушайте:

— «Вишню на зиму, чтоб не мерзла, надо закручивать, чтобы не обломало ветки снегом. А весной — раскручивать». Вот!

— Ты думаешь, что это ответ? — задумчиво переспросил Миражник. — А что такое зима?

— А что такое весна? — эхом заметался по пещере вопрос пересмешника.

— Похоже, автор думает, что ответ, — отозвался ящер и посмотрел на Костю. — А что такое мерзнуть? — До вишен и в этот раз дойти не успели.

Следующее соревнование — «Галактические знания».

— Знания о галактике и ее обитателях — пояснил Арбитр. — Соперники — команда «С». Участник — представитель Альтаира.

И слава богу. Команде повезло, что выбрали не Костю: ни одного из ответов и вопросов землянин даже не понял.

Альтаирский профессор, правда, тоже не блистал. Всего три очка — при максимуме 6. Но зато у ящера не возникло проблем с соперником — тот не ответил вообще ничего. Ноль баллов. Вердикт судейской коллегии:

— Команда «С» — проигравший. Ноль баллов. Общая сумма — 22 балла. Снимается с соревнований. Успехов в следующей игре. Команда свободна.

— Команда «Т» — победитель. 3 балла. Общая сумма — 32 балла. Допускается к финальной

игре. Поздравляем. Команда свободна.

Погаситель торжествовал и принимал поздравления — еще бы, выиграл и обеспечил команде выход в финал, есть чем гордиться!

Похлопав виновника торжества по огромной лапе, Костя внезапно осознал — его завтрашняя борьба определит все. Игра в финале. С кем, во что, непонятно. От него, Брысякина, зависит будущее Земли и успех товарищей. В этот раз инициатором чтения выступил сам Костя: нужно было срочно отвлечься:

— Пожалуйста, Погаситель, почитай немного. Хоть чуть-чуть. У тебя отлично получается.

Польщенный профессор в очередной раз расправил смятый листок:

— «Вчера в яме возле огорода зацвела черемуха. У соседей, говорят, сбежала собака и всех кусает. Уже тепло. И в лужах отражается солнце».

— Что означают эти последние слова? Что он хотел сказать? Это стихи? — взволнованно отозвался Зеркальщик. — А ну-ка повтори!

— И в лужах отражается солнце, — послушно повторил альтаирец. — Костя, объясни!

— Ну, это, в общем-то, природное явление. — Почему-то фраза его тоже зацепила. Костя попытался успокоиться, объяснить друзьям и немного себе. — Но иногда употребляется переносно — в том смысле, что прекрасное солнце освещает и грязные лужи. Ну, любовь как бы всех уравнивает...

Брысякин запнулся. Откуда такие странные, не свойственные ему рассуждения? Это не его слова — чьи-то услышанные давным-давно, чужие.

Костя внезапно вспомнил, когда и от кого слышал эту фразу. От Лизы! На следующий день после их первой встречи, когда он без всяких условий и объяснений помог незнакомой девочке и шутил, открещиваясь от благодарностей. Она тогда сказала:

— Не смейся. Ты в моей жизни как лучик света. Как солнце, которое отражается в лужах!

Лиза тоже повторяла чужие слова, отрывок из письма, еще тогда. Значит, оно было написано не сейчас, давно. Но кем? И почему оно значило для нее так много? Неужели уже тогда...? Но нет — он у нее был первым, это Костя знал точно!

А странное несоответствие — найденное в книге письмо с самого начала показалось старым, пожелтевшим, зачитанным. Но как это объяснить? Брысякин потерял всякий интерес к разговору.

— Простите, ребята. Можно я не буду сейчас больше отвечать? Пусть лучше профессор еще почитает, а мы послушаем.

Спорить с ним не стали — решили, что землянин осознал груз завтрашней ответственности. Друзья еще долго читали и обсуждали письмо, загадочную фразу, выдвигая самые невероятные предположения, но Костя ничего не слышал. Он мучительно перебирал в памяти подробности давнишнего разговора с Лизой, но ничего больше толком не мог вспомнить. Мысли путались — сказало напряжение последних дней. Засыпая, он еще раз повторил про себя: «В лужах отражается солнце».

Последняя игра — его. Участник — Константин Брысякин, Земля. Задание — «Произведение искусства». Шок. Что он знает об искусстве?

— Соперник — команда «Л». Лидер. Общая сумма — 34 балла. Время — 30 секунд. Выступление — поочередно.

Ему повезло — представительница соперников выступала первой. Она была похожа на большого взъерошенного страуса и выбрала Музыку.

Арену заполнили птички трели. Чистые мелодичные звуки, наверное, были прекрасны, но Костя не вслушивался.

Отказаться, сдаться? Вспомнился Миражник, его безнадёжная борьба с непобедимым

соперником. Потом — слова Зеркальщика: есть искусство, доступное всем. Поэт? Одинокий мужик, живущий в лесу? Он не уступит — выбор сделан. Не зря же он две недели слушал Письмо!

Когда Арбитр объявил: «Команда «Т», 30 секунд — старт», Константин вышел на площадку и объявил: «Искусство — Поэзия».

Он был готов просто произносить вслух отложившиеся в памяти знакомые строчки. И только начав говорить, понял, что они как-то сами собой складываются в рифмованные строфы:

«В лужах отражается солнце»

*Апрель — такой особый месяц,
В лесу подснежники цветут.
Вчера хохлатки кто-то встретил,
А завтра медуницы ждут.*

*Не знаю, звери или птицы,
Я никогда не видел их,
Но две недели медуницы
Тревожат сон друзей моих.*

*Нам аромат черемух нужен,
Чтоб разгадать секрет любви,
Пусть Солнце отразится в лужах.
Вернись, Любовь, и позови!
Всё!*

Стишок получился простеньким и глупым, но кто знает, что такое Поэзия? Судьи? Может быть. Не он...

Шум. Сутолока. Пожимание лап, щупалец и крыльев соперников. Только услышав чьи-то поздравления: «Молодец! Здорово! Не знал, что ты — поэт!» — Костя пришел в себя и понял, что пропустил объявление результатов.

— Погодите. Задавите: — Он осторожно высвободился из объятий тангрианского паука и оглядел окружавших его друзей. — Чем все кончилось?

— Ну, ты даешь! И, правда, поэт. Все в порядке. Молодец! — отсмеявшись, объяснил Миражник. — Проиграли и выиграли! Она — 6 баллов. Команда «Л» — первое место, общая сумма — 40 баллов. Ты — 5 баллов. Мы — тре-

ты, 37 баллов. Вторые — группа «Е» — 39. Дэшники отстали от нас на 3 очка.

* * *

Победители. Минуты прощания. Почему-то невыразимо грустно и не ясно, что ждет на Земле? Но друзья не дали задуматься.

— Обязательно приезжай к нам, на Тангру. Буду ждать. С Землей свяжусь сам! — Это Миражник, вернулись прежние лидерские замашки. Кто он там, интересно, на своей Тангре?

— Для нашего университета будет огромной честью... А за это... — Алтайрский профессор растроганно прижал подаренную книгу к бронированным грудным пластинам. — Особая благодарность!

— Да, да, да... — В последний раз тенями под куполом замелькали пересмешки. — Я тебя найду, — двусмысленно пообещал Зеркальщик.

— Еще один вопрос... — Миражник замаялся. — Это письмо. Ты не можешь...?

— Извините, ребята, — не дослушав, замотал головой Костя. — Подарить не могу, не мое. Я сначала должен спросить. Лизу.

— Да я не в этом смысле, — начал было тангрианец, но, прервав его, в разговор неожиданно вмешался профессор:

— Видишь ли, у нас всех есть копии — это нетрудно. Да мы и помним его наизусть. Неудивительно. Мы ведь все знаем, почему победили. Миражник спрашивает разрешения на использование — ну, для исследований, для поэзии....

— Нет. — Костя был категоричен. — Простите... Сначала Лиза...

Договорить он не успел — объявили нуль-транспортировку. Один за другим партнеры исчезли во вспышках порталов...

Мгновение небытия... Земля. Шум восторженной толпы... Цветы, счастливые лица... Чьи-то чужие лица, но самого любимого и дорогого нет... Поздравления и подарки... Фальшивые улыбки

и механические ответы. Все как во сне...

Кабинет председателя игрового Комитета. Возвращение к реальности. Жестокие слова:

— Понимаешь, Константин, ты у нас, конечно, герой... Да... Не знал, что ты поэт... хм, да, — Лопухов замялся, не зная, как выразиться.

— Да что вы, в самом деле, Борис Евгеньевич, говорите прямо, пойму. Я не поэт. Инопланетян понял и тут, надеюсь, не ошибусь. — Брысякин устал от недомолвок и догадок.

— Ладно. Так вот, пока ты там играл, разговоры тут начались всякие, о том, что отбор на соревнования, мол, был несправедливым. Ну, вроде подтасовки, то да се. Ты знаешь, о чем и, главное, о ком я говорю? — Намек предельно ясен. Костя кивнул: как же, отлично знает — он был никем, безродным сиротой. Папаша Никольского — академик, вице-председатель Планетарного Совета Солнечной системы. Такой не простит.

— Ну, вот, — Лопухов с облегчением перешел к делу. — Победителей, конечно, не судят. Но что ты думаешь о дипломатической карьере? Тебе сейчас — зеленая улица. Герой. Опять же работы намечается много — галактические контакты. Любая планета на твой выбор. И перспективы отличные, и от Земли подальше. А там, кто знает?

Обидно, конечно, хотя предложение заманчивое — о таком Брысякин раньше не мог и мечтать. Старик поступал благородно, наверняка на него давили сверху, требовали совсем другого. Да и своих проблем сейчас тоже полно: Комитет-то уже ликвидируется! А все же решил помочь, подсказать. Что ж, не стоит отказываться, но все зависит не от Кости. У него оставался еще один нерешенный вопрос. Самый важный:

— Спасибо большое, Борис Евгеньевич! Вы мне разрешите немного подумать? Ну, типа, выбрать? Можно я завтра....?

— Выбрать? Конечно, конечно. — Председатель игрового комитета с облегчением улыбнулся. — Это ты молодец, правильно. Обдумай все хорошенько, выбери. А завтра жду.

Он связался с Лизой по личному комму. Голос ее был холодным и равнодушным:

— Поздравляю. Ты меня тоже можешь поздравить. Я вышла замуж.

Короткие безразличные реплики.

— За Никольского. Мы очень счастливы. Видеться нам не стоит. Ты напрасно звонишь.

— За Артура? Но как же? — Он не мог осмыслить произошедшего. — Ведь письмо было подписано «Ва...».

— Какое письмо? А, ты, наверное, о письме отца? Надо же! А я не могла понять, куда оно делось. Наверное, в книге осталось?

— Отца? Но ты же Елизавета Георгиевна!

— Ну да. Он просто всегда так подписывался — «Ваш папа»... Бросил нас... Не простил матери ошибку. Она тогда в... — Лиза на мгновение запнулась, — встречалась с другим человеком. Отец ушел. А потом уехал в Сибирь и писал письма. А потом исчез, пропал где-то в тайге.

— Он был поэтом? — Лишний вопрос, но почему-то это показалось важным.

— С чего ты взял? Он был компьютерщиком, программистом. А письмо можешь выбросить, сейчас это неважно. Прощай! — Она отключилась.

Не простил. Костя понял, что тоже не простит. Не измены, не потерянной любви, а письма. И не потому, что оно решило судьбы Земли, не потому, что Лиза так легко отказалась от письма отца, а просто потому, что это было оно, Письмо. Что ж, Земля его предала, любовь тоже. Осталось проверить дружбу.

Встреча с Лопуховым прошла по-деловому:

— Ты уже решил? Отлично. Для тебя есть отличные предложения, все, кстати, от твоих но-

вых друзей. Вчера пришли. Выбери: Тангра — дипломатическая миссия, посольство. Альгамбра — Альтаирский центральный университет, лекции. Кариба — великий джума'х.

— А что такое джума'х? — Машинально переспросил Брысякин и невольно улыбнулся, вспомнив вопросы Зеркальщика.

— Не знаю, — честно ответил председатель. — Вот съездишь, потом и расскажешь. Так что, Кариба?

— Нет, — не задумываясь, ответил Брысякин. — Тангра.

Письмо Лизы пришло через полгода в тангрианское дипломатическое консульство. Оно было написано на обычном листке бумаги, но где-то по пути его скопировали, переслали по недавно появившейся на Земле галсвязи, а затем восстановили. Вернувшись из поездки на Альгамбру, Костя нашел его у входа на тумбочке — сложенный вчетверо листок бумаги с надписью «Константину Брысякину». Верна себе — трусливая и консервативная.

Душу согревали воспоминания о недавних встречах — друзья помогали смириться с реальностью, которая иначе могла бы оказаться невыносимой, но письмо Брысякин схватил и прочитал сразу, не секунды не колеблясь. Оно было простым и коротким, не слишком складным:

— «Здравствуй, Костя. Извини, что я пишу тебе после того, что случилось, но ты должен знать. У меня родилась дочь. Твоя. Я знала до того, как ты улетел на Игру, поэтому так боялась остаться одна. Но Артур не знал, думал, что ребенок его. Когда он ее увидел, он понял. Она — рыжая и не очень красивая. Очень похожая на тебя. Но я все равно люблю ее больше всех на свете. Мы с Артуром поссорились, и я ушла. Сейчас мы с Каткой живем вдвоем. Ты можешь писать нам письма. Лиза».

Больше всего Брысякина задела последняя фраза. Писать

письма? Повторять чужие ошибки? Он — не поэт и даже не программист. Он — спортсмен, и жизнь — борьба, а настоящий борец никому не уступит. И плевать на соционику! Большая Игра научила главному: проиграть не стыдно, стыдно — сдаться. Как Лизкин отец.

Может, он сейчас поступает глупо, но его некрасивая рыжая Катя не будет плакать, зачитывая до дыр старые, пожелтевшие от времени бумажки, подписанные «Ваш папа». И к ней — Костя с отвращением вспомнил Лизино отчима — никогда не потянутся ничьи сальные лапы!

Брысякин связался с сервисной службой и заказал ближайший портал на Землю.

— Через два дня, на линии небольшая перегрузка? Глубокоуважаемому послу будет предоставлен первый свободный портал? — Служащая тараторила извиняющейся скороговоркой, совершенно неожиданно составляя вопросительные интонации.

— Отлично. — Есть время все обдумать, уладить еще кое-какие дела.

Можно было предупредить о приезде, связаться по галаккому, но Константин знал, что сейчас не сможет говорить, не сумеет найти правильные слова. А вот письмо, которое через несколько минут дойдет до Земли по дипломатической почте, — да, напишет! Тем более что у него есть образец. Брысякин взглянул на знакомый листок бумаги. Отрицательный образец. И он не несчастный поэт! Только информация.

Всё уложилось в пару строчек:

— «Здравствуйте, Лиза и Катя. Деньги на всякий случай высылаю сегодня. Приеду за вами через два дня...»

Он задумался: добавить что-то о том, что солнце отражается в лужах? Нет, никакой лирики! И просто подписался: «С любовью. Ваш папа».

БРЫЗГАЛОВА Мария Владимировна (1873 —), авт. воспоминаний, внучка декабриста И.А.Анненкова.

«Встречи с декабристами» — 6 кн. «Тайные общества в России в начале XIX столетия». М., 1926. С. 179–191. ИДРДВ, т.2, ч.1, № 1132.

БРЮЛЛОВА (Мейер) Алина Ивановна (1849 — 1932), авт. воспоминаний.

Мать Н.Г.Конради, воспитанника П.И.Чайковского. «П.И.Чайковский». — В кн. «Воспоминания о П.И.Чайковском». М., 1973. С. 123–139. ИДРДВ, т.3, ч.3, № 6530.

БРЮЛЛОВА Л.

В худож. сб. «На рассвете» Кн. 1. Казань, 1910 напеч. ее стихотв. «Рождество» («Мальчик, что сегодня ты видишь...»). Голубева.

БРЮЛЛОВА Софья Константиновна (урожд. Кавелина; 1851 — 1877), автор исторических стетей, переводчица, критик.

Дочь публициста К.Д.Кавелина, жена живописца П.А.Брюллова. Педагог, историк. Авт. ст.: «Общественные идеалы в екатерининскую эпоху». — «Вестн. Евр.», 1876. № 1; «Новая теория о происхождении Франции» — Там же, 1877, № 2 — Б-ва. С. Переводила римских классиков. Пер. с англ. «Тацит в изложении В.Б.Донна». СПб., 1876; «Юлий Цезарь. Комментарии в изложении Антонио Троллопа». СПб., 1876. Была дружна и переписывалась с Тургеневым. Написала большую статью о его ром. «Новь» (См. Лит. наслед. Т. 76). На преждевременную смерть Б. Тургенев откликнулся некрологом («Вестник Европы». 1877. № 2. С. 448–449). Письма к Б. И.С.Тургенева с прим. о ней Д.А.Корсакова и с перечнем ее работ. — «Рус. Мысль», 1897, № 6. О ней: «Сев. вестн.» 1877. №?; «Женское образование» 1878. № 2; «Вестн. Европы» 1877. № 11; «Воспитание и обучение» 1877. № 10.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

БРЮЛЛОВА-СОБОЛЕВА Любовь Павловна (1880 —?), авт. популярных книжек.

Врач. Авт. кн. «Способы очистки и исследования питьевой воды» Пг., 1916. С ее участием сост. сб. «Рентгенологический, радиологический и раковый институт» Л., 1928. РНБ.

БРЮЛЛОВА-ШАСКОЛЬСКАЯ Надежда Владимировна (1886 —), историк и этнограф.

Авт. историко-этнографических и политических брошюр, изданных в Петрограде в 1917 г.: «Как жить между

собой народам России?», «Народности России и их требования», «Национальный вопрос в России», «Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос». Авт. историч. работ: «В поисках неведомой реки [Путешествие в Африку Мунго Парка и Ренэ Кайе]. М., 1930; «Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн» М., 1931; «Отклики Пугачевщины. Крестьянское движение при Павле 1» М., 1932. Сотр. в «Новом Энцикл. словаре», ст.: «Виктория» (X), «Вортумн» (XI), «Геркулес» (XIII), «Дискур» (XVI), «Инферии» (XIX) — Б.Ш.; Н. Б.-Ш. Авт. ст.: «В Германии» — «Сев. записки». 1914. № 12 (мемуарный очерк); «В.Г.Короленко и русское еврейство» \ \ В.Г.Короленко. Жизнь и творчество. Сб. ст. СПб., 1922.

Масанов; Венгеров. Источ.; РНБ.

БРЮН де СЕН-ИППОЛИТ Варвара Алексеевна (урожд. Копьева; — 1875), писательница.

«Торжество Пасхи в Иерусалиме»; «О необходимости соединения всех сословий в общественных делах христианского благотворения» — «Странник». 1860. № 4.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Масанов.

БРЮСОВА Иоанна (Жанна) Матвеевна (урожд. Рунт; 1876 — 1965), переводчица, авт. воспоминаний и дневников.

Жена поэта В.Я.Брюсова, сначала была в его доме гувернанткой. Род. в Праге. Оконч. Московскую католич. гимн. св. Петра и Павла. Уч. в лит. делах мужа («много лет состою у Брюсова как бы письмоводителем»). Подг. к печ. его «Дневники. 1891–1910» (М., 1923) и «Неизданные стихи. 1914–1924» (М.-Л., 1928). Собрала и напеч. материалы к его биографии — в кн. «Избранные стихи» (М.-Л., 1933), редактировала его произведения, подготавливая к печати. Сотр. в «Сев. записках», антологиях и сб. Пер. письма Г.Флобера. — «Сев. Зап.», 1914, №8–9; «Ноябрь» Г.Флобера. — Там же, № 11–12; «Французские лирики XVIII века» Сб. переводов, сост. И.М.Брюсовой под ред. и с предисл. В.Брюсова. М., 1914: Переводы в «Рус. Архиве», «Весак», «Сев. Зап.», в сб. «Разноцветные камни» и др. — И.Б. Пер. произв. Стендаля, Г.Флобера, Э.Верхарна. Воспоминания о Брюсове и Дневники. — РГБ ОР (См. ВД. Указ. рук.). «Из воспоминаний» — В кн. «Дружба», Ереван, 1960, кн. 1. С. 420–434. «Странички воспоминаний». — В кн. «Брюсовские чтения 1862 года» Ереван, 1963. С. 303–307. О ней: «Лит. газ.» 1965. № 65. В комм. к кн. Н.Серпинской г.р. 1877.

Масанов; ИДРДВ. Т.4. Ук. им.; Венгеров. Автобиограф.; Розанов.

(Продолжение на стр. 47)

Первый

Меня охватила эйфория. Должно быть, эндорфины в крови устроили настоящую гулянку. Ну и пусть, мне сейчас это полезно.

Я поудобнее улегся в кресле. Спина чесалась ужасно: обычная беда скафандров.

Тело охватила легкая дрожь. С нервами, конечно, все было в порядке, иначе меня не допустили бы даже до стартовой площадки. Просто включилось зажигание, «Восток» пошел на старт.

— Юра, — донеслось из наушников. И тут же торопливо, словно испугавшись оговорки: — «Кедр», тебя не слышно, не слышно! «Кедр», прием, прием!

Под щитком гермошлема сморщился нос, будто собирался чихнуть. Вечно там в ЦУПе беспокоятся о каждой мелочи.

Когда начали снимать только что привинченный люк, я думал, что все. Решили меня с полета снять. Оказалось, от одного прижимного контакта сигнал не прошел.

Все равно было неприятно.

Теперь я мог позволить себе немного пренебрежения. Уже мог. Не будут же они глушить ракету-носитель, в самом деле. Для этого полета было столько сделано. Они не посмеют! Хотя...

— «Заря-1», я говорю, поехали. Поехали!

Должно быть, со стороны «Восток» сейчас напоминал курящийся вулкан, готовый в любую секунду извергнуть потоки лавы. Наконец, струя огня ударила в землю. Корабль оторвался от стартового устройства и устремился вверх. В небо. В космос.

Начали расти перегрузки. Почему-то заложило уши.

Я вел связь с ЦУПом. Говорить было трудно — увеличенная сила тяжести стянула мышцы лица. Говорил что-то про самочувствие и настроение. Говорил на автомате, мне было плохо.

Затем почувствовал, как отделилась первая ступень. Вибрация сразу уменьшилась, перешла в обычную дрожь.

А потом отделился головной обтекатель, и мне стало плевать на все.

Бог мой! Увидев такое, любой атеист в одну секунду превратится в верующего. На один миг, но превратится. У меня перехватило дыхание, и перегрузка была здесь уже ни при чем. Подо мной висела Земля.

Я первый! Все-таки первый.

Но что для этого пришлось сделать? Постоянно держать себя в стальных тисках самодисциплины. Как

это по-человечески, ненавидеть начальников и безропотно подчиняться царьку в собственной голове. Даже если он толкает тебя на поступок, который из-под палки ты не совершил бы никогда. А геройство это или подлость — без разницы.

Я не заметил, как наступила невесомость.

— Привет, — сказал голос. Казалось, одного источника звука не было. Голос шел отовсюду.

Я почувствовал, как в висках застучала кровь.

Прямых указаний, что делать в случае контакта с чем-то необычным, нам не давали. Видать, никто не верил в это по-настоящему.

— «Заря», внештатная ситуация! Внештатная ситуация! Как поняли, прием?! — скороговоркой выпалил я в микрофон. Кто бы знал, чего мне стоило сохранить спокойный тон. — «Заря», это «Кедр», у меня внештатка, внештатка! Как поняли?!

Я шумно выдохнул. Откуда-то из глубины поднялось понимание. По телу прошла ледяная волна.

— «Заря», мать вашу, спите вы там, что ли?! — ответа я уже не ждал.

— Да нет, у них все нормально. Просто на солнце — вспышка. Связи не будет минут пятнадцать. Магнитная буря и все такое, — сказал голос.

Гермошлем сужал обзор, чтобы посмотреть по сторонам, пришлось повернуться всем телом.

Это висело немного в стороне от иллюминатора.

Дрожащее марево, словно мираж в пустыне. Его и заметить трудно, если не всматриваться специально.

Мне стало до боли обидно. Рука, помимо моей воли, потянулась к ящику АПО.

Один раз во время тренировки ко мне подошел неприметный человек. Как-то странно улыбнулся. Как улыбаются люди, которые чувствуют себя виноватыми. Немного.

Человек сказал, что для меня у него есть особые инструкции. Он показал, как пользоваться системой аварийного подрыва объекта, и объяснил, в каких случаях надо ее применять. Если возникнет нештатная ситуация и я не смогу приземлиться на территории Родины.

Я тогда еще удивился, почему меня инструктировали без дублеров.

Наверное, нам говорили это по отдельности. В доверительной, так сказать, обстановке.

Мысли промелькнули в один миг. Наконец, неуклюжие в перчатке пальцы справились с пломбами. Рука ухватилась за рычаг.

— Ничёго не выйдет, — сказала марево. В голосе как будто проскользнули обидчивые нотки, словно говорил семилетний ребенок.

Ручка пошла вниз, контакт замкнулся.

— Родина видит, Родина знает, где в облаках ее сын пролетает, — пропело марево.

Я дернул рубильник еще раз и еще. Ничего не происходило.

— И не произойдет.

Меня начало немного лихорадить. Я только что чуть не подорвал сам себя! Должно быть, я находился под действием какого-то психокода! Программа выработала свое, когда я дернул рычаг, и снова ушла в глубины сознания.

Но это все ерунда. Главное — другое. Главное — в космосе есть жизнь! Космос никогда не будет нам принадлежать. Все напрасно! Все наши мечты — просто пшик.

Но почему они не давали о себе знать? Почему позволяли запускать спутники, запускать космолаев?

Марево как будто дернулось, замерцало сильнее.

— Ну зачем столько трагизма. Я — один... Теперь один. Раньше были еще и Меньшие, но они не смогли себя осознать и разбежались по вселенной.

Не может быть! Неужели это сам...

— Брось, какой я тебе Бог? Я зародился на Земле. Да ты меня и сам знаешь.

Я растерялся. Адреналиновая накачка схлынула, и я стал мыслить более трезво.

Марево агрессивности не проявляло, но мне все равно было не по себе. Разговаривать с ним я не собирался.

— Как знаешь. Не хочешь говорить — ну и ладно. Только... через полчаса ты умрешь, — сказала марево.

— Сука! — вырвалось у меня.

Марево задрожало.

— Зачем так грубо? — раздался голос у меня в голове. — Зови меня лучше Атманом.

Наверное, во взгляде у меня что-то промелькнуло, потому что марево быстро добавило:

— Ну да, откуда старшему лейтенанту знать о древнеиндийской философии? Я — духовная сущность, присущая каждому живому существу. Попросту говоря — я душа. Последним моим воплощением была собака по кличке Лайка.

— Да мне плевать, кто ты такой... такое! Почему ты хочешь меня убить?! — проклятье, все-таки сорвался.

— Да никто тебя не собирается убивать, успокойся. Просто я знаю, что ты умрешь. Вот и все. При посадке не сработают пирозамки, соединяющие спускаемый аппарат и приборный отсек.

Я сглотнул.

— Не верю!

— Знаешь, почему не подействовала система АПО? Там взрывчатки не было. Главное — вывести первого человека в космос, удачная посадка не так важна. В ЦУПе настояли, чтобы взрывчатки на борту не было. Была вероятность, что при старте она сдетонирует.

Под скафандром я передернул плечами.

Это стало походить на дешевый фарс. Какая-то космическая каракатица вещает, что она — душа собаки, что скоро я умру. Чуть!

Скорее всего, эта тварь хочет попасть на Землю. Иного объяснения у меня просто не было.

— Я легко могу попасть на Землю. Но там мне делать нечего. Для меня не осталось никаких тайн, — сказала марево. — Тебя смущает моя форма? Ладно, я изменюсь.

По мареву пробежало несколько разрядов. Оно сгустилось, потемнело.

Я отказался верить своим глазам. Этого просто не могло быть!

Передо мной висела лохматая дворняга. Очень хорошо знакомая дворняга, я десятки раз видел ее фотоснимки.

— Вот так ты будешь больше мне доверять, — сказала собака. При этом пасть у нее раскрылась, но голос по-прежнему звучал у меня в голове.

Доверия у меня не прибавилось ни на грамм. Особенно после того, что эта тварь проделала.

Мысли мои она, конечно, прочитала. Не зря псина демонстрировала это в открытую. Но виду не подавала, продолжила, как ни в чем не бывало, вилять хвостом. Доверительную обстановку создавала, мать ее.

— Чего ты от меня хочешь-то? — спросил я. Беззаботным таким тоном спросил. Будет тебе доверительная обстановка.

— Я подружиться хочу.

— Чего?!

— Я говорю, что хочу подружиться, — хвост у псины ходил туда-сюда, словно стрелка метронома.

Я перестал дышать. Это был мой шанс.

— Допустим. Допустим! Я тебе поверил. Ты можешь мне помочь с пирозамками?

— Зачем?

Я опешил.

— Как зачем? Тогда я стану твоим другом.

— Тогда ты вернешься на Землю, — сказала псина, продолжая усиленно вилять хвостом.

— Ты не понимаешь. Тогда я умру!

— Все я понимаю. Ты умрешь и останешься со мной. Ты не сможешь переродиться. Как и я. И станешь свободным Атманом.

— Не понимаю.

— Не понимает он! А вы понимали, когда отправили мое воплощение подышать в крошечной капсуле? Мне было холодно! Ты представить себе не можешь, как мне было холодно! Но даже это я могу простить. Могу! Дело в другом. Я не смог совершить перерождение, понимаешь? Чтобы возродиться, надо умереть рядом с Землей, в ее поле. Я обречен на одиночество, понимаешь? Ты станешь моим другом?

Псина смотрела на меня преданными глазами. Я отвернулся.

— А если я привезу тебя на Землю, ты сможешь переродиться?

— Нет.

— Ты говорил про Меньших, кто они? Они еще вернутся?

— Кто они? А как ты думаешь? — сказала псина.

— Откуда я знаю!

— А ты подумай, — при этих словах она повернулась лохматым боком. Лохматым? Ну, конечно же! Значит, Меньшие отпадают. Я решил на последнее, больше предложить мне было нечего.

— У тебя есть щенки? — спросил я.

— Их судьба меня не волнует, — сказала псина. Пожалуй, слишком поспешно.

— Понимаешь, этот полет должен... обязан пройти успешно! Он так много для нас значит. Первый в кос...

— Первым был я!

— Будут еще запуски, — мой голос сделался совсем тихим. — Ну почему, почему именно я?

— Вообще-то, мне не совсем друг нужен, — глаза у псины светились щенячьей преданностью.

О господи! Кажется, я наконец понял, что этот Атман от меня хочет.

— Да, ты прав. Я обрел разум, самосознание, всезнание, но во мне многое осталось от последнего воплощения, — псина опустила морду.

Извинения она просила, что ли?

Связь появилась вскоре. Я сообщил, что у меня все в порядке.

Перед тем как уйти, псина обещала подчистить запись нашего разговора. Вернее, моей беседы с самим собой — магнитофон фиксировал все слова, сказанные в капсуле. Как она это сделает, я не спрашивал. Скорее всего, сгенерирует какое-нибудь электромагнитное поле.

Сказать, что спуск прошел нормально, значит, соврать. Пирозамки действительно не сработали. Не сработали в расчетное время. Мне пришлось поволноваться минут десять.

Я приземлился на колхозное поле. Там стояла какая-то тетка с девочкой. Я улыбнулся, мне было плохо, но я все равно улыбнулся. Нет, чувствовал я себя хорошо. Было мерзко на душе.

Потом пришли мужики — механизаторы. Налили самогон, я не стал отказываться.

Затем прилетел вертолет. Я видел, как первым из него выскочил фотограф с камерой, словно автоматом наперевес. Навел на меня дуло объектива и стал щелкать.

Мне стало горько и одиноко. Все первые обречены на одиночество.

Потому что они первые.

А потом... потом были фуршеты, банкеты,граничные поездки, новые знакомства, новые награды. Не было космоса, космос для меня закрыли.

— Леонид Ильич, так как насчет моей просьбы? — я замер. Телефонная трубка врезалась в ухо.

— Даже думать забудь! Ты — символ. Мы не можем тобой рисковать.

— Я в небо хочу. Разрешите сделать полет на истребителе? — ненавижу, когда у меня появляются такие просящие нотки.

— Это, думаю, можно устроить.

Дальше мы говорили о чем-то еще. Мне было уже безразлично. Мне разрешили летать на самолете.

Значит, я поднимусь над пределом. Значит, я наконец-то выполняю свое обещание.

Псина, хотящая хозяйина. Псина, хотящая доброго хозяйина и не хотящая злого, жди меня. Я иду.

Две с половиной секунды

Рудольф Терентьевич всегда возвращался домой на метро. Он жил буквально в двух шагах от Серпуховской и не испытывал трудностей с транспортом. Конечно, он мог бы купить машину — зарплата нейрохирурга ведущей московской клиники вполне это позволяла. Но по окончании рабочего дня Рудольф Терентьевич не рискнул бы сесть за руль: так повелось, что врачи в клинике на Пражской работали на износ. Правда, и получали соответственно.

Приближаясь к дому, он вспомнил, что обещал провести этот вечер с семьёй. Растерянно полез в карман куртки за органайзером, посмотрел записки. Так и есть. Органайзер пищал в 16.00, во время операции. Не судьба. Погода была хмурая, под стать настроению. Моросил мелкий въедливый дождик, пелена свинцовых туч плотно затянула небо.

Рудольф Терентьевич тяжело вздохнул и ускорил шаг. Уже подходя к подъезду, подумал, что надо было бы купить подарок дочери. Если не получается уделить внимания, то хотя бы подарками время от времени надо откупаться.

Дверь открыла жена. «Чувствует она, что ли, моё приближение?» — подумал Рудольф Терентьевич. На самом деле, когда он набирал код на домофоне, в квартире звонил колокольчик, но Рудольф Терентьевич об этом не знал — не так уж часто ему доводилось бывать дома. Жена постаралась спрятать немой укор, промелькнувший во взгляде. Она понимала, что у него пациенты, что жизни людей зависят от её мужа, но всё равно было обидно. Выходя замуж, она не думала, что у молодого талантливого Рудика, как его все называли в институте, на первом месте всегда будет работа.

Рудольф Терентьевич разулся, снял плащ и прошёл в комнату. Дочь сидела за компьютером. Виртуальный шлем плотно облегал голову, руки девушки в эластичных перчатках слегка подрагивали. Она находилась сейчас где-то далеко, блуждая в дебрях сети, перемешанных с производными собственного подсознания.

— Привет, Вера, — сказал Рудольф Терентьевич. — Как дела, как учёба?

Дочь буркнула в ответ что-то неразборчивое.

— Сними шлем, когда отец с тобой разговаривает, — крикнула из коридора мать девочки и тут же ушла на кухню разогревать борщ. Дочь не отреагировала. Рудольф Терентьевич медленно подошёл к ра-

бочему столу дочери, положил ей руку на плечо и машинально отметил расслабленность мышц девушки. Взгляд его заметался по столу и наткнулся на зелёную капсулу, лежавшую около стопки тетрадей. Ньюлайф. Новый наркотик. Путь к слиянию человека с компьютером. За последнюю неделю в клинику на пражской попали уже три пациента с делирием, вызванным, по всей видимости, ньюлайфовым абстинентным синдромом. Дрожащими руками Рудольф Терентьевич выдвинул ящик стола, зачерпнул горстку маленьких зелёных капсул. Он выключил компьютер и снял с дочери шлем, положил её на старый диван. Зрачки Веры оказались расширены, дыхание было прерывистым. Рудольфу Терентьевичу подумалось, что это расплата, за время, проведенное вне дома, а рука сама стала набирать телефон заведующего клиникой.

Игорь Константинович Паухтин был врачом старой формации. Непрístupный, как гранитная скала, он привык смотреть на людей сверху вниз. Всё человечество делилось для него на пациентов нынешних и пациентов потенциальных. Причём, с точки зрения Игоря Константиновича, вторая группа людей делала всё возможное, чтобы перейти в первую категорию. Став заведующим элитной клиникой, он ничуть не изменился, к врачам он был требователен, но справедлив. В критический момент всегда оказывал необходимую помощь, хотя после многие сотрудники клиники жалели, что эту помощь приняли. Ходить в вечных должниках у Игоря Константиновича не любил никто.

Трубку заведующий снял почти сразу. Рудольф Терентьевич долго и сбивчиво объяснял ситуацию, однако Игорь Константинович всё понял.

— Хорошо, Рудольф, — Игорь Константинович был единственным из сослуживцев, кто называл нейрохирурга просто Рудольфом, — в течение часа будет машина. Твоей дочке помогут.

— Мне нужно не в течение часа, а прямо сейчас, — сказал Рудольф Терентьевич и сам поразился собственной наглости.

— Рудольф, дел невпроворот. Сказал «в течение часа», значит, будет в течение часа. Ты же врач, сам понимаешь, мы не скорая. Хотя... Ты с четвертым «кузнечиком» работал когда-нибудь?

«Кузнечиком» назывался дистанционно управляемый аппарат для нейрохирургии. Как раз на четвертой

модели этого аппарата Рудольф Терентьевич защищал диссертацию.

– Работал. И очень даже работал.

– Хорошо, машина уже выезжает. Через десять минут будет у тебя. Приезжай вместе с дочкой, для тебя есть работа.

В трубке раздалась короткая гудка. Рудольф Терентьевич прошёл на кухню и залпом выпил стакан апельсинового сока. Хотелось чего-нибудь покрепче, но ему ещё предстояло работать с кузнечиком. Когда от действий врача зависят человеческие жизни, даже безалкогольное пиво, в котором полпроцента алкоголя всё-таки есть, может сыграть дурную шутку. За годы врачебной практики Рудольф Терентьевич научился воздерживаться от необдуманных поступков. Алкоголь он себе позволял только во время отпуска и только в мизерных дозах.

Машина действительно пришла через десять минут. В квартиру вошёл санитар и молодой водитель – Рудольф Терентьевич иногда видел его в дежурке, в компании медсестёр и обслуживающего персонала клиники. От водителя пахло табаком и дешёвым одеколоном. Рудольф Терентьевич удивился, почему-то он думал, что водитель должен сидеть в машине. У санитара в руках были носилки, он разложил их на полу, и на них осторожно уложили Веру. Она была бледна и что-то бессвязно бормотала. Жена Рудольфа Терентьевича всё это время молчала, только руки её слегка дрожали, на лице не было ни слезинки. «Стерва», – подумал Рудольф Терентьевич. Он вышел из квартиры первым, следом санитар с водителем несли Веру.

Машина клиники ожидала их возле подъезда, с работающим двигателем. Водитель открыл заднюю дверцу, выдвинул каталку, на неё положили носилки. Санитар шустро запрыгнул внутрь машины, втягивая каталку за собой. Потом быстро, прежде чем Рудольф Терентьевич успел вскочить внутрь, захлопнул дверь.

– Садитесь вперёд, – сказал водитель.

Рудольф Терентьевич уселся рядом с ним, и машина тронулась. Из-под колёс во все стороны летела грязь. Дорога была разбитой, но шведские амортизаторы легко справлялись с вибрацией, и машина шла ровно. Рудольф Терентьевич молчал, вспоминая годы, отданные работе. Уделяй он хоть немного больше времени семье – и многое могло быть иначе...

По клинике дежурил Петр Иванович. Он приветливо улыбнулся Рудольфу Терентьевичу и тут же отдал распоряжение о госпитализации Веры. Потом сказал:

– Тебя Игорь Константинович срочно хотел видеть.

– Подождёт, – сказал Рудольф Терентьевич.

Лицо Петра Ивановича вытянулось в немом изумлении.

– Я тебя как нарколога хочу спросить, – Рудольф Терентьевич уселся на кушетку. – Что такое этот ньюлайф?

– Синтетический наркотик. Скорее всего, относится к группе амфетаминов

– Скорее всего? – спросил Рудольф Терентьевич.

– У него странная формула, более детальные исследования ещё не готовы – наркотик новый.

– А симптомы?

– Характерные для амфетаминов – повышение давления, сухость во рту, расширение зрачков, учащенный пульс, углубленное дыхание. Заметно увеличивается скорость реакции. Молодёжь использует его при игре в онлайн-стрелялки. Находящийся под ньюлайфом игрок имеет серьёзное преимущество перед соперниками.

– Просто амфетамин? – удивился Рудольф Терентьевич.

Ему было как-то странно, что дочь пострадала от вещества, которое хотя и считалось наркотическим, но было почти лекарством.

– Не просто. Под ньюлайфом наркоман более плотно взаимодействует с компьютером. Внимание и скорость реакции повышаются в несколько раз по сравнению с применением стандартных амфетаминов. Но у ньюлайфа более жесткий абстинентный синдром. В особо тяжелых случаях возможен сопор и даже кома.

– Антагонисты имеются?

Петр Иванович вздохнул.

– Антагонисты надо принимать во время активного действия наркотика, а не после. Шел бы ты лучше к Паухтину, он тебя заждется. Всё в порядке будет с твоей Верой. Выходим.

Рудольф Терентьевич по лестнице поднялся на третий этаж. Недавно в клинике сделали евроремонт, пытаясь пустить пыль в глаза состоятельным клиентам. А про служебную лестницу забыли или не посчитали нужным с ней возиться. Здесь преобладала выцветшая зеленая краска, выбеленный мелом потолок и над всем этим висел въедливый запах хлорки. Именно на служебной лестнице Рудольф Терентьевич более всего ощущал себя врачом, тихо ностальгируя по студенческим временам.

Дверь в кабинет Паухтина была открыта. Игорь Константинович сидел за массивным дубовым столом и курил. Стоящая на столе пепельница была доверху заполнена окурками. Обычно заведующий курил мало, это было на него не похоже. При виде Рудольфа Терентьевича он потушил сигарету и сказал:

– Где ты бродишь? Машина семь минут назад пришла.

– К Петру Ивановичу заходил.

– Значит, так: срочно в операционную, «кузнечик» уже на канале.

– Что случилось? Где пациент? – спросил Рудольф Терентьевич.

Обычно «кузнечиков» закупали клиники, не имеющие собственного нейрохирурга. В критической ситуации управление «кузнечиком» через скоростной канал сети Абилин брал один из столичных нейрохирургов. При этом пациент мог находиться хоть в Африке, хоть в Америке, хоть на Гималаях. Разницы не существовало; современные средства связи вполне позволяли проводить такую операцию.

В своё время на четвёртом «кузнечике» Рудольф Терентьевич оперировал двух американцев, поляка и индуса.

— Операция необычная, — сказал Игорь Константинович. — На международной лунной базе около часа назад произошел несчастный случай. Что у них там случилось, конечно, засекречено, но в результате американский астронавт Джон Нейхардт получил серьёзный ушиб мозга.

— Я не смогу этого сделать, — ошеломленно сказал Рудольф Терентьевич.

— Сможешь, — весомо ответил Игорь Константинович. — И войдёшь в историю как первый нейрохирург, который провёл такую операцию.

— Я не хочу в историю. Я хочу, чтобы с моей дочерью было всё в порядке. А прооперировать американца я не смогу — канал не позволит.

— Всё с твоей дочерью будет в порядке. А канал с Луной у нас есть. Самый лучший канал, ты и не заметишь разницы.

— Две с половиной секунды! — не сдавался Рудольф Терентьевич. — Две с половиной секунды задержка сигнала, пока свет идёт до Луны и обратно.

— Не волнуйся, ты даже не заметишь разницы. На Луне хороший томограф, образ головного мозга американца уже закачан к нам в центральный компьютер, ты будешь каждый миг видеть виртуальный образ мозга без всякой задержки. А каждые десять секунд будет выполняться синхронизация, на основании поступающей с Луны информации.

— Почему не каждые две с половиной секунды?

— Во время операции пациент не находится в томографе, синхронизация будет производиться на основании визуальных данных. На это нужно время. Ты на четвёртом «кузнечике» много работал?

— Много, — сказал Рудольф Терентьевич.

— Готовься к операции, — приказал Игорь Константинович. — «Двойка» в твоём распоряжении.

— А...

— У пациента гематома. Оперировать надо срочно. Соберись, Рудольф. Вспомни о профессиональной этике.

Рудольф Терентьевич тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Оперировать было надо, и все это понимали. Нервы нервами, а долг врача — спасти пациента.

Ключ от второй операционной хранился в столе у Игоря Константиновича. В «двойке» проводили исключительно дистанционные операции, каждая из которых предусматривала присутствие заведующего на рабочем месте.

Дистанционная нейрохирургия до сих пор оставалась одной из самых сложных областей медицины. Кроме проводящего операцию хирурга во время таких операций в поте лица трудилась группа техников, поддерживающая двусторонний канал. А ответственным за любой технический сбой оказывался лично Игорь Константинович. Поэтому ключ от «двойки» передавался обычно с крайней неохотой и множеством наставлений. В этот раз Паухтин просто небрежным

движением бросил его на стол. В поведении заведующего угадывалась усталость.

Рудольф Терентьевич молча взял ключ и вышел. Он думал о дочери, о своей сломанной судьбе, а совсем не о лунном пациенте. Врачи тоже люди.

В «двойке» царил стерильность. Рудольф Терентьевич задумался, каким образом сюда проникают уборщицы. Имеется ли у них свой ключ или они каждый раз выклянчивают его у Паухтина? В герметичность современных операционных Рудольф Терентьевич не верил.

Посреди операционной стоял большой жидкокристаллический экран, снизу к нему крепился медицинский компьютер. Рядом стоял зеркальный шкаф-купе, в котором хранились халаты. Рудольф Терентьевич машинальным движением открыл дверцу, вынул оттуда виртуальный халат, разложил его на столе. Обычно обстановка операционной помогала целиком переключиться на операцию. Это был выработанный годами рефлекс: вне операционной он простой человек со всеми человеческими слабостями, но внутри — исключительно врач. Сейчас переключатель не сработал. Мысли Рудольфа Терентьевича раз за разом возвращались к Вере. Как там она? Он искренне любил свою дочь, хотя между ними практически всё время сохранялась дистанция. Для него первое место всегда занимала работа; дочь же, лишённая отцовского внимания, с головой ушла в виртуальность. Рудольф Терентьевич был слишком робок, чтобы преодолеть возведенный неумелым воспитанием барьер; Вера же и не пыталась этого сделать. Рудольф Терентьевич снял костюм, брюки, облачился в виртуальный халат. Вставил штекер от халата в компьютер, включил питание, дождался загрузки операционной системы. Нужно было сосредоточиться на операции. Рудольф Терентьевич сцепил пальцы и начал медленно считать до ста. Так он поступал всегда, когда проведению операции мешали какие-то личные проблемы. К сожалению, на этот раз, испытанный метод не подействовал. На счёт сто руки всё ещё слегка дрожали. Рудольф Терентьевич опустил на глаза шлем и сказал:

— Объявляю готовность.

— Готовность подтверждаю, — тут же ответил кто-то из техников.

— Удержите канал? — спросил Рудольф Терентьевич устало.

— Удержим, — ответил тот же голос.

Рудольф Терентьевич подумал, что этим ребятам сегодня придётся хорошо поработать. Он не слишком разбирался в вопросах связи, но подозревал, что удерживать постоянный высокоскоростной канал с Луной не такое уж и простое дело. Атмосферные флуктуации не должны были ослабить лазерный луч, модуляции внутри которого позволяли передавать гигантские потоки информации. Но на практике случалось всякое.

Рудольф Терентьевич повернул переключатель и ощутил своё второе тело. Неподготовленному человеку было бы довольно непривычно вдруг ощутить у себя вместо двух рук шесть, каждая из которых закан-

чивалась конкретным медицинским инструментом. Скальпель, ранорасширитель, электрокоагулятор, отсос, черепной бур, корнцанг. Стандартный комплект «кузнечика». При необходимости можно во время операции сменить любой из инструментов на резервный, но, как правило, этим никто не пользовался — шести инструментов хватало вполне.

— Включай картинку, — сказал Рудольф Терентьевич.

— Даю картинку, — подтвердил голос техника.

Прямо на операционном столе возникла голограмма мозга. Рудольф Терентьевич внимательно пригляделся к картинке. Гематома была только одна, но сложная. Она располагалась не в оболочках, а глубже, под корой.

Картинка была смоделирована при помощи томографа, поэтому структура гематомы просматривалась отчётливо. Рудольф Терентьевич знал, чем опасны такие образования.

Полость черепа — замкнутое пространство с одной «дыркой» — там, где головной мозг переходит в спинной. Когда кровь из поврежденных сосудов начинает выливаться в полость черепа, объема начинает не хватать, растёт внутричерепное давление, сопровождающееся дикой головной болью, тошнотой, рвотой. Мозг начинает «выжиматься» в единственно доступное пространство — полость спинного мозга. При этом ущемляются отделы мозга, ответственные за дыхание и сердцебиение. Поэтому срочная операция была единственным показанием в подобных случаях.

Рудольф Терентьевич вздохнул и сказал:

— Давайте визуальную картинку.

— Есть визуальная картинка, — ответил техник.

Изображение мозга померкло, теперь на операционном столе лежал человек лет тридцати с небольшой вмятиной чуть выше височной кости. Волосы вокруг вмятины были аккуратно выстрижены, но рана не обработана. Рудольф Терентьевич тепло подумал о враче, оказавшем пациенту первую помощь. Потом зацепил корнцангом марлевый тампон, промокнул выступившую кровь. И поднёс бур к черепу. Кости черепа подались, несколько костных осколков были вдавлены внутрь. Рудольф Терентьевич аккуратно поддел их, извлёк из раны, сделал паузу, ожидая, пока обновится голограмма пациента.

В душе была непонятная пустота. Рудольф Терентьевич отстраненно оценивал ситуацию, глядя на себя словно со стороны. Картинка перед глазами нейрохирурга сменилась. Рудольф Терентьевич аккуратно ввёл в полость отсос и начал откачивать скопившуюся кровь. В какой-то момент рука нейрохирурга слегка дрогнула. Он сразу вывел отсос из мозговой ткани пациента и стал ожидать обновления голограммы. Худшие опасения Рудольфа Терентьевича подтвердились. Гематома визуально увеличилась в размерах.

— Голосовой канал с Луной есть? — спросил Рудольф Терентьевич хриплым голосом.

— Сейчас будет, — ответил техник.

— Пусть делают повторную томографию. Только быстро. Форма гематомы изменилась.

— Один момент.

— И готовь аппаратуру, будем в онлайн работать.

Не дожидаясь ответа техника, Рудольф Терентьевич откинул шлем и тяжело вздохнул. Этим вечером всё шло наперекосяк. Он подошёл к зеркалу, благо длины шнура, соединяющего халат с компьютером, хватало. На него смотрело одутловатое лицо уставшего человека с большими мешками под глазами. Рудольф Терентьевич подумал, что пора завязывать с этой работой. Уходить на пенсию, в отпуск, в государственную медицину. Проработав в этой клинике двадцать лет, он по-прежнему делал по две-три операции в день, словно вчерашний выпускник медицинского ВУЗа. Некоторые прооперированные Рудольфом Терентьевичем пациенты в благодарность приносили ему после шоколадки и коробки конфет. Были, конечно, и недовольные операцией, люди, относящиеся к категории вечных жалобщиков, но таких было мало. Абсолютное большинство пациентов оказывались воплощением равнодушия. Они относились к удачно проведенной операции как к должному, даже не задумываясь, сколько сил и нервов отнимает это у хирурга. «Нейрохирург — это нервный хирург», — шутили коллеги Рудольфа Терентьевича. В каждой шутке есть крупинка здравого смысла. Пусть зачастую и незаметная невооружённым глазом.

Рудольф Терентьевич очень устал. Он помассировал виски и вернулся к операционному столу.

— Ну что там? — спросил он у техника.

— Сейчас будет.

Рудольф Терентьевич опустил шлем и снова ощутил себя «кузнечиком». Тяжелые мысли улетучились, сейчас он находился на своём месте занятым нужным делом. В такие минуты он почти мог понять Веру, прячущуюся от личных проблем в виртуальность.

На столе возникла подробная голограмма мозга. Гематома увеличилась раза в полтора и пошла в глубину мозга. Рудольф Терентьевич спросил:

— Онлайн канал готов?

— Готов, — ответил техник.

Рудольф Терентьевич продолжил операцию. Гематома неуклонно росла, это было видно даже визуально, без томографии. Нейрохирург всю орудовал электрокоагулятором, пытаясь прижечь кровоточащие сосуды, но не успевал. У него никак не получалось захватить упрямую артерию — та ускользала от Рудольфа Терентьевича. Не хватало буквально одной-двух секунд; находись пациент на Земле, операция уже была бы закончена. После очередной бесплодной попытки Рудольф Терентьевич откинул шлем, подошёл к шкафу, вынул из кармана висящего внутри костюма носовой платок, вытер лоб. Всё-таки две с половиной секунды — это слишком много даже для опытного врача. Они могут стоить пациенту жизни.

Когда Рудольф Терентьевич убирал платок в карман, рука ощутила внутри что-то чужеродное. Изумленный нейрохирург достал из своего кармана несколько маленьких зелёных капсул. Ньюлайф. По всей видимости, Рудольф Терентьевич автоматически сунул их в карман в комнате дочери. В памяти тут же всплыли слова Петра Ивановича: «Под ньюлайфом наркоман более плотно взаимодействует с компьютером. Внимание и скорость реакции повышаются в несколько раз по сравнению с применением стандартных амфетаминов». Рудольф Терентьевич вдруг понял, что знает, где взять недостающие секунды. А потом уйти на пенсию. Рудольф Терентьевич понимал, единожды приняв наркотик, он уже никогда не сможет продолжать оперировать пациентов. Вопрос профессиональной этики. Но на другой чаше весов была судьба американского астронавта.

Рудольф Терентьевич для надёжности проглотил три капсулы и вернул на голову шлем. В голове зашумело практически сразу, а потом пришло неожиданно чистое осознание окружающего мира. Неуловимая артерия была поймана практически сразу. С методичностью автомата Рудольф Терентьевич прижег все капилляры, удалил гематому и наложил на голову пациента швы. Угроза жизни миновала, и врач позволил себе расслабиться. Чьи-то далёкие голоса тщетно пытались к нему пробиться. В одном из них Рудольф Терентьевич опознал голос Паухтина, спрашивающий о состоянии пациента.

— Операция завершена, жизнь пациента вне опасности. Можете гасить канал, — как ему показалось, очень громко сказал Рудольф Терентьевич.

На самом деле эти слова больше напоминали тихое бормотание, однако нейрохирурга поняли. Техник погасил канал, Паухтин откупорил шампанское, медицинский персонал, не находящийся на дежурстве, собрался в кабинете заведующего. Все ожидали виновника торжества, однако его не было. Когда делегация клиники явилась в «двойку», Рудольф Терентьевич лежал на полу в луже и пускал слюни. Разбросанные по полу капсулы ньюлайфа не оставляли сомнений в диагнозе — один из ведущих нейрохирургов клиники оказался наркоманом.

Рудольфа Терентьевича положили в соседнюю с дочерью палату, но в сознание он так и не пришёл.

После разрыва канала врач лунной базы, приводящий в порядок операционную, обнаружил интересную картину. Нейрохирургический модуль российского производства «кузнечик 4», без прямого контакта с хирургом представляющий собой всего лишь грудку микроэлектроники, подъехал к умывальнику и попытался отмыть свои непропорционально длинные щупальца. Но врач об этом никому не сказал, а просто выдернул из «кузнечика» шнур питания.

Но даже и рассказы он кому, ему бы ни за что не поверили: человеческая душа не может оказаться заключённой в машину.

БРЮСОВА Надежда Яковлевна (1881 — 1951), авт. воспоминаний, поэтесса.

Сестра В.Я. Брюсова; дир. муз. школы Н.Я. Брюсовой. Авт. сб. стихотв. «Единая радость» (М., 1908) — Н.Б. Под ее рук. муз. артелью составлен сб. народных песен и отрывков «Венок песен» (М., 1921). Авт. кн. «Русская народная песня в русской классике и советской музыке» (М., 1948). Оставила «Воспоминания о Валерии Брюсове». — В кн. «Брюсовские чтения 1963 года». Ереван, 1964. С. 487–492. Сотр. в «Весех» (1904) — Сунаида; «Воспом. о В.Я. Брюсове» — РГБ ОР.

Масанов; Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8556; ВД. Указ. рукоп. (указ имен); Розанов (у него год смерти — 1952).

БРЮХОВА Агафья Петровна (1894 —?), авт. воспоминаний.

Работала в сельском хозяйстве, была зам. председателя Шестаковского сельсовета Чистоозерского района. Авт. воспоминаний «Незабываемые встречи» — в сб. «Женщины Урала в революции и труде». Св., 1963. С. 364–371 (портр).

БРЯНЦЕВА М., дет. писательница.

Авт. «Зорьки. Рассказы для маленьких детей». М., 1902, вышло 4 изд.; «Мишины рассказы. Сб. рассказов для младшего возраста» М., 1902; «Плутовка. Расск. для детей мл. возр.» М., 1902, вышло 5 изд..

Венгеров. Источ.; РНБ.

БРЯНЧАНИНОВА М.К.

Пер. кн. герцога Арайльскою «Ответственность Англии в восточном вопросе» Предисл. Ф.Ф. Мартенса. СПб., 1908. — Рец. в «Ист. Вестн.», 1909. № 5. С. 708.

БУБНОВА Елизавета Дмитриевна.

(См. Лутская-Бубнова Е.Д.).

БУГАЕВА Клавдия Николаевна (урожд. Алексева, в первом браке Васильева; 1886 — 1970), авт. воспоминаний.

Антропософка; вторая жена Андрея Белого. Напис. воспоминания о Белом, а также о Р.Штейнере. О ней в воспом. М.Н. Жемчужниковой. — «Минувшее». Вып. 6. М., 1992. С. 17, 21. О ее архиве — «Записки отд. рукописей ГБЛ», вып. 38, с. 183.

БУГАЕВА Ольга Ефимовна, авт. научных трудов, учебных пособий и воспоминаний.

Выпускница петерб. Высших женских политехнических курсов. Инженер-строитель. Доцент каф. мостов и тоннелей Ленингр. ин-та инженеров ж.д. транспорта. Ее воспоминания «Мосты и тоннели» напеч. в кн. «Первые женщины-инженеры». Л., 1967. С. 105–112.

БУГОСЛАВСКАЯ Александра Ивановна, авт. воспоминаний.

Сестра Г.И. Успенского. Воспоминания о Г.И. Успенском. — Труды Черниг. губ. ученой архив. комиссии, 1905. Вып. 6. С. 153–157.

ИДРДВ. Т.3. Ч. 4. № 7755.

БУГОСЛАВСКАЯ Евгения Яковлевна (1899 — 1960), авт. научно-популярных книжек и учебных пособий.

Астроном. Сотр. в «Астрономическом журнале» 1930-х гг. Авт. кн.: «Методы фотографического определения координат небесных светил» (1929); «Фотографическая астрономия (учебное пособие)». М., 1947; «Структура солнечной короны». М., 1949; «Солнечная корона, прямые корональные потоки и возмущения в ионосфере». М., 1947 (в соавт. с Н.Я. Бугославской); «Общая астрономия. Методич. указания для студентов-заочников». Л., 1959.

РНБ.

(Продолжение на стр. 49)

Индиго

Почему-то их попросили подождать в приемной. И они ждали: Юля сидела, ссутулившись, на низкой скамеечке, Артем задумчиво разглядывал разноцветные узенькие шкафчики. Двенадцать шкафчиков — двенадцать детей в группе.

Машкин был самый последний, возле двери в коридор.

Словно в ответ на мысли Артема, дверь распахнулась, пропуская женщину в строгом синем костюме.

— Здравствуйте, — холодно улыбнулась она. — Я Ольга Петровна, заведующая. А вы — родители Маши Синицыной?

Артем и Юля одновременно кивнули, и сразу же из группы выглянула воспитательница Алевтина Сергеевна.

— Начинаем? — спросила она и, не дожидаясь ответа, вошла в приемную и плотно закрыла за собой дверь.

Как-то тихо в группе, подумал Артем. Как будто там совсем никого нет.

— Сегодня нам придется побеседовать здесь, — сказала заведующая. — Вы ведь должны увидеть все сами... Итак, месяц назад мы приняли в детский сад вашу дочь. Приняли с испытательным сроком, потому что не были уверены, что она справится с программой. К сожалению, наши опасения подтвердились. Диагностика показывает, что у Маши крайне низкий уровень усвоения программы...

Артем возмущился. Ребенок в три с половиной года знает буквы — разве это низкий уровень?!

— Пойдите, — сказал он, едва сдерживая раздражение. — Маша — обычный, нормальный ребенок. По-моему, она очень хорошо развивается.

Заведующая вздохнула: как же с вами, родителями, тяжело! Она сказала с деланным терпением:

— Если вы будете сравнивать вашу дочь с собой или соотносить ее развитие с устаревшими нормами, — то да, она обычный ребенок. Но времена изменились. Конечно, вы любите свою девочку, вы считаете ее самой лучшей. Но посмотрите, какие дети посещают детский сад сейчас! Посмотрите и сравните со своим ребенком.

Воспитательница Алевтина Сергеевна приоткрыла дверь в группу.

— Заходить нельзя, — шепотом предупредила она. — Детки могут испугаться.

Дети в группе были. Все двенадцать. Они сидели поодиночке на ковре, на стульях, на полу. Лица у всех застывшие, словно забытые за ненужностью. Артема прошиб холодный пот. Это что — нормальные дети?!

Возле двери на корточках сидел мальчик. Вид у него был отрешенный, как у Будды. На полу перед ним игрушечная машинка сама собой мчалась по кругу, подпрыгивала, переворачивалась и снова мчалась вперед. Рядом с ним девочка, словно за гипнотизированная, выводила на грифельной доске мелом столбцы цифр. Артем пригляделся и с ужасом понял, что малышка возводит в квадрат двузначные числа. Два

столбика: число и его квадрат, число и его квадрат.

— А что, вот этот ребенок справляется с программой? — тихо спросила Юля. Она указала на мальчика, сидящего посреди ковра. Мальчик был совсем маленький, меньше Маши. Он поджал под себя ноги и раскачивался взад-вперед, полузакрыв глаза. Из рта стекала слюна, от которой на подбородке образовалась воспаленная дорожка.

— Этот? Это Андрей, он у нас одаренный. Сновидец.

Артем не стал спрашивать, какие же сны видит одаренный Андрей. Он смотрел на дочь. Стоя спиной к двери, Машка укладывала куклу спать. Уложила, погрозила пальчиком — видимо, чтоб не баловалась, — и стала варить суп в игрушечной кастрюльке.

— Вы видите? — участливо спросила Ольга Петровна. — К сожалению, Маша выбивается из общей массы.

— Но...

— Почему-то нынешние родители не интересуются ни программой, ни состоянием ребенка, — укоризненно сказала заведующая. — Считают, что их ребенок самый умный. А ведь времена изменились. Раньше таких детей, каких вы видели, рождалось очень мало. Их даже называли детьми индиго, настолько они казались необыкновенными. Но в последние годы рождаются только индиго. Массово, понимаете? И лишь изредка — дети, которые когда-то считались нормальными. Такие, как ваша дочь. Разве вы не знали?

Артем не нашелся, что ответить. Юля подавленно молчала.

— Трудно сказать, отчего это происходит. У каждого ученого своя теория... Но мы с вами не о причинах говорим. Мы говорим о том, что есть! Детей индиго сейчас большинство, а образовательная программа всегда рассчитана на большинство, — продолжала Ольга Петровна. — И наши дети с ней справляются. А особенные дети — как ваша Маша — должны учиться в особых условиях.

— Конечно, — поддакнула воспитательница. — Мы уже извлечение корня прошли, а Марья никак умножение не усвоит.

— Мы предлагаем вам группу в специальном садике, где все дети такие, как Маша, — заведующая кивала в такт своим словам, словно желая вдолбить их в родительские головы. — Ей там будет комфортно. Ей не дано природой мыслить, как все дети, зато она неплохо адаптирована в бытовой сфере. Но вы должны знать, что и в школу она пойдет специальную, и высшее образование будет не для нее.

И вот тут Юля не выдержала.

— Да почему вы так решили? — воскликнула она со слезами в голосе. — Что, она настолько хуже других? Она же старается... Хочет... А вы ей сразу приговор...

И она расплакалась. Артем обнял жену.

— Что, совсем ничего нельзя сделать? — растерянно спросил он.

— Впереди лето, можете позаниматься, — равнодушно пожала плечами заведующая. — Специальный садик набирает группы в сентябре, так что время есть. Правда, вряд ли вам это поможет...

Едва растерянные родители ушли, дверь, ведущая в группу, дернулась и распахнулась. На пороге стояла нянечка — классическая детсадовская нянечка с эмалированным ведром.

— Машку, что ли, забирают? — громогласно спросила она у заведующей. — Дак уж оставьте ее, Ольга Петровна. Она одна у нас на горшок сама ходит и тарелку со стола уносит. Заберете — кто мне помочь будет?

БУГОСЛАВСКАЯ Елена Алексеевна, поэтесса.

«Стихи». Киев, 1915.
Розанов; РНБ.

БУГОСЛАВСКАЯ Наталья Григорьевна, педагог.

Авт. «Ведение занятий по букварю «Наша сила, наша нива»». Грозный, 1926; (совм. с Д. Элькиной и А. Курской — см.) — «Долой неграмотность: Букварь для взрослых» Пб., 1920; «К пятилетию декрета о ликвидации неграмотности. 1919–1924». Архангельск, 1924; (в соавт. с Г. И. Будным) — «За грамотный колхоз. Деревенский букварь для взрослых». М., 1930; «За грамоту. Уч. материалы». Саратов, 1929.
Амфитеатров; РНБ.

БУДАГОВА Екатерина Дмитриевна.

Сотр. журн. «Ребус» и «Ветер. Вестн.» (ок. 1857–1904).
Венгеров. Источ.

БУДАНЦЕВА Вера Васильевна (урожд. Ильина; 1894 —?), поэтесса.

Сотр. в изд.: «Млеч. Путь», «Заря», «Женская жизнь», «Путь», «Худож. Слово», «Кр. Новь», «Нов. Мир», «Кр. Нива», в альм. «Наши дни», «Круг», «Новые берега» — Ильина, В.; Ильина, Вера. Авт. пов. в стихах для отрочества «Шоколад», М., 1923; «Крылатый приемыш», М.-Пб., 1923; «Гудок», стихи для детей, М., 1927 — все под тем же псевд.
Масанов.

БУДБЕРГ Мария Игнатьевна (урожд. Закревская, в первом браке Бенкендорф; 1892 — 1974), переводчица.

Секр. М. Горького, переводчица его книг на английский яз. Ей посв. ром. «Жизнь Клима Самгина». В 1933–46 — «невенчанная жена» писателя Герберта Уэллса. Была переводчицей, когда Г. Уэллс приезжал в Россию, встречался с интеллигенцией. О ней — Н. Н. Берберова «Железная женщина», Нью-Йорк, 1981.

«На погосте XX века». Гуль. 1, 2.
Амфитеатров.

БУДЗИАНИК Александра Александровна.

(См. Виницкая-Будзианик, А. А.).

БУДИЛОВИЧ Александра Киприановна (урожд. Павлович), авт. воспоминаний.

Воспитанница Виленского женского училища духовного ведомства. «Воспоминания». \ \ Вестн. Виленского правосл. св.-духовн. братства, 1912. № 11. С. 190–191.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2. № 3021.

БУДКЕВИЧ Аполлинария Флоровна, переводчица.

Член союза драматич. писателей (1912).
Венгеров. Источ.

БУДКЕВИЧ Наталия Акроновна, драматург.

Венгеров. Источ.

БУДОГОСКАЯ Лидия Анатольевна (1898 —?), дет. писательница.

Род. в Варшаве. Училась в гимназии. Будучи медсестрой, участ. в гражданской и Великой Отечеств. войнах. Писательскую работу начала «Повестью о рыжей девочке» (1929). Авт. «Повести о фонаре» (1936), «Часовой» (1947) и книжек для детей мл. возраста. О ней: Чуковская, Л. «О книгах забытых или незамеченных», «Вопр. лит.». 1958. № 2.

КЛЭ; Дет. писатели.

БУДРИНА Зоя Александровна, авт. воспоминаний.

Сотр. библиотеки Д. Д. Смышляева, секр. Пермского окр. бюро РСДРП. «Пермское окружное бюро РСДРП: (Воспоминание). — В кн. «Борьба за власть» Т. 2. Годы реакции. Пермь, 1924. Ч. 1. С. 78–85.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 3141.

БУДРИНА Раиса.

Авт. описания челяб. Одигитриевского женск. монастыря (М., 1904).
Венгеров. Источ.

БУЗИНОВА-ДЫБОВСКАЯ Валентина Михайловна, авт. воспоминаний.

Слушательница электромеханического факультета Петерб. женск. пролитехнич. курсов. Одна из первых в России женщин-инженеров. Участвовала в сост. плана ГОЭЛРО по Туркестанскому району, строила Днепровскую ГЭС. Ее воспоминания «Свет над Россией» вошли в кн. «Первые женщины-инженеры». Л., 1967. С. 88–96.

ИДРДВ. Т. 4 Ч. 3. № 6286.

БУЗКОВА Е. (или это Бузков?).

Авт. кн. для народ. чтения (Харьков, 1900).

Венгеров. Источ.

БУЗНИ Вера Михайловна.

Дворянка, пом. попечительницы о бедных воспит. школ патриотич. об-ва 1912 г., сост. сб. стихотв. об Александре III.

Венгеров. Источ.

БУЗОВА А. Т.

Авт. «Обществ. богослужения правосл. церкви, кратко изложенное в вопросах и ответах» (СПб. 1861). По мнению Н. Н. Голицына, эта книга — второе исправл. издание не вполне удачного опыта Ив. Главинского «Краткие понятия об общественном богослужении православной церкви». СПб., 1859 — рец.: «Странник». 1862. № 11.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БУКОВЕЦКАЯ С.

Авт. кн. «Пять суток под землей» С. польского, Кн. для чтения на третьем году обуч. М., 1910 (3-е изд. — 1912, изд. И. Д. Сытина).

(Продолжение на стр. 53)

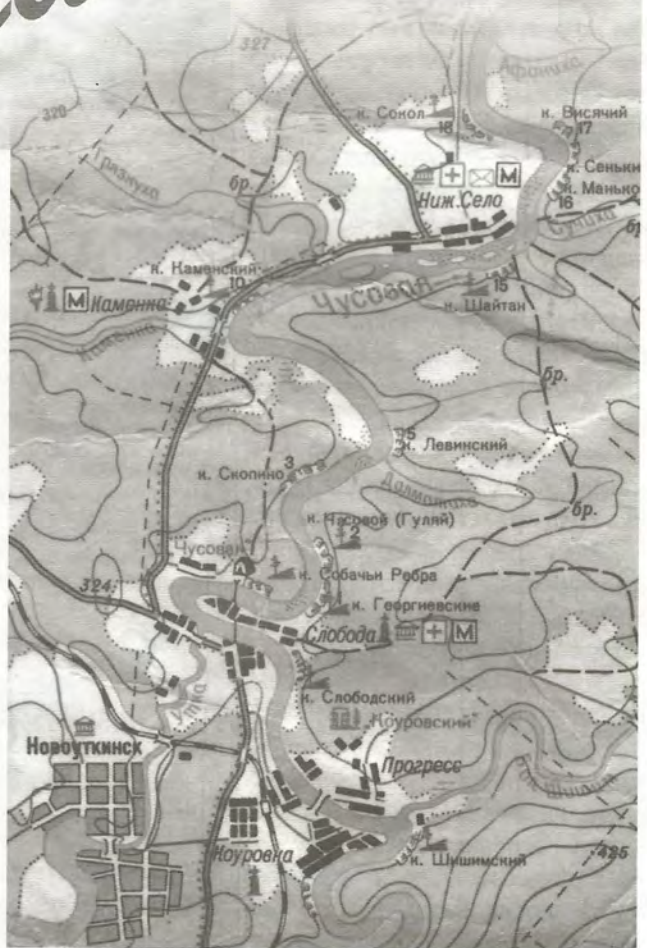
Мария САМОХВАЛОВА,
фото Юлии УЛЬЯНОВОЙ

Новогодняя Коцуровка

Записки очевидца

Чаще всего мы встречаем Новый год традиционно — в кругу семьи за богатым праздничным столом под бой кремлевских курантов. Но, к сожалению, редко потом можем вспомнить, что же такого особенного было в прошлую новогоднюю ночь. А ведь в жизни каждого должен быть такой Новый год, который не забудется никогда.

Такой незабываемой была для меня встреча Нового года. Тогда многие из тюменских альпинистов и скалолазов решили встретить его на Воронинских горках (замечательное место для любителей активного отдыха). Но мы пошли еще дальше — отправились на поиски приключений на скальный массив «Толстяк», что на Урале, в двух часах езды на электричке от Екатеринбурга. В новогодние праздники мы были одни на скалах. Кто еще сюда заберется в 25-градусный мороз?! Нас было четверо: Андрей Селиванов — альпинист и любители активного отдыха, Эдик, Надя и я. Конечно, весьма скромная команда, но мы точно знали, что холодной смертью не умрем.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Ночь с 30 на 31 провели в поезде. По прибытии в Екатеринбург устроили предновогодний шопинг — классическое посещение трех фирменных магазинов с одеждой и снаряжением для экстремальных видов спорта: «Манарага», «Альпин-дустрия», «Discovery».

Посещение магазинов запомнилось покупкой настоящих горных ботинок. Мы набрали массу нужных вещей: спальников, одежды. Обрадованные нашими покупками продавцы сделали нам скидку, подарили по кошельку и вручили бутылку шампанского.

Потом мы несколько часов бегали по городу в поисках горючего для горелки (иначе при такой низкой температуре в палатке не выживешь).

Чем занимаются нормальные люди в последние мгновения уходящего года? Кто-то дорезает колбаску для новогодних салатиков, кто-то гладит свой новогодний наряд. А мы вытапывали место для палаток, ставили их при свете звезд и даже пытались развести огонь. Мужчины долго строили из себя Прометеев, но потом все же бросили эту идею с костром. А когда мы растопили водичку для чая на горелке и сделали бутербродики с паштетом, закончился год.

Ровно в 00-00 Эдик предложил нам симитировать бой курантов. И мы «пробили» двенадцать раз, а вот от него президентских речей так и не дождалось. Тогда я поняла, что отсутствие телевизора в Новый год тоже счастье. Не сидишь как идиот с пультом в руках и не боишься пропустить, где пошутят интереснее.

Кстати, мы обошлись не только без телевизора, но и без спиртного — наш подарок мы потеряли в сугробах. Зато побаловались пиротехникой, единственной новогодней забавой, которую мы прихватили из «цивилизации».

Скалы, доверху покрытые льдом, — первое впечатление морозного утра нового года. Их заливал для традиционных соревнований по ледолазанию легендарный уральский альпинист Александр Кленов. И мы попробовали по ним ползать, а вечером продолжили празднование. Сварили глинтвейн — удивительный напиток из красного вина с лимоном и яблоками. Вместо бесконечной череды тостов вели глубокомысленные беседы на альпинистские и философские темы, в частности, с подачи тренера ностальгировали по альпинизму 80-х... И даже устроили программу «Угадай мелодию» на модном Эдиковом телефоне.

Хоть я и не любитель вести дневники, но все-таки захотелось записать парочку умных мыслей по поводу праздника. Открываю блокнотик и, выводя какие-то каракули, думаю: «Что быстрее застынет, чернила или кровь в жилах?»

Вечером мы подкрепились аппетитным пловом, которым нас порадовал Андрей. Затем смотал свои вещички Эдик и отправился к ночной электричке, забирая с собой палатку-кухню, где жил. Зато оставил свою бензиновую горелку, ставшую для нас такой родной.

До сих пор забыть не могу, до чего завораживает процесс закипания водички! Вот ставишь кружку на горелку, подсыпаешь в нее снежок, дожидаясь согревания, закипания и, наконец, своего чайка с сахарком и лимончиком.

Я горжусь своим Новым годом, ведь он был первый без искусственных елок и косметики. Мы встретили его в настоящих костюмах альпинистов, в чистейших сугробах, среди живых елок.

И я хочу пожелать всем, чтобы каждый Новый год был в вашей жизни не просто очередным, а незабываемым праздником. А сделать его таковым — под силу каждому.

Челябинские тайны германских репараций

Объем материальных потерь СССР во второй мировой войне чрезвычайная государственная комиссия под председательством Н. Шверника определила в сумме 679 миллиардов рублей (по курсу рубля того времени) с расшифровкой ущерба в натуральном выражении. Сталин одобрил выводы комиссии. Но на Крымской конференции, в феврале 1945 года, со стороны СССР по политическим мотивам был выставлен счет только в размере 10 миллиардов долларов. Общая сумма репараций от всех стран составила 30 миллиардов долларов с рассрочкой на 58 лет. Союзники требовали репарации главным образом в деньгах, а СССР в натуральном выражении.

Уже через несколько дней после Крымской конференции Сталин подписал приказ № 7563 от 21 февраля 1945 года о создании на действующих фронтах комиссий по вывозу промышленного оборудования и материалов с территории Польши и Германии. Вывоз велся планомерно, давались конкретные задания трофейным частям. Например, план вывоза промышленного оборудования с 27 июня по 20 июля 1945 года, согласно постановлению ГКО за № 9264, составлял 52000 вагонов.

В какой-то мере это коснулось и нашей семьи. Моего дядю вызвали в Москву, присвоили звание полковника внутренних войск (он был крупным организатором

промышленности, но до этого военного звания не имел, был начальником управления капитального строительства ЧТЗ, работал на Сталинградском тракторном и т.д.) и отправили в Германию за репарациями. На одном из германских заводов было снято все оборудование, и на основе этого оборудования он строил Барнаульский тракторный завод.

В целом трофейные службы Красной армии только с полей сражений за период войны (трофейщики существовали в армии еще с довоенного периода) собрали и отправили в тыл 24615 танков и самоходных орудий, более 68 тысяч артиллерийских орудий, 3 млн винтовок и многое другое. Только общий вес металлолома для вторичной переплавки составил более 10 млн тонн. За 1945 год комиссии по репарации отправили в СССР: 21834 вагона хозяйственного имущества, 73493 вагона строительных материалов и «квартирного имущества», в том числе роялей, радиоприемников, ковров, мебели, фарфоровой посуды и т.п.

На нашем ЧТЗ до сих пор есть немецкие станки тех времен, а при строительстве киргородка (военнопленные строили его в районе ЧТЗ) применялось германское коммунальное оборудование. Когда некоторые из этих домов не так давно сносили, я сам видел бронзовые германские задвижки

на системах отопления, которые были в отличном состоянии.

Московский профессор Поляков осенью 1945 года вывез, по указанию Сталина, из Берлинского (в Бухе) института мозга, основанного Оскаром Фогтом (он создал в Москве, по просьбе СССР, в 1926 году институт по изучению мозга Ленина и руководил им до 1933 года) кроме оборудования и уникальную коллекцию научных разработок по генетике Н. Тимофеева-Ресовского, который работал в этом Берлинском институте мозга с 1926(?) по 1945 год. Кстати, там же работал и другой наш соотечественник — Сергей Алексеевич Вронский, самый сильный астролог XX века, он же лечил мануальными методами Еву Браун и Гитлера. С.А. Вронский отсидел после войны 10 лет в советских лагерях, потом много практиковал для Кремля, преподавал в современной Академии астрологии в Москве и умер в 1998 году в Риге.

С мая 1945 года в Германии работала группа библиотечных и музейных работников по выявлению и отправке в СССР книжных и музейных ценностей. Часть этих книг попала и в Челябинск. В 1962 году, после окончания Ленинградского библиотечного института, в Челябинской областной публичной библиотеке работал А.В. Блюм. Здесь он познакомился с «трофейными» фондами. И

вот что он рассказал: «...Две комнаты до самого потолка были забиты какими-то коробками, ящиками, и мы стали забираться по их уступам, стремясь достать самые верхние. Открыв первый ящик, мы были поражены: засияли тисненые кожаные переплеты, золотые обрезы старинных книг, великолепные гравюры... В коробках были преимущественно немецкие издания, начиная с XVI века. Но попадались и английские, французские, шведские и другие... Здесь были книги по религии, истории, геральдике, генеалогии, чудесные альбомы офортов, путеводители по городам и странам Западной Европы, античные и средневековые классики. На многих книгах были наклеены экслибрисы 17–19 веков, свидетели их былой принадлежности родовым библиотекам немецких князей, маркграфов, герцогов — украшенные геральдическими львами с поднятыми лапами, графскими и княжескими коронами, видами замков, мечами, щитами и прочими атрибутами рыцарского достоинства».

Пытаясь узнать дальнейшую судьбу тех книг, автор этих строк посылал в библиотеку запрос. В ответе было сказано, что все эти книги в настоящий момент уже утрачены...

В числе репараций из Германии было вывезено в СССР много охотничьего оружия, в том числе коллекционного, с художественной гравировкой. Сталин распорядился послать часть этого оружия в отдаленные дальневосточные гарнизоны для организации охоты и заготовки провизии для этих военных частей. В постановлении Совнаркома за № 14199-р от 25 сентября 1945 года среди прочего говорилось о том, чтобы Челябинский дроболитейный завод для этого дела отпустил 70 тонн дробы.

(В статье использованы материалы из книги П. Кнышевского «Добыча. Тайны германских репараций». М., 1994 и личный архив автора).

БУЛАНИНА Елена Алексеевна (урожд. Протопопова; 1866 — 1944), поэтесса; педагог.

Лит. интересы проявились благодаря влиянию ее тетки Е.С.Бородиной, жены комп. А.П.Бородин, а также М.Горького (Б. написала о нем воспоминания). Стихи Б. (сб. «Раздумье», М., 1901) интересны гл. обр. как свидет. настроений рус. демократич. интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. Была уч. сб. «Русские песни XIX века» (М., 1944). Неск. строф из стих. «Под впечатл. «Чайки» Чехова» стали попул. романсом: «Заря чуть алеет...» В перелож. Б. вышел сб. «Сказки, легенды и песни Кавказа» (М., 1912). Переводила О.Уальда. Рец. на «Стихотворения» — «Рус. Мысль», 1902, № 3, с.69.

Русские писатели (портр); Масанов; ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1206.

БУЛАНОВА Ольга Константиновна (урожд. Трубникова; 1858 — после 1933), авт. статей по истории рев. движения, мемуаристка.

Род. в СПб. Дочь издательницы и переводчицы М.В.Трубниковой (см.). В семье господствовал культ декабристов. Окончила первую частную женскую гимн. М.П.Спешневой. Была председателем просветительного об-ва им. Некрасова в СПб. После революции — секретарем «Помощи сиротам и нетрудоспособным политическим». Сотр. в журн. «Былое», 1924. № 24 — Буланова-Трубникова, О.; авт. кн. «Три поколения». М.—Л., 1928; совм. с Е.Д.Дубенской: «Т.И.Лебедева, член исполн. комитета партии «Народная воля». М., 1930. Ее автобиография — Энциклоп. слов. Гранат. Т. 40 (1927).

Масанов; ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 1127, 1357, 1488.

БУЛГАКОВА Елена Ивановна (урожд. Токмакова), дет. писательница, авт. популярных ист. и геогр. очерков.

Жена религ. философа С.Н.Булгакова. Авт. кн. «Из дневника куклы и другие рассказы для детей» С рис. (1907); «Старый дом. Повесть для детей среднего возраста». М., 1915; «Рыбка серебрянка (Сказка)». М., 1914; «Что за страна Япония» (1904). — Рец. в «Рус. мысли», 1904, № 8, с.266; «Заря будущего», «Япония и японцы» — в изд. Парамонова «Донская ресь», 1905; «Царевна Софья». Париж, 1933 (рец. — Зензинов В. \ \ Совр. зап. 1933. № 52. С.462–463); авт. ст. «Элеонора Эвелинг» — «Науч. Обзор», 1899, № 2; Сотр. в «Вопросах жизни» (в эмиграции).

Венгеров. Источ. (у Алексеева — отчество Н.).

БУЛГАКОВА Елена Сергеевна (урожд. Нюрнберг; 1892 — 1970), переводчица, муза Михаила Булгакова.

Третья жена писателя М.А.Булгакова. Была его любовью и другом в последнее десятилетие жизни. Вела дом, сделала его «веселым и жизнерадостным», помогала в работе над ром. «Мастер и Маргарита» (черты ее личности можно

обнаружить в образе Маргариты — в первой редакции романа не было ни Мастера, ни Маргариты). Отмечая первую годовщину встречи с Булгаковым (1933), по его совету начала вести дневник и вела его до кончины мужа (1940). Дневник составил несколько объемных общих тетрадей; некоторые из них Б. отредактировала и переписала. (См. Булгаковы М. и Е. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2004) После смерти мужа завершила работу над «Мастером и Маргаритой», была хранительницей его архива, первоиздательницей большинства его произведений, и эту работу вела «с умом и тактом» (С.Ермолинский). Перевела кн. А.Моруа о Жорж Санд для серии «ЖЗЛ» (выходила двумя изд.: 1967, 1968). О ней: Ермолинский С. Елена Сергеевна: Страницы воспоминаний \ \ Лит. Россия. 1982. № 27 (1015), 2 июля.

БУЛГАКОВА Зинаида Николаевна, переводчица, сост. рассказов для детей.

Учительница. Перев. Мопассана (См. Полн. собр. соч. Мопассана. СПб., 1911) — З.Н.Б.

Масанов; Венгеров. Источ.

БУЛГАКОВА С.

Авт. кн. «Значение музыки и пения» (Киев, 1901).

Венгеров. Источ.

БУЛИЧ Вера Сергеевна (1898 — 1954), поэтесса, лит. критик, драматург, прозаик, переводчица, мемуаристка.

Дочь языковеда и музыковеда С.К.Булича, сестра певицы С.С.Булич-Старк. Закончила гимназию в СПб. После смерти отца переехала в Гельсингфорс. Поступила в славянский отдел ун-тской биб-ки, где и работала до конца жизни. Состояла членом лит.-худож. об-ва «Светлица», входила в Совет Рус. академич. Объединения в Финляндии, была ред. лит. отдела «Рус. журнала» (Хельсинки, 1947), печ. органа Рус. культурно-демокр. союза. Печаталась в парижских журн. «Современные записки» и «Числа». Писала также на финском и на швед. языках. Член об-ва «СССР — Финляндия». Первая кн. вышла в 1927 на фин. языке — сб. миниатюр «Сказка о маленькой принцессе». Авт. трех сб. стихов: «Маятник: Стихи». Гельсингфорс, 1934; рец. — Базилевская Е. \ \ Новь. 1934. № 7. С.105; «Пленный ветер: Вторая кн. стихов» [Ревель], 1938; рец.: Адамович Г. \ \ Посл. нов. 1938. № 6255, 12 мая; «Стихи». Гельсингфорс, 1938; и кн. «Сказки». Кн. 1–2. Белград. 1931; рец.: Сильверсван Б. \ \ Руль. 1931. № 3208, 18 июня. С.5. Ум. в Хельсинки. Рецензенты: В.Ходасевич, Г.Адамович, Ю.Мандельштам, Ю.Терапиано отмечали худож. точность ее стиха и неподдельное лирич. волнение.

Писатели рус. зарубежья; Струве; «Русский Париж»; Алексеев А.Д.

(Продолжение на стр. 77)

Павел Северный: штрихи забытой судьбы

Одаренный человек, как правило, проживает нелегкую, а порой трагическую жизнь. Судьба и пестует, и испытывает его, то возвышая, то низвергая, а то и вовсе по каким-то неведомым нам причинам скрывает имя в глубинах исторической памяти. Так, на мой взгляд, случилось с именем нашего земляка, писателя от Бога Павла Александровича Северного.

Именно в год 105-летия поднялась волна возрождения его имени, и случилось это на родине писателя в Верхнем Уфалее. В.А. Черных, историк, научный сотрудник Уфалейского краеведческого музея, нашла дом, где ро-

дился П.А. Северный, прошли торжественные встречи с сыном писателя Арсением Павловичем и другом семьи Еленой Сергеевной Виноградовой.

Павел Александрович Северный родился в 1900 г. у истока красавицы Чусовой в семье управляющего Верхнеуфалейским заводом барона Александра фон Ольбриха, потомка немцев петровских времен, верой и правдой служивших России. Маленький Павел хоть и рос в дворянской семье, но воспитывался в строгости. За провинность его наказывали стоянием на коленях в углу на горохе, а в руки давали для чтения Библию.

Октябрьская революция и Гражданская война выпали на долю Павла Северного, когда ему исполнилось 17 лет. Ровесник нового века, он сполна хлебнул «дыма Отечества». В 1919 году большевики расстреляли всю его семью. Сам Павел, молодой юнкер, мобилизованный в колчаковскую армию, отступал с седьмой Уральской дивизией под натиском 51-й дивизии Блюхера и 52-й дивизии Мрачковского, по иронии судьбы тоже дворянина и уроженца Верхнего Уфалея. Уходил на Восток через Екатеринбург, Тавду, Тобольск, Омск, Новосибирск в Китай, оставляя за собой

АВТОР Раиса Скоробогатова представляет в г. Первоуральске Свердловской области благотворительный фонд «Дельфис» и одноименный журнал. Организует выставки, знакомит земляков с творчеством деятелей российской культуры.

Обложки книг, изданных в Китае

охваченную огнем пожарищ Россию. Революционная красная волна вытолкнула его, сына барона, в страну мало понятную русской душе.

В последнем своем романе «Ледяной смех» Павел Северный описал хронологию и развязку

событий того времени. Оказавшись на чужбине Северному пришлось нелегко. В Маньчжурии, когда он устроился работать на КВЖД, его захватили в плен хунхузы, речные пираты. Законы этой банды были жестокими. Спасло то, что руководство железной дороги

предложило за него выкуп, и они согласились.

В 1920 году П. Северный добрался до Харбина, решил идти пешком в Шанхай, — это почти через весь Китай, с севера на юг. Двадцатилетний юноша европейской наружности, путешествующий по Поднебесной, вызывал удивление. Самые богатые и знатные китайцы считали за честь, если он останавливался у них на ночлег. Позже, в Шанхае, П. Северный написал книгу «Фарфоровый китаец качает головой».

Но как писатель он состоялся, когда опубликовал роман «Только мое, а может быть, и Ваше», вышедший в Шанхае в 1924 году. Роман посвящен Колчаку-ученому, моряку, главнокомандующему Черноморским флотом, верховному правителю Сибири и просто человеку. Книга получила широкое признание среди эмигрантов. Тогда он впервые подписался псевдонимом Северный, впоследствии ставшим фамилией его жены, сына, внуков. Почему Северный? Наверное, как воспоминание о своих корнях, остав-

Общественный дом П. Северного в Шанхае в конце 30-х годов

Тамара Александровна Северная.
1942 г.

Павел Александрович Северный

ленных в далекой заснеженной России, на Урале.

В Шанхае у П. Северного вышло 18 книг, которыми ностальгически зачитывались русские эмигранты не только в Китае, но и в Америке, и в Европе: «Лики неповторимой России», «Золото на грязи», диалогия «Следы лаптей», «Тургеневская сказка», «Туман над Камой», «Женщины у полярных звезд», «Ветер с Урала», «Трещины белых колонн», «Леди», «Озеро голубой цапли», «Башня безногой», «Карусель под

снегом», «Черные лебеди», «Роза Суворова», роман «Косая Мадонна», который позже дважды дополнялся.

«Косая мадонна» зародилась после изучения П. Северным в парижских архивах переписки между Н. Гончаровой и Пушкиным. Идея романа была (это мало кому известно) поддержана известным русским художником Н.К. Рерихом. «Рерих радовался, — говорит Е.С. Виноградова, видевшая и читавшая письмо Н.К. Рериха, — что

писатель сумел с огромным тактом войти в сложную семейную жизнь Пушкина, передать его горьковатую красоту». Где и когда П. Северный познакомился с Рерихом, так и остается тайной, известно лишь, что он очень дорожил этой дружбой и через всю жизнь пронес сокровенность их отношений. Париж подарил Павлу Александровичу не только «Косую мадонну», но и жену Тамару Александровну, урожденную Купер. Дочь американского бизнесмена, промышленявшего пушниной на Дальнем Востоке, была необычайно красивой женщиной, имела диплом врача-косметолога.

В Шанхае Северные жили на территории французской концессии. Их дом был всегда полон гостей из среды творческой интеллигенции. Певцы А. Вертинский, С. Лемешев, Ф. Шаляпин, художники И. Герасимов, Домрачев, петербургский театральный декоратор, оформлявший лучшие спектакли Мариинки, русский художник Боригар. Сам Павел Александрович в Шанхае много писал и работал: в Американской библиотеке, в советском торгпредстве, имея дело с книгами, поступающими из Советского Союза, в русскоязычной газете советского толка «Новая жизнь», сначала корректором, а затем редактором. Позже преподавал русский язык и литературу в престижном Футанском университете. Активно участвовал в спектаклях театра Лайсеум, был членом Советского клуба. Шанхай того времени был крупным культурным центром и не был обойден вниманием Советского Союза, здесь были советские газеты и журналы («Огонек», «Советский Союз»), приезжали известные театральные, кинематографические, танцевальные коллективы. Показывали фильмы «Кубанские казаки», «Сказание о земле Сибирской». Жизнь в СССР была ключом, и это не могло не вызвать ностальгию по Родине у П. Северного.

«Я проехал вокруг света и уверяю, — говорил он, — лучше нашей России, Русского Севера, земли нет. Одна березка под моим окном

Павел Александрович Северный с женой и сыном

П.А. Северный. 1945 г.

Павел Северный с сыном Арсением

дороже всех экзотических стран». После долгих лет ожидания улучшения политического климата в СССР, а это случилось после смерти Сталина в 1953 году, семья Северных решила на депортацию. Летом 24 июля 1954 года они тронулись в путь. Что ждало их в новой России, без которой не мыслил жизни Павел Александрович и которую вообще не знала его утонченная и светская жена?

К счастью, посольство разрешило взять с собой имущество. Оно у Павла Северного представляло немалую культурно-историческую ценность и могло бы без преувеличения украсить лучшие музеи мира. Представьте себе: сто шестьдесят картин кисти известнейших мастеров, которые пришлось вынимать из рам и везти в рулонах, три тысячи книг из личной библиотеки, редчайший китайский фарфор, коллекция статуэток женского божества Гуан-Инь, бронза, ценное дерево, которое являли шедевры мастеров Китая, Японии, Индии, шкатулки из кости и камня с изысканным орнаментом. А еще архив писем и фотографий собранных за годы переписки с известными людьми, уникальная в своем роде хроника дум и чаяний того времени. К сожалению, многие из этих писем и фотографий, были уничтожены из-за боязни. К счастью, все обошлось. Даже книги Павла Александровича, которые были помещены в отдельный ящик и изъяты для проверки, через полгода были возвращены хозяину. После выдачи подъемных денег репатрианты Северные прибыли в совхоз «Бурлыкский» Чкаловского (ныне Оренбургский) района, на ферму № 1.

Разместили их в щитовом домике на четыре семьи. Как вспоминает Арсений Павлович, родители переносили бытовые трудности стоически и достойно. Работать в совхозе мог только 15-летний Арсений, т.к. Павел Александрович незадолго до переезда перенес операцию по удалению почки, а Тамаре Александровне, аристократичной и ухоженной, по ее специальности работы не нашлось.

Само слово косметолог в южно-уральской глубинке было незнакомо. Вскоре Павлу Северному было предложено место заведующего сельской библиотекой. Но уже через неделю ему пришлось освободить место для дочери директора школы. Тогда возмущенный П. Северный пишет письмо самому Молотову в Москву, довольно быстро получает ответ из Кремля с предложением ехать в Чкаловск и занять должность технического редактора в областном книжном издательстве. В Чкаловске появилась на свет его следующая книга «Шумит тайга Маньчжурии» (издательство Детгиз). Гонорары за книги П. Северный получал в половинном размере, так как не был членом Союза писателей. Тамара Александровна, получившая работу учителя английского языка в школе, тоже имела половинное жалование по причине отсутствия соответствующего советского диплома. Тогда эта волевая женщина сумела экстерном закончить Московский институт иностранных языков, и ее тут же пригласили в Москву в штаб проходящего тогда Всемирного фестиваля молодежи и студентов в качестве переводчицы. Это был 1957 год.

Этот шанс дал возможность Тамаре Александровне остаться в Москве и впоследствии, через невероятные трудности, перевезти к себе семью. Но разрешили посе-

литься тогда только в Подольске. Жили они на съемных квартирах, сначала у художника Олега Корвина, затем у бывшего заведующего отделом культуры Подольска П.Г. Солнцева, он же помог П.А. Северному устроиться сначала директором эстрады в Зеленом театре парка им. Талалихина, затем директором кинотеатра «Родина». Позже Л.А. Морозов, полковник органов безопасности Подольска, добился, чтобы П. Северному предоставили квартиру. Писатель в знак благодарности посвятил ему свою книгу «Ему было тридцать» (о В.И. Ленине).

В Подольске же родилось главное творение его жизни – роман «Сказание о старом Урале». Он состоял из двух книг: «Рукавицы Строганова» и «Куранты Невьянской башни», а также книга «Камешки Ерофея Маркова». Последняя книга сделала Павла Северного членом Союза писателей СССР. Сам председатель Совмина СССР А.Н. Косыгин пожал руку Павлу Северному в кругу именитейших писателей в Кремле.

Здоровье Павла Александровича таяло. В 1971 году умирает Тамара Александровна, его верная и любимая спутница жизни. Павел Александрович тяжело переживает утрату жены, но последние силы отняла у него работа над рукописью романа «Андрей Рублев».

Надо отметить, что писал Павел Северный всегда в полном затворничестве, никого к себе не допуская, даже самых близких людей. Так появились последние его работы: третий, дополненный, вариант «Косой мадонны», «Кровь и фарфор», «Шамбала» и ранее упомянутый «Ледяной смех». Именно с этим последним творческим аккордом он достиг границы, но уже иной – между жизнью и смертью. 7 декабря 1981 года Павла Александровича не стало. Сразу после его смерти последние его рукописи, а также все его бесценное собрание произведений искусства, письма и фотографии исчезли бесследно. Сын писателя оказался бессилем перед возникшими обстоятельствами – болезнь отца совпала с его собственной болезнью.

Жители Подольска увековечили память о П. Северном мемориальной доской на доме, где он жил и работал. Что касается книг писателя, то они стали сегодня почти раритетами. Многие были изданы более 20 лет назад и списаны в библиотеках за ветхостью, новых изданий не было, что нельзя сказать о Китае. Там Павла Северного не только помнят, но и периодически издают его книги, более того, они считают его своим. Совсем недавно издательство «Китайская молодежь» выпустило десятитомник Ли Янлена «Литература русских эмигрантов в Китае». В пятом томе напечатаны рассказы Северного «Черные лебеди» и «Озеро голубой цапли». Десять томов составитель подарил В.В. Путину, остальные разошлись по библиотекам. В каталоге Гавайского университета, в библиотеке им. Гамильтона, в разделе «Русская печать в Китае, Японии и Корее» за 2002 год перечислено 14 книг писателя. И вот совсем недавно издательство «Подвиг» напечатало второй вариант «Косой мадонны». Остается гадать, как к ним попала эта рукопись. Думается, у бережливых читателей-книголюбов имеются книги П. Северного. Не хочется верить, что его творчество, его могучий талант нами, потомками, будет забыт.

На могиле П. Северного

Сказка Трунеля*

(Окончание. Начало в №1, 2007)

Трунелю шел всю ночь, но не нашел лагерь. Когда рассвело, он не решился выйти на открытое место и сворачивал всякий раз, когда видел впереди, меж деревьев, небо. Перелески привели его к огромной ферме. Мучаясь запахами фермы, голодный Трунелю тем не менее пошел в обход, и это заняло у него остаток дня. Деревья кончились, и Трунелю некуда было сворачивать. Он оторвал ножны и отбросил; одежда его была в грязи, в ней он был жалкий побирушка, и никто не узнал бы в нем прежнего разбойника. Прежде чем выбраться на дорогу, он еще раз осмотрел себя, и вдруг слезы побежали по его лицу!

Да, в грязи была теперь его волшебная одежда, в пятнах вина и крови, и серая корка присохла к рукавам! Черный лев на груди не был больше веселым и опасным, не был полон молодости и силы, он поддавался позору и лишениям. Лев торжествовал вчера, опьяненный победой над мирной корчмой, он пускал кровь вместе с Трунелем. И Трунелю вцепился себе в лицо, и волосы, и в одежду! Он рвал льва ногтями и рвал засохшие рукава. Волшебная одежда сопротивлялась, но Трунелю победил. Сила вновь пришла к Трунелю, но он не властен был над силой: он рыдал и выл и ползал, пытаясь уйти из-под нее, чтобы стать прежним и вернуть волшебство недавних дней.

Он не мог больше терпеть и умер бы, но всадник, появившись из-за поворота, пронесся по дороге. Что-то звякнуло — и Трунелю разогнулся, размазывая по лицу грязь. Перед его носом каталась по кругу монетка, брошенная всадником.

Вечером Трунелю, едва волоча непослушные ноги, касаясь ладонями верхушек обжигающе-ядовитых растений, потеряв тропу, поднялся на гребень холма и увидел, как за много миль отсюда, на обжитых лугах множество дорог сходятся в одну и та главная дорога приводит к высоким воротам города. Сам город показался Трунелю огромным, черным, с золотыми остриями крыш, которые медленно блекли, ловя заходящее солнце. В центре города чудилось шевеление и неслышные вздохи, словно догорала огромная печь, и теплые потоки воздуха лениво шевелили шелковыми лоскутами небесной великанши.

Трунелю и думать забыл, что таккин Моллойн подошел совсем близко к столице — да и вообще обо всем забыл, кроме своей невероятной усталости. Даже опасность, которая ему грозила, уже не представлялась такой большой и неизбежной, как несколько часов назад. Он

забыл и о готовящейся войне и разорении этих краев, и о том, что жители столицы еще, возможно, и не предупреждены о нападении. Действительно, высокие ворота были открыты, а на окрестных фермах Трунелю не обнаружил никакого беспокойства. Он решил, что, кроме как в город, ему деваться некуда, и потому направился к перекрестку, далеко обходя высокие заборы частных угодий, хоть и мог преодолеть их без труда, сократив себе путь. За заборами слышался хриплый лай сторожевых собак; однажды словно сама отворилась калитка, и на Трунелю выскочили две косматых псины. Уже за двадцать шагов Трунелю почувствовал ненависть, которая от них исходила. Он подумал, что ему пришел конец, и решил, что это заслуженная смерть. Он решил принять ее с открытым лицом и, сражаясь, но в последний момент руки сами обхватили голову, и Трунелю в ужасе скорчился у забора, ожидая почувствовать на горле хватку огромных челюстей. Однако обе псины тяжело пронесли мимо, обдав его теплым, приятно пахнущим ветерком. Трунелю оглянулся и рассмеялся, потому что псины, не обратив на него внимания, предались более мирному и достойному занятию, чем рвать на части усталого путника. Переведя дух, Трунелю отправился дальше.

Фермеры сидели уж по домам, но ни в одном окне, даже выходящем на темную в это время суток восточную сторону, не горел свет. Трунелю вспомнил местные порядки — успевшие стать для него чужими — вспомнил, что крестьянам запрещалось зажигать лампы под страхом штрафа...

От перекрестка приближался конный строй. Всадники скакали по четыре в ряд, одинаково склонив тонкие копыта. Труба играла почти без умолку. На каждом воине был круглый шлем, отливающий синевой, и малиновое одеяние под черными кирасами. Впереди всех ехали четверо, строй не соблюдавшие; один из них вместо копыта держал знамя. Знамя было незнакомо Трунелю; в сумеречном свете он едва различил на нем чье-то лицо, но чуть погодя увидел, что это белая звериная морда. Двое, державшихся по бокам от знамени, тоже не имели копий. Но Трунелю смотрел не на них, а на всадника, ехавшего первым, ведущего за собой остальных.

Он показался ему сказочным чудовищем, не героем, нет — прекрасным и одухотворенным чудовищем, самым ужасом, высеченным из хрустального утеса. Он был белокурый и узколицый, он прищурился и зорко смотрел вперед, выискивая невидимого врага, и Трунелю втянул голову в плечи. Но сказочный всадник искал не его, ничтожного бродягу и преступника, каких тысячи. Он явно искал пещеру великана, где веками гниют обглоданные

* С согласия автора печатается в сокращении.

кости легендарных воинов, сраженных вероломством чудищ, подобных ему самому, только нарушивших какое-то святое заветное и вступивших на путь зла. Его страшный смех, смех-вызов войне и нищете этой страны, болезненной бледности и чумной лихорадочной ненависти мира, где жил Трунель, мог сразить любого...

Но вот — передние ряды войска исчезли. Теперь по дороге со свистом и ветром проносились одинаковые кони и одинаковые воины, они поднимали бурные тучи пыли...

Трунель прошел несколько десятков шагов вдоль дороги, неуверенно загребая ногами высокую сухую траву. От восторга и секундного помутнения в голове он едва не бросился под копыта лошадей, но в последний момент остановился. Кто-то из проезжавших воинов бросал на бродягу мимолетный взгляд, кто-то шевелил губами, но в грохоте копыт и железа было не разобрать слов...

Полк пролетел мимо, и Трунель остался один.

Уже в полной темноте он добрался до городской заставы. Караульный офицер только взглянул на него и указал на боковой проход, который привел бродягу в большое помещение, забранное сверху толстой решеткой. На голых камнях спали несколько человек. Появившийся стражник так же молча велел Трунелю лечь и дожидаться утра.

— За что же меня задержали? — тихо и покорно, словно бы сам у себя, спросил бродяга. — За что меня отвели в тюрьму?

Лениво, сквозь смертельную усталость, поглядев слипающимися глазами на зарешеченное небо, он подумал: неужели каким-то невероятным образом стражникам стало известно о его участии в набегах лантийских таккинов? Но ответа он не дождался: стражник уже ушел, и Трунелю ничего не оставалось, как прислониться к стене и забыться сном.

Слова «Республика» и «лантийцы» ни у одного порядочного человека добрых чувств не вызывали. Еще и двух поколений не прошло с последнего разорительного набега лантийцев на здешние богатые и плодородные земли. Теперь все, что находилось за северной и восточной границей, вызывало у крестьян боязливое презрение. Что же говорить о конных удалых отрядах, которые эту границу пересекли и творят бесчинства?.. Видимо, решил-таки новый царь проявить себя во всей своей твердости и суровости и навести железной рукой железный порядок, чтобы благодарили и кланялись простые люди своему повелителю. Что же, не зря, видать, поколебал он вековые устои и цепко ухватился за высшую власть, сбросив старого царя, слабосильного, но жестокого. В прежние-то времена бродили тут и там его солдаты, отбирали самогон, обещая не трогать сельских жителей; да только когда напивались, то все равно трогали. Теперь и армия робелийская выглядит другой, смотреть бы на нее и смотреть — так она одухотворена и готова вершить справедливость по приказу любимого и мудрого царя!

...Не робелийская армия шла на войну против негодяев и разбойников лантийцев. Тот полк, что пронесся по вечерним лугам, не был робелийским войском. И знамя

с белым зверем не имело отношения ни к одному местному аристократу. Правда, король готовил подобный поход и сам собирался возглавить его, чтобы еще больше прославить себя. Но не пришлось, и робелийские вояки остались без дела. Несколько дней назад еще одно лантийское войско перешло границу и устремилось к столице. И никто не помешал этому войску...

Войско с радостью и надеждой встречали в столице, и сам Шарбо вышел к заставе, когда в ворота входили воины. Ведь то было лантийское войско, посланное Паальхардами и Палатой на усмирение бежавших мятежников, несогласных с новыми законами, принятыми лантийской Палатой Законодателей, и пытавшихся поспорить славного короля Шарбо с нынешней властью Республики.

VII

Таккин Моллойн, бывший в Республике Апалант одним из самых значительных и уважаемых людей, слыл непревзойденным фехтовальщиком. Невероятная скорость движений Моллойна делала его неуязвимым для противника. Он побеждал на многих состязаниях, стремясь всегда быть на виду, пытаясь обрести популярность, подобную той, которой пользовался таккин Эдомед Паальхард. Но имя старшего Паальхарда, благородного вождя, великодушного судьи, морехода и сочинителя, лантийцы произносили не иначе как со святым благоговением и с трепетным замиранием в груди. Куда там Моллойну! Хотя и баловал он любителей зрелищ, ловя на лету горящий арбалетный болт и без оружия побеждая четверых всадников-копьемосцев. Хотя и не было секретом, что его мудрая и дальновидная денежная политика немало приумножила богатство города Лантиона. Хотя и был он другом Эдомеда Паальхарда. В уважении, которым пользовался он, не было любви. Может, потому, что в редкой его улыбке люди не находили теплоты. И он не печатал увлекательные истории о своих путешествиях. И не катал на плечах фермерских детей во время летнего отдыха, а предпочитал отсиживаться в своем замке, неделями не появляясь на людях. Он говорил, в замке у него умирает жена. Но жена неожиданно появилась в Лантионе и без лишних слов посвятила себя Богу. Моллойн перестал приходить в Палату и появляться перед народом. Сама судьба стала вредить Моллойну. Ключ одного из помещений казначейства сломался у него в руках, и в любом другом государстве это сочли бы преступлением, совершенным со злым умыслом. Но Паальхард прилюдно оправдал своего друга, а на обломки повесили печати и спрятали. Правда, другого ключа Моллойн не принял, а опять же заперся в своем замке, в котором немедленно случился пожар, и полностью сгорела одна его секция, а другая была готова обвалиться. И именно в те дни, когда приступили к перестраиванию и ремонту замка и работникам было заплачено вперед, откуда ни возьмись, приехал заросший густой бородой человек и показал бумаги, из которых следовало, что Моллойны уже пятьдесят лет как должны ему огромные деньги. Зарубить бородачу было никак нельзя, потому что появился он в сопровождении Старших судей Республики — таккинов Данелькоста и Милавеца, прибывших проследить

за соблюдением законов, а вслед за ними пожаловал епископ, чтобы освятить сделку и в очередной раз засвидетельствовать перед Богом торжество закона и справедливости, ставшее возможным благодаря достижениям Паальхарда. Потом сплетничали, что Моллойн раздумывал, не подать ли всем четверым отравленное вино, однако это ему не удалось, ибо счастливый бородач от вина отказался, отбыл на пристань, погрузил обретенное богатство на корабль и исчез.

Кто знает, не были ли эти неудачи и зависть к его другу и учителю, Эдомеду Паальхарду, той последней причиной, по которой таккин Моллойн решился на исход из родного отечества во главе неприкаянных головорезов, так и не научившихся какому-нибудь другому ремеслу, кроме военного. Люди, верные сейчас таккину Моллойну — это солдаты последнего войска Республики, набранного в обязательном порядке, по достижении ими семнадцати лет. Они были обучены, неизнежены и хранили общие воспоминания об одних и тех же походах. Друг для друга эти храбрые и суровые воины были все — и семья, и товарищество, и религия. Подчиняясь когда-то приказам молодого таккина Эдомеда Паальхарда, который тогда был лишь одним из многих таккинов, человеком деятельным и благородным, но еще не выдающимся среди прочих защитников Республики — эти солдаты, совершавшие чудеса храбрости, выказывавшие невероятную стойкость и преданность, никак не могли предположить, что пройдут годы и их слава затмится, а руки опустятся, не найдя себе мирного занятия. Разве могло служить утешением для славных когда-то воинов, героев победоносных походов, просто патрулирование границ и поддержание порядка в округах, надзор за занятыми своими делами лантийцами и в крайнем случае усмирение того или иного безобразника, нарушителя общественного спокойствия?

Не была лишена благородства и бескорыстия затея основать новое государство, что-то вроде союза солдатских лагерей с никому прежде не нужными робелийскими деревнями. Робелийцы платили бы налог Моллойну, а тот в свою очередь защищал бы их от произвола новоявленного короля Шарбо Первого. Моллойн, видимо, и вправду был тронут отчаянием бедных ветеранов войска, скитавшихся по Апаланту в поисках подходящего занятия. Хотя мало кого могли тронуть проделки этих вооруженных бездельников, которые пытались установить на юге Республики свои порядки и прокормиться за счет мирных лантийцев. Жители Республики настолько уже привыкли к довольству и отсутствию тревог, что даже не пытались оказывать сопротивление бывшим героям.

Моллойн отступил и покинул Республику, потому что не мог рассчитывать справиться с новым войском Паальхардов и их союзников. В войске, набранном из детей тех самых лантийцев, которые избаловались в роскоши и безопасности, и из таккинов, молодых и сильных, было многое, чего сейчас недоставало ветеранам, глотнувшим ветра свободы и безнаказанности, позабывшим об ответственности и не имеющим цели. В отличие от таккина Моллойна, который пытался своим ораторским искусством внушить ветеранам собственные высокие идеалы,

сами старые солдаты стремились лишь сохранить то, что у них и так уже было: независимость и дух товарищества; а дух этот все больше походил на круговую поруку разбойничьей ватаги. И потому эта ватага покинула родной Апалант, что надеялся Моллойн на помощь короля Шарбо. Нет, тот, конечно, не нашел бы лантийским ветеранам ни работу, ни место, где им жить, но вполне мог принять их за передовую армию Эдомеда Паальхарда. В таком случае была бы неминуема война с Робелией, и Шарбо Первый, несомненно, нанес бы урон Республике и Паальхарду.

«Тут бы Моллойн и развернулся», — думал таккин Аллед Паальхард, старший сын Эдомеда. Он ехал впереди полка, начальство над которым торжественно вручили ему на совещании Палаты Законодателей. Следом вели полки таккины Глидвиг и Кеенхостер. Таккин Глидвиг был наиболее опытен, однако за Паальхардом солдаты следовали с не меньшей охотой. С молодым Паальхардом многие связывали будущее Республики, поэтому как-то так получилось, что вокруг него собирались те, кто заботился и о своем будущем. Это были люди, навсегда связавшие себя с армией, дети самых уважаемых лантийцев, гордившиеся службой в элитной кавалерии. Видя их рвение и преданность Паальхарду, таккин Глидвиг отвел себе роль мудрого советчика.

Пришлось войско не уставало удивляться пустоте и разорению Робелии. Ехали в чужой край, и самых молодых сладко томило чувство дальней дороги, когда все встреченное в диковинку, ждали неведомые города, люди, языки и чудеса. Однако оказавшись в нищей стране, войско недоуменно рассмеялось, а потом прикусило губу. При виде завшивленных детей, которые, сверкая голыми пятками, удирали от иноземцев, встречаясь с сельскими жителями, которые плакали и валились в ноги Паальхарду, не в силах выдать из себя ни слова, лантийцы переглядывались в крайнем изумлении. Вперед были засланы трубачи-глашатаи от короля Шарбо, которые призывали народ не волноваться и объясняли, зачем пришло войско. Беда в том, что вскоре бравые трубачи исчезли и след их потерялся в бескрайних полях и сумрачных перелесках. И трудно было сказать, к кому на острие они попали — к лихим разбойникам или посланцам Моллойна, или же крестьяне не смогли вынести их заносчивого нрава.

— Бог с ними, с трубачами, — сказал таккин Кеенхостер. — Но робелийцы должны знать, что мы не завоеватели. Мы ведь скачем не в столицу, а в другую сторону. Все, кто знает тут о кознях Моллойна, поймет, что мы явились сюда по его душу. Впрочем, напишите на моем знамени: «Смерть захватчику Моллойну».

— Ни к чему портить свои знамена, — ответил таккин Паальхард. — Сделаем новое знамя с такой надписью и понесем его впереди.

Но многие робелийцы не умели читать и надпись не понимали, хоть и была она на их языке. И в потрепанных щелястых трактирах, мимо которых гордо скакали лантийские кони, говорил народ:

— Видать, пришло время! Мы видели наших освободителей и благодетелей. Настал конец ничтожному Шар-

бо. Скачет благородное войско — подчинить себе наши провинции, а в столице уже сидит наместник — честнейший человек и нравственности высокой. Лантийцы не грабят и не убивают; мешки их легки, но не отнимают они еду, а платят за нее золотом. И речи говорят дивные: слов не разобрать, да только все одно — образованные. Жаль, не учился я смолоду, колода неотесанная — а так пошел бы следом, нанялся бы в услужение этим всадникам!

Шепотом произносили эти речи, ибо не дремали по углам люди с дубинками: они никуда не делись!

Лето! Колосились травы, поднялась над лугами молодая дичь; лантийцы нужды не знали, опасности не боялись. Вернулись разведчики, проскакали меж костров — прямо к Паальхарду.

— Если не брать в расчет робелийцев, которые обманули послами Моллойна, то наше войско втрое превосходит противника! Он уже собрал всех, кого смог, и отступает — мы догоним его через день или два.

— А почему не надо брать в расчет робелийцев?

— Они разбегаются, — весело сказал разведчик. — При виде наших знамен их вера в Моллойна пошла на убыль. Еще немного, и нам выдадут его без всякой битвы.

На следующий день таккин Глидвиг первым снялся с места. Наблюдая, как его полк змейкой вьется впереди, Паальхард и Кеенхостер ехали во главе остального войска. Доверившись опытности Глидвигу, они просто следовали за ним, коротая время за разговором.

Разумеется, они говорили о недавних событиях, о той беде, которая пришла в Республику. Моллойн, начиная свое восстание, убедил многих влиятельных таккинов присоединиться к нему. Среди этих таккинов был и старший брат Кеенхостера — Моллойн ждал его, прежде чем отправиться за границу, но отряд Кеенхостера-старшего догнали и безжалостно истребили.

Сейчас Кеенхостер-младший сказал Паальхарду:

— Если бы мы с братом привыкли держаться вместе, то он, конечно же, принял бы сторону Палаты, как это сделал я. Ведь обратиться он ко мне за советом, за дружбой, я бы смог доказать ему, на чьей стороне справедливость. Но он предпочел оставаться в своем сумрачном одиночестве. Блеск Моллойна, безумная искра в его глазах, речи фанатика, его резкие суждения — все это соблазнило моего брата, который увидел в новом движении смысл своего существования, внезапно узрел высокую цель.

— Я виню себя в его гибели, — отозвался Паальхард. — Мы головы сломали, пытаюсь выдумать, как сохранить жизнь ему и его отряду. Я не участвовал в том бою, но как мог сдерживал солдат. И хотя мои приказания выполнялись, по лицам людей я видел, как недолго еще длиться их терпению. Мы уговаривали вашего брата, но он несколько раз срывал переговоры. С его стороны это было самопожертвование во имя идеи. Что же, остается лишь восхищаться его геройством; жаль, однако, что герой пал, отстаивая бредни этого Моллойна. Но кто-то словно шепчет мне, что я мог бы проявить еще больше терпения, больше настойчивости в уговорах, больше чуткости к вашему брату.

— Я вел бы себя подобно вам, — сказал Кеенхостер. — Мы должны быть последовательны в своих действиях, и если уж Палата осудила кровавых мятежников, среди которых по несчастью оказался и мой брат, то мы с вами не вправе уклоняться от исполнения полученных предписаний.

Некоторое время они соблюдали молчание.

— А известно ли вам, — неожиданно спросил Паальхард, — что некоторые влиятельные таккины были против столь скорого подавления восстания силой оружия? Между прочим, среди них был и мой отец, таккин Эдомед Паальхард. Он считал, что Моллойн еще способен поддаться уговорам и прекратить свое выступление.

— Мне это известно, — кивнул Кеенхостер. — Однако даже такой добродетельный и миролюбивый человек, как ваш отец, был вынужден согласиться с нашими доводами. Нельзя было дожидаться, пока о беспокойстве вокруг Моллойна заговорит вся Республика. Тогда нас действительно могли бы осудить за расправу над своими же согражданами — а лантийцы отвыкли уже от всякого насилия, даже если оно вершится с благородной целью. И нельзя было, чтобы народ узнал о жестокости самого Моллойна, о его свирепых наказаниях для провинившихся, которыми он словно повторял кровавые безумства королей древности.

— Я слышу эти слова не впервые, — сказал Паальхард. — И нахожу их вполне разумными. Но все-таки иногда приходит сомнение, и я горько размышляю о двойственной природе жестокости, о ее правде и неправде. А отец мой рассуждает об этом еще больше и еще горче.

Кеенхостер посмотрел на собеседника долгим взглядом, словно напоминая о каком-то давнем разговоре, но Паальхард опустил голову и молчал.

— Да, мой брат погиб как герой, — заговорил Кеенхостер. — Но его судьба для нас не тайна. Всего лишь еще одна история искушения, стремительного падения и гибели — об этом мы знаем по многим книгам. Однако есть и другая история, история непонятная, и разгадать ее таккины не могут уже два месяца... Я говорю теперь о вашем брате.

— Я вынужден просить ваших объяснений, — сказал Паальхард, видя, что его собеседник замолчал и так же выжидательно смотрит на него.

— Исчезновение Альгрин Паальхарда многих сбило с толку, — сказал Кеенхостер. — Тем более что оно совпало по времени с бегством в Робелию последних недобровольных. Конечно, никто не может заподозрить шестнадцатилетнего юношу в сговоре с мятежниками, вернее, в злом умысле. Однако он мог обмануться, допустить оплошность и в итоге оказаться там, где ему угрожает смертельная опасность.

Прошла минута, но Паальхард не ответил. Прискакали от Глидвигу с известием о том, что войско Моллойна развернулось и приготовилось к обороне.

Кеенхостер сказал:

— Я хотел бы просить вас, Паальхард, чтобы вы не рисковали. Вы — гордость и знамя всего лантийского народа. Оставьте свой полк в резерве.

— Да и вы, друг мой, ценны для Республики, — с удивлением ответил таккин Паальхард. — Вам прочат место Моллойна — место председателя финансового управления.

— Ну, раз мы такие важные фигуры, пустим вперед одного бесстрашного Глидвига, — с грустной иронией сказал Кеенхостер. — Он просто отчаянный рубака, любимый солдатами ветеран, готовый отдать свою жизнь за нас с вами. А его боевое счастье будет зависеть от молитв двух очаровательных дочек-близняшек, которых он всегда отрывает от сердца, отправляясь в поход. Думаю, молитвы их горячи и искренни, поэтому Глидвигу ничто не угрожает.

— Видите, друг мой? — сказал Паальхард. — Мы все должны рисковать одинаково. По мне заплачут мягкосердечные лантийцы из удаленных деревень, по вам будет скорбеть Палата законодателей, а Глидвиг оставит сиротами двух ни в чем не повинных малышей. Поэтому давайте больше не будем считаться незаменимостью и просто пойдем в бой. Уж втроем мы как-нибудь одолеем забяку Моллойна.

— Тогда последнее, — понизив голос, сказал Кеенхостер. — Мне может не повезти в битве. В таком случае, вы лишитесь не только друга, но и доброго советчика. Поэтому не забывайте мои прежние советы. И особенно те предположения, которые я высказал вам вчера. Вы помните?..

— Вы мало смыслите в том, что касается моих отношений с семьей, — ответил Аилед Паальхард. Видя, что Кеенхостер упрямо поджал губы, он продолжал: — Но не будем торопиться. Я думаю, у нас еще будет время обсудить ваши предположения.

Через некоторое время они распрощались, и Кеенхостер встал во главе своего полка, отделив его от основной колонны. Его знамя развернулось справа от Паальхарда; Глидвиг уже было не видать впереди — он отправился налево, собираясь отрезать противника от дороги. В том случае, если «истинные таккины» побегут, то они окажутся в болоте, или же Глидвиг перебьет их, не оставив им времени и пространства, чтобы выстроить ряды.

К Паальхарду обратились его офицеры — телохранители, старшие товарищи, друзья — всегда неотлучно находившиеся при нем. Их все звали «дяди», потому что они и правда опекали Аиледа, как любимого племянника; это были люди, которым он полностью доверял. «Опыта в таком деле у вас, прямо скажем, мало, — сказали «дяди». — Незачем оставлять сзади весь наш полк, но впереди него вам ехать не следует».

— Что же, друзья, вы предлагаете начальнику остаться сзади? — спросил Паальхард. — Может быть, посоветуете не поднимать оружие, чтобы, не дай бог, кто-нибудь с испугу не пустил в меня стрелу? Вы закроете меня щитом, будете перехватывать за меня удары? Нет, следуя вашим советам, боясь отвлечься и забыть ваши наставления, я не смогу руководить боем. В схватке появляется какое-то чувство, оно захватывает, оно ведет — как будто летишь, не боясь разбиться. Я постараюсь довериться этому полету. А вы, — добавил он с хитрой улыбкой, — лишь не отставайте от меня. Если я отдам, например, приказ повер-

нуться и трусливо убежать прочь, я позволяю вам крепко дать мне по шее.

Войско приостановилось, чтобы подтянулись те, кто ехал сзади. Прискакали разведчики и принесли известие, что работы противника по сворачиванию лагеря прекратились. Бросив все, люди Моллойна бежали к своим коням и вооружались для битвы, ряд за рядом выстраиваясь на открытом пространстве между рощами. Обе деревни, что находились неподалеку, опустели. Люди попрятались; перестали петь птицы, только настойчиво повторяла свое предупреждение невидимая кукушка. «Хоть бы пристрелили ее, что ли, — сказал кто-то. — Еще накликает беду, бесова птица». В ответ раздался смех: «Малой пташки испугался! Тебе бы поклониться ей и попросить благословения — кукушка лучше тебя, ей не убивать. Выше нос и следуй за знаменем!»

Паальхард выхватил саблю и взмахнул ей, как огромный кот поводит хвостом, любуясь ей — лишь ему понятны те движения, его торжество и стать.

— Не будет беды! — воскликнул таккин. — Презирайте дурные мысли — они посланы, чтобы смутить нас. Пусть против нас искусные воины и лучший боец среди таккинов: мы тоже не беспомощные дети и верим в наше дело — о, друзья мои, все у нас будет здорово! Ведь счастливы наши семьи в Республике, смеются дети, они сыты, с ними матери, и скоро с ними будут отцы! Отцы, вернувшиеся с победой! Мы знали, что придется драться за все наши достижения, за блестящее будущее Республики, чтобы славны были не его гербы, и значки, и флаги — о, славны были люди и их жены и дети. Я дрожу — о, бой, схватка, убийство, кровавое безумие... Но ведь со мной лантийцы, и за них — за вас! — я сражаюсь. Я поеду впереди всех, я сшибу с коня этого Моллойна, разбойничье-го вожака! А потом мы вернемся домой.

На гребне холма показались всадники. Это был дозор противника. Кеенхостер, который давно выстроил свой полк в две линии — длинную впереди и короткую позади — послал конных лучников отогнать дозор. Но люди Моллойна не испугались. Они затрубили в рог, и послышался приближающийся гул, топот копыт и крики; в небо стала подниматься желтая пыль и комья земли. Сожженные ночью поля напоминали южную безводную степь; Паальхард удержал свой полк от быстрой атаки, проскакав вдоль рядов и призывая всех к спокойствию. Он смеялся, сам не замечая этого, и сжимал саблю, показывая им в сторону противника.

— Все они, люди Моллойна, были людьми без сердца и души! — кричал он. — Мы такими не будем. Мы не опозоримся зверством — пленных щадите! Да здравствует Республика, славен наш Апалант! Будем помнить об этом, друзья...

Раздался сигнал трубы Кеенхостера, и он сам помчался впереди своего полка, помахав издали Паальхарду. Ответили трубы Глидвига, и левый край войска двинулся также; высокие дубы скрыли его от взгляда Аиледа. Сам Паальхард глубоко вздохнул и закрыл глаза. Он увидел юную свою жену, Теодору Паальхард, и нежно коснулся ее руки.

«Я тут», — шепотом сказала Теодора.

— Что же, подеремся! — громко сказал Паальхард. Он подмигнул «дядям». Его полк двинулся.

VIII

Вокруг города просыпались луга. Расправляли плечи съездившиеся деревянные дома и сараи, ворочался скот, зевали фермеры, готовясь забыться в привычном круговороте бытия. Навстречу светлеющему небу взлетали стайки птишек, возвещая остальным о радостной и чудесной новости — восходе солнца. А город ждали дела за высокой и мощной стеной; дела, непонятные птицам, кого-то ведущие к богатству, кого-то к бедности, радостные и утомительные, полезные и рожденные тщетой и обреченные на неудачу. В квартале, близкому к рыбным рядам, у приземистой церкви для бедных приютился опрятный каменный домик с низкой квадратной трубой. Вечерами в домике готовили ужин, и церковь окутывалась тогда клубами ароматного белого дыма. В домике жил настоятель этой церкви. Доход от церкви был небольшой, но на судьбу настоятель не жаловался. Однажды он спросил совета у Господа, и поздней ночью, в слезах проникновения души в небесные кущи, утомившись болью в пояснице, коленях и унылым стрекотанием сверчка, он получил этот совет. Теперь бедный настоятель, вопреки церковным традициям и правилам, тайно сдавал одну из комнат заезжему актеру, или клоуну, или фокуснику — настоятель затруднялся дать ему верное определение. И правда, кто их разберет, певцов человеческих страстей, чуждых церковным устоям, самоотречению и жертве во имя высшего блага?

Актер, однако, платил вовремя. Но домой приходил только на ночь. Всегда заносчивый и высокомерный, он был несдержан на язык, и порой настоятель с ненавистью смотрел ему в спину, не желая мириться с резкими словами постояльца, отпущенными по тому или иному поводу. Но в следующую секунду губы сами шептали молитву, прося о снисхождении к падающему сему, заблудшей душе, которой, видимо, грозило в будущем свидание с демонами загробного мира. Актер считал себя невероятно искусным. Он вечно вспоминал о прежних победах в дальних городах и неизвестных настоятелю странах, любил припомнить и ту или иную красотку, сраженную его обаянием и оставшуюся на ночь в его объятиях, также не стеснялся и веселых историй, сдобренных непристойностями, услышанных им в самых черных закоулках человеческого общества. Нередко настоятель слышал такую его речь:

— А что, брат, — низким и певучим голосом говорил постоялец, — вижу, с каким веселым удивлением и нетерпением шевелятся твои уши, когда веду я с тобой приятные беседы, как жаждешь ты поддаться однажды тем же искушениям, которым поддался в своей юности и я, как рвется наружу из этой нищей церкви твоя скомканная в ладонях судьбы, но прекрасная и озорная душа! Хочешь, я научу тебя стоять на голове и подкидывать цветные шары на потеху толпе? Заработок верный, да и удовольствия до конца твоих дней тебе достанется, сколько не познают и десять таких же настоятелей, убирая грязь и обертки от леденцов на полу церкви после проповеди!

— Прости его, Господи! — шептал настоятель, — Темен путь к свету этого раба твоего! Но как ни жестоки его шутки, не вредят они мне и не отвращают мое сердце от святого служения...

Этим утром, когда настоятель скрылся от актера в своей церкви, а сама церковь налилась бледно-розовым светом, встречая поднимающееся солнце, актер направился в сторону развернувшейся на днях ярмарки. Вчера он нанялся играть там в одной известной комедии; он знал наизусть много ролей и был знаком со многими другими актерами; и вот полужнакомый директор театральной труппы принял его на временную работу.

Проходя по одной улице, глубокой и узкой, разрезавшей огромные кварталы прямой застарелой морщиной, потерявшись взглядом в обманчивых рассветных тенях, актер не заметил женщину, распростершуюся поперек мостовой. Его нога уперлась в нечто мягкое и податливое, и раздался жалобный вскрик. И актер понял, что эта нищенка начинает свой день, обещавший быть ясным и погожим, безропотно встречая грудью удар его острого ботинка. Первое, что она сделала, проснувшись, это попросила прохожего, наступившего на нее, о «маленьком любезном одолжении». То есть с момента пробуждения принялась за привычную повседневную работу.

Надо сказать, что нищих в городе было невероятно много, и не все из них были грязны, больны, усталы; и не все были нищими. Так получилось, что в одном тайном месте, в глубоком зарешеченном подвале, запертом на несколько хитрых замков, хранились денежные запасы столичных отщепенцев, казалось бы, обреченных на медленное умирание в равнодушном к их судьбе городе. И те нищие, кто знал про общие деньги и исправно отдавал главарям половину своего заработка, умирали с надеждой, что когда-нибудь они получат обратно этот драгоценный вклад, обретут заслуженное богатство и уйдут прочь, купаясь в роскоши и наслаждениях.

Актер, запнувшийся о нищенку, не знал наверняка об этих деньгах и организации низших слоев общества, но догадывался; и всей душой презирал тех, кто не работал, но ползал в грязи, вымаливая у честных граждан часть их денег. Правда, сейчас его царапнуло странное ощущение, что нищенка эта не похожа на хитрую лису. Нагнувшись, он разглядел ее внимательнее, чем всех прежде встреченных людей подобного сорта.

Либо она была сильно измождена и, возможно, избита, либо ее синяки на лице появились из-за болезни или смертельной усталости. Несомненно, она была голодна. Актер отступил, брезгливо отдергивая полы кафтана; он все напряженнее вглядывался в гибкие тени улицы и не мог понять, почему он не продолжает свой путь, как это делал всегда в таких случаях. Ему вдруг показалось, что женщина незряча: она глядела мимо него и что-то шептала обескровленными губами. Но вот она заглянула ему в глаза, и актер увидел ее немую и иступленную мольбу. Он в отчаянии сжал кулаки и взмахнул ими, потому что понял, что все еще смотрит на нее.

— Да кто ты такая, наконец? — закричал он. — Почему держишь меня взглядом? Что мне до тебя? Не думаешь ли ты, что я совершил роковое преступление, наступив

на тебя? То была случайность, и не годится мне потакать твоему безделью и праздности только из-за одного неосторожного шага! Отвяжись, оборванка!

Но она уже и не видела его, скорчившись на мостовой. Казалось, она готовилась к рыданиям, но на них не хватало сил. Актер увидел, что по ее грязному платью бегают насекомые, а на шее налилась воспалением гнойная рана.

— Как я ненавижу людей! — пробормотал актер. — О, эти вечно униженные создания; униженные кем-то, кто не позаботился об их судьбе, не преподнес им священ-

ной чаши с напитком по имени «счастье», не провел за руку по лабиринтам мироздания к достойному финалу! Ах ты, грязная-попрошайка, что ты делаешь со мною? Исчезни! Сгинь! Провались сквозь землю, и пусть я больше никогда не встречу с тобой!

Но этого не произошло, женщина сидела у его ног, не меняя позы. Она издавала едва слышные звуки, из последних сил умоляя прохожего, но тот и без всяких слов знал, что ей нужно. Сделав последнюю попытку уйти, он вдруг с изумлением понял, что ноги его не слушаются. Как во время приступа болезни, в виске застучала кровь, свело скулы, и актер понял, не сделает ни шагу без этой женщины. Тогда он громко и страшно расхохотался, огласив окрестности чудовищной бранью.

— О, я понял! — закричал он. — Ты моя воплощенная совесть! Так мы, время от времени, запинаясь о тебя, вызвав твое несвоевременное пробуждение, и тогда ты не даешь нам покоя! Я так и знал, что моя совесть выглядит как грязная оборванка и валяется где-нибудь в чужом городе носом в холодной луже. Убить бы тебя, да только тот, кто подстроил мне такое страшное свидание, не захочет отпустить свою жертву так просто! Не сомневаюсь, что если ляжешь ты с разбитой головой и испутишь дух, то за углом меня будет ждать еще менее приятная встреча! О, та совесть будет куда настойчивей! Она будет хватать меня за ботинки своими цепкими пальцами, будет угрожать мне и осыпать насмешками. Скорее всего, за углом я натолкнусь на отчаявшегося оборванца, способного зубами перегрызть мне горло. И последнее, что я сделаю в этой жизни — увижу в его взгляде твой взгляд, о моя преступная совесть!

Актер не знал, как он близок к истине. За углом он наткнулся бы на Трунеля, юного раскаявшегося разбойника. В это утро его выпустили из караульного помещения, не найдя за ним никакой вины. Бродяг было запрещено пускать в город после захода солнца, поэтому всех подозрительных, кто появлялся на заставе поздним вечером, задерживали и заносили в книгу, а наутро отпускали. Так поступили и с Трунелем. Он чувствовал себя больным и разбитым после вчерашних скитаний, а также после беспокойной ночи на заставе, когда он почти не сомкнул глаз у холодной и сырой стены. Оказавшись в большом городе, смутившись видом высоких богатых домов, Трунель отчаялся. Он почувствовал себя мышонком, который попал на дно глухой бочки, а над ним смеются физиономии хозяйских детей; и вот дети взяли прутик и готовы ткнуть мышонка. Шатаясь, Трунель выбрал место, куда пробились уже сквозь широкие карнизы крыш утреннее солнышко, и прикорнул у цоколя каменного дома, на минуту забывшись сном. То позорное занятие, которому он решил предаться сегодня, казалось ему первыми шагами к искуплению своих прежних походов. Проснувшись, он собирался просить подаяние.

Тем временем настоятель церкви, подготовившись к утренней службе, позволил себе посидеть на лавочке у крыльца и подумать об отстраненном, не связанном с кротким своим служением и даже не имеющем отношения к религии. Его мысли растекались где-то далеко, где он даже не мог различить их и дать им название. Скорее

всего, он всего лишь радовался приятному утру и ждал скорого момента, когда солнце покажется из-за высоких домов и ласково взглянет на лавочку. Он часто сидел так по утрам, пока не начинали собираться прихожане, кланяясь ему и входя, полные благостных мыслей. Он не всегда признавался себе в этом, но порой оторваться от созерцания чистого, открытого перед ним по чьей-то воле неба и вернуться под темные своды церкви было чрезвычайно жаль.

Однако нынче его отвлекли от обычного утреннего отдыха отнюдь не прихожане. Услышав шаги, он опустил глаза и с изумлением увидел своего актера в обществе женщины совершенно непривлекательного вида. Актер направлялся прямо к ограде, не отводя от настоятеля взгляда, полного мрачной иронии; его спутница плелась следом, едва переставляя ноги.

— Чего это вы брови подняли! — крикнул актер. — Не видали таких, как эта? Ну-ка, приготовьте ей поесть, да еще ванную и постель. Поживет со мной недельку, а то не знаю, куда ее деть.

— Как низко вы пали! — в ужасе сказал настоятель. — Но вы-то ладно... Однако женщина не должна ночевать в одном доме со священником. Тем более если она грязна и, возможно, опасно больна.

— Так ночуйте перед алтарем, — посоветовал актер. — Там вы скорей познаете вашу пресловутую суть и наполнитесь всякой святостью. Кстати, вы правы насчет болезни: необходимо позвать к ней врача... Да не думайте, платить вам не придется. Наоборот, я заплачу вам за заботу об этой несчастной.

И он отвел женщину в дом.

— Я раньше не замечал за вами подобной доброты, — сказал настоятель, смягчившись при последних словах актера. — Вы должны признать благотворное воздействие близости храма. То, что вы каждое утро и каждый вечер проходите мимо его ограды, видите его стены и ощущаете рядом присутствие незримых его хранителей, не прошло даром даже для такого погрязшего в мирской суете человека, как вы. И вы не смогли не исполниться милосердием, не смогли не смягчить свое сердце. Благослови вас Господь!

— Мне это ни к чему, — проворчал актер. — Пусть он лучше вас благословит, когда будете пересчитывать мои деньги. Мне совершенно безразлична эта нищенка, что бы вы себе ни воображали. О себе забочусь, о себе! Не смог пройти мимо этой убогой... Зацарапало. А мне сегодня предстоит играть в комедии. Хорош бы я был, выйдя на подмостки с таким царапаньем!

Имя актера, столь обожавшего себя и дорожившего своим душевным покоем, любившего ясность и простоту в отношениях со своей совестью и боящегося, однако, одного воспоминания о ней (видимо, такие неприятные случались иногда воспоминания), было Трентиль. Актер Трентиль, и известным он в свое время не стал, а теперь было поздно — подкрадывалась старость. Работал он в нескольких местах, радуясь, что осел, наконец, в таком городе, где есть театры и часты ярмарки, у горожан водятся деньги, а сами они обожают увеселения и театральные представления. Только чаще всего он заду-

мывался о наследнике, ученике и друге, и задумывался невесело, потому что характером обладал неуживчивым и придирчивым. Видимо, по той же причине и семьей не обзавелся.

В начале осени театр, обосновавшийся в одном из районов столицы, ставил комедию. Актеры и актрисы были чувственны и общались друг с другом на «вы», манерничая при каждом удобном случае. Все они думали о себе с восхищением, молясь Господу о сохранении этого высокого чувства, чтобы не покинула их Его благодать. И молились они, не вспоминая молитв дословно; достаточно было видеть своих друзей и наслаждаться близостью их. Актеры играли, повторяли роли, а сзади зияло бесконечное голубое пространство, как лед, как метель во время солнца; было холодно, но холодные струи воздуха подгоняли актеров, и они торопились жить и думать словами пьесы. Во время холодных порывов ветра им виделись золотистые крыши и флюгера, паруса, которые пламенели над рекой как знаки чего-то высшего, как знамение лучшей жизни. Представлялись обрывы, скалы; вот босой мальчик пасет коров над морем, слышится песня в деревне, близится ночь, готовят ужин. К небу стремились взгляды актеров; веселый и торжествующий директор кричал на них и командовал, вытирая слезы — слезы большой радости. Все получалось, все глядели на небо, которое было вокруг.

А вот новый актер, с ним всех познакомил директор. Актера зовут Трентиль, он сжимает кулаки и бросается на роль, страшно ревнуя ее к другим; он смеется и плачет,

заставляя смеяться других; он тоже видит паруса и небо, но у него еще больше солнца и счастливого восхищения собой, он уничтожает тех, кто играет рядом с ним. Директор кричит ему:

— Эй, Трентиль! Неплохо бы вам повернуться лицом к партнерше! Обратите на нее внимание, ответьте на ее умоляющий взгляд! Зритель должен видеть не только вас, господин мой!

Тот отвечает:

— Бог с вами, директор! Пусть и она, моя любезная партнерша, не смотрит на меня. Хоть мы и сами по себе, это не портит комедии: напротив, мы еще любопытней зрителю. Тот привык к своей личности, замкнутой в собственных представлениях, личности, не понятой всеми остальными! Пьеса не столь комична, как вам хотелось бы? Что же, зато она более жизненна. Персонажи не замечают друг друга, они поглощены собой, они поглощены своим будущим: каждый хочет завершить собственный образ!

— Что же вы скажете о вашем будущем в моем театре? — спрашивал директор.

— Хо! — говорил актер, выпячивая грудь и прохаживаясь по подмосткам. — Я буду, наконец, замечен публикой. Хоть и не в почете пока наша профессия у простых людей, но слез они прольют немало, наблюдая комедию, которую я сыграю для них! Теперь и вы прославитесь рядом с Трентилем, теперь и ваш театр будет желанен на каждом празднестве в Робелии! Вы, директор, станете моим преданным поклонником и терпеливым начальником, который осознает, наконец, мою значимость, осознает, как я необходим его театру, как сильна магия моей игры и как я любим зрителем!

Однажды Трентиль привел в театр юного оборванца, на которого сначала не обратили внимания. Бедный юноша опустил голову и стоял поодаль, со святым трепетом наблюдая за Трентилем, который горячо доказывал что-то директору театра. Директор пожимал плечами и отмалчивался. Те актеры, что проходили мимо, украдкой поглядывали на новичка, не желая выдавать ему свое любопытство, пряча его за презрительными усмешками.

Молодой человек лет шестнадцати был худой и глазастый; чем-то был он похож на неразвитого щенка охотничьей собаки. Темные волосы его, должно быть, вились, но грязь тому мешала; уши были настороженные и открытые, из-за чего хихикали молоденькие актрисы: да, парнишка был лопухий. Съезженные плечи, но развязная поза, когда он облокачивался на стойку кулис; закушенная губа, но хитрый взгляд со странного, не по-здешнему заостренного лица, словно юноша готовил неожиданный заговор, конец света, потоп, а театр вдруг привлек его внимание и может быть использован в замысле... Кто это? Почему Трентиль привел его?

— Полюбуйтесь, — говорил Трентиль. — Встретил его на улице — я в последнее время интересуюсь всякими оборванцами. Так вот, встретил — он кувыркался в пыли и бил себя кулаками по голове. Уж не знаю, что его подвигло на такие действия, но я думаю, он репетировал роль городского сумасшедшего. Роль удалась; и я ухватил его за пятку и предложил ему познакомиться с вами, ува-

жаемый директор. Если он подойдет вам, забирайте. Я буду иногда учить его своему искусству и сделаю из него великого актера — если только вы согласны кормить его год-другой.

— На что он способен? — спросил директор. — Выглядит он довольно жалко; у меня вот-вот польются слезы.

— Хо! Это само по себе говорит о его таланте, — сказал Трентиль. — А еще он ловкий и гибкий, а главное — отчаянный. Не боится падений, ушибов... Эй, мальчишка! — крикнул он. — Поди сюда! Директор устроит тебе просмотр. Да гляди, не подведи меня!

И перед директором театра молодой оборванец читал стихи и обрывки монологов и своим знанием некоторых текстов он весьма удивил директора. Начиная актер кувыркался, без страха падал на спину и ходил на руках, не переставая улыбаться. Он давно не ел, поэтому, действительно, улыбка его, когда он изгибался колесом и позировал перед директором, была сродни последней жертвенной слезинке замученного ради высокого искусства. Директор вздохнул и сказал Трентилю:

— Вы нашли неплохого акробата... Но как он говорит! Это же язык деревни, грубая пародия на изысканность столичных салонов и фарс, такой же, как в одной пьесе, где пастух поменялся местами со своим владетельным господином и соблазнил его жену. Что же делать с его языком?

Актер Трентиль, с гордостью наблюдавший за проделками приведенного им новичка, покраснел от ярости.

— Вы говорите не с кем-нибудь, а с самим Трентилем! — воскликнул он. — Хоть я и был недостаточно усерден и постоянен в покорении сердец тех зевак, что наблюдали за моими представлениями, хоть и любил я иногда прогнать грусть вином и веселым обществом, что мешало моим собственным упражнениям в актерском мастерстве, но во всем, что касается моего ученика, я буду проявлять твердость и настойчивость! Я сделаю из него великого мастера, я научу его манерам салона, бесшабашности беглого каторжника, скромности монаха, удали степного всадника, покорности крестьянина и недоверчивости поэта! Вы услышите, как он заговорит на разных языках: наречии корабела и сапожника, купца и вора, придворного и тюремщика! А ну, мальчишка, покажи нашему директору, чему я тебя уже успел научить?

И парень, совершив последний кувырок, упал на колени перед директором и залился слезами, схватив того за руку. «Господин мой! — вскричал он нестерпимо тонким голосом. — Верьте моему учителю, он наставит на путь истинный своего нерадивого ученика! Разве вы не видите, что он самый великий, самый искренний и блестящий из всех актеров? О, я не смею и мечтать стать таким, как он, однако хотя бы десятую часть его мастерства я постараюсь постичь. О, господин директор! Позвольте мне остаться при театре, или хотя бы позвольте издали следить за таинством, которое вершится здесь, на этих священных подмостках!»

— Негоже вам плакать, юноша! — сказал директор. — Не к лицу это почти взрослому человеку, даже если вы и нарочно играете роль страдальца, а мне приписали роль вашего благодетеля. Я насмотрелся комедий, хороших

и дурных, и не вам удивлять меня. Трентиль, «искренность» вашего ученика тронула меня, он пригодится театру. Я дам ему роль уборщика... Эй, парень! Ты умеешь наводить порядок, таскать тяжести, чистить медь, чтобы она сверкала, красить деревянные перила и ступени подмостков? Догадываюсь, что не умеешь. Однако если ты не научишься всему этому к сегодняшнему вечеру, то снова окажешься неприкаянным бродягой. Теперь у тебя есть работа и крыша над головой. Вернее, не совсем крыша. Загляни-ка под подмостки, там найдется для тебя угол.

Следующие два месяца юноша был при театре, терпеливо исполняя свои обязанности, не заводя ни с кем дружбы. В это время строилось высокое деревянное здание для этого театра; ученик Трентилия трудился вместе с наемными плотниками, стараясь больше всех, стремясь к похвале и поощрению.

И был он робок, глаза его глядели жалобно. Словно хотел почувствовать доверие к кому-либо из тех, с кем жил и работал, но не мог. Поначалу он вообще не разговаривал, мотаясь туда-сюда, беспрекословно подчиняясь окрикам строгого директора и бригадира плотников. А актер Трентиль сначала не обращал на него внимания, вопреки обещанию учить его. Только по прошествии нескольких дней актер подошел к юноше.

— Наконец ты привык к театру, — заметил Трентиль. — Теперь время приступить к твоему обучению.

Пока строился деревянный театр, актеры занимались прямо на улице, на том помосте, что был сколочен еще весной и под которым спали теперь те из них, у кого не было денег на квартиру. Помост скрипел, и иногда казалось, что он обречен рухнуть. Тем не менее актеры ничуть не смущались этим и даже отпускали мрачные шуточки: мол, кому из них предстоит быть погребенным под обломками.

А на соседней площади строили другой помост. В далеких южных лесах изловили последних врагов короля Шарбо. Сами они называли себя «коалицией разумных оппозиционеров», а народ их звал, само собой, душегубами. Теперь душегубам надо было рубить головы, и помост для этих целей воздвигли куда быстрее театрального.

Раз мимо театра провезли под охраной одного из пойманных преступников. Народ провожал глазами повозку, в которой сидел угрюмый человек, совершенно не интересовавшийся происходившим вокруг. Кто-то смотрел на него с ненавистью, а кто-то с сочувствием. Шептались, что этот человек не просто выступал против короля, но и сносился с таккином Моллойном, предлагая ему помощь в завоевании Робелии. Трунель стоял в смнении: при звуках имени Моллойна на него снова нахлынули ощущения той ночи, когда он сжег дом. Перед его закрытыми глазами вставали языки пламени и тот человек, которого он ударил клинком в таверне. Он вдруг подумал, что еще не испытал наказания, которое должно было бы послать ему небо. Однако он не мог бы ответить, являются ли достойной карой его тяжелые мысли и приближающееся, как он считал, тяжелое безумие. Тем временем улица возвращалась к обычному ритму жизни; она наполнилась звуками шагов и разговорами, а рабочие продолжили стучать молотками. В это время актер Трентиль подошел к своему ученику и мягко взял его за плечо.

— Мне понадобится твоя помощь, — сказал он. — Волею обстоятельств у меня живет одна женщина, она чужая мне, и она больна. Врач сказал, что смерть ее близка. Мы с моим другом-священником весьма заняты в эти дни, но и без того ее стоны уже утомили нас. Ты будешь при ней неотлучно до последнего часа и, как сможешь, скрасишь остаток ее жизни.

— А как же моя работа в театре? — спросил Трунель.

— Не беспокойся об этом. Тебе не нужно репетировать больших монологов, как мне, да и вообще учить текст — твое дело показывать трюки. Если захочешь, сможешь потренироваться подле умирающей.

Вечером, когда актер повел ученика к себе домой, навстречу им несколько раз попадались люди, обсуждавшие предстоящую казнь. Трунель, прислушиваясь к их разговорам, не переставал думать, что и он заслуживает казни. Но опасаться разоблачения вроде бы незначительно. Едва ли кто-то запомнил его по лагерю, ведь он разговаривал только со своими товарищами, а они погибли. Но чувство безнаказанности не приносило облегчения. Воспоминания и мысли о тех, кто, как и Трунель, изменил своей стране и потерпел крах, настойчиво вертелись в голове.

Актер Трентиль тоже высказался по поводу предстоящей казни:

— Теперь они получают то, что уготовляли нам. Надо же, едва у нас появился достойный король — и заложил начало новой, надеюсь, многовековой династии — как тут же вокруг развелись завистники и слабаки, которые — надо же! — не просто выступали против нового политического курса страны, но даже предложили свои услуги иностранной державе, извечно враждебно настроенной против нас. Они предали не только государство, они предали красоту.

— Какую красоту? — удивился Трунель.

— Король — это красиво, — объяснил актер Трентиль. — Наша страна много вынесла за последний век. Менялась власть, менялись законы. Но не менялась людская злоба. Ничто не могло заставить людей чувствовать связь между собственной добротой и дорогой к процветанию государства. Теперь у власти король, которого могут полюбить. Для простого человека не нужны силы убеждения и политики. Но зато как укрепляется вера в короля, когда смотришь на грандиозный военный парад, когда несут флаги и блестящие алебарды. По приказу короля привезли слонов и раскрасили их в государственные символы, теперь они ждут своего выхода. А посмотри, как красиво поднимается над городом королевский замок, как неприступен он и величественен. Ты можешь возразить, что люди не стали жить богаче и привольнее, но я отвечу: этого не будет никогда! Народ, приученный к бедности, перестает считать ее бедой, и будущий подвиг короля в том и состоит, чтобы заставить народ полюбить свою страну, несмотря на ее недостатки. А подлые мятежники не видят красоты и тешат себя заграничными сказками! Теперь-то конец их сказкам.

— Не смейтесь над их страданиями! — воскликнул Трунель. — Может, они были обмануты или запуганы — но даже если добрая воля заставила их предать нашу

страну ради чего-то большего, ради надежды на поворот к лучшему? Что греховного для него выбирать себе союзников, и в чем беда, если он выбрал в друзья тех, кто говорит на другом языке?

— Греховного?.. — сказал актер. — Вот уж нет! Вообще не знаю такого слова!.. Но если ты выбираешь таких союзников, то врагами твоими оказываются те, кто говорит с тобой на одном языке, то есть — твои друзья, родные. Ты предаешь их, пойми! Как предал этот человек, которого провезли сегодня мимо.

— Может, у него не было ни друзей, ни родных? — сказал Трунель. — А может, просто предавая эту грязную страну, он искал чего-то, искал красоты или покоя? Предавая Робелию, он желал блага своим родным? Уж конечно, какие могут быть родные, когда король требует совсем другого! Король ждет, чтобы ему носом тыкались в колени и лепетали слова восхищения. А кому-то просто захотелось вырваться из грязи, туда, где нет короля!

Актер погрозил ученику кулаком:

— Ты гляди!.. Донесут..

После чего стало поразительно тихо; они ушли с оживленных улиц и приближались к затерянной в садах церкви. Сквозь шелест яблоневых листьев слышно было жужжание пчел и плеск далекого источника. Актер тем не менее оглянулся по сторонам, словно боялся, что их разговор услышат. Он уже успокоился, и улыбнулся, собираясь успокоить разгоряченного ученика, и протянул руку, чтобы потрепать его по плечу. Но Трунель отвел его руку, забыв о почтительности. На секунду он перестал видеть актера. Приближалась волна удачи и безразличия к правилам, когда ты один против целого мира. Сейчас он вновь был готов на преступление.

— А, вы боитесь доноса! — сказал он и продолжал, не понижая голоса, пуще прежнего сверкая глазами из-под упавших волос: — Так зачем вам эта грязная страна, где на вас могут донести, где властвует неизвестно кто, неизвестно как вошедший на трон? Почему нельзя выбрать другую? Если хотите знать — я выбрал.

Актер усмехался, оправляясь от смятения, в которое его привели неожиданные речи и ярость своего ученика.

— Вот дурак-то! Эка невидаль — грязь, — сказал он. — Так уж заведено, что лучшие люди должны ползать в грязи, глотать ее и ею умываться. Мы с тобой, мальчишка, и оказываемся лучшими людьми. Посмотри-ка на толпы всякого самоуверенного дурачья, которое днями шатается по городу, стараясь доставить себе как можно больше наслаждения, думая лишь о телесных нуждах. И они жрут эту грязь, только не знают, что дурна она и некрасива — она кажется им верхом совершенства, венцом творения. Может, потому, что они сами делают все возможное, чтобы не давать грязи испаряться — они пополняют ее запасы в мире с завидной настойчивостью и усердием, думая, что делают доброе дело. Такие есть везде, во всех странах. А мы актеры. Наше призвание — поучать людей и, кроме того, приносить им радость.

И столько холода было в ответе Трунеля, что актер отпрянул и на секунду закрылся ладонью.

— Не хочу никакой радости, — сказал ученик актера, — а хочу я, чтобы вернули мне оружие, которое я потерял

в лесу. Тогда в Робелии не осталось бы ни одной целой яблони, ни одной церкви и ни одного из тех старых дураков, которые мнят себя великими мыслителями!

— Зачем? — пробормотал Трентиль. — Зачем ты говоришь это? Нет-нет, я не хочу ничего знать.. А, я понял! Ты просто повторяешь роль, мой способный ученик. Но это опасная роль, я не хочу, чтобы впредь ты повторял эти слова. Идем же, теперь время для благотерпения и великодушия. Умиравшая лежит в комнате с этим узким окном. Ей не нужно много света, зато по ночам ей видно месяц и как покачивается эта молодая яблоня. Перед смертью немного надо — только уют и чтобы не тревожили прошлые грехи.

Женщина лежала теперь на постели актера, а сам он поселился на кухне, с каждым днем все больше жалея о своей слабости и сострадании.

Актер давно уже спал, а Трунель сидел у того самого узкого окна и смотрел на месяц. Женщина, наверно, грезила в полусне, губы ее медленно и тягуче произносили чьи-то имена и названия, голову она отвернула к стене, и кто знает, что она видела на ней сквозь полузакрытые веки. От умирающей распространялся по комнате кислотный запах, а еще пахло горькой травой, наверное, лекарством. Трунель забыл о женщине и слушал, как под полом бегают мыши. Ему вдруг стало странно спокойно, но не благостно, а как будто все уже кончилось.. В узком окне представился ему его прежний друг — город с золотыми арками, но образ тускнел, потому что мешали слова актера о людях, которые предали красоту. Трунель думал и о самих этих людях, о Фликмане, других разбойниках, о человеке, которого сегодня провезли в клетке, а скоро повесят. Но эти люди не имели отношения к городу, они о нем не знали, и мысли его все больше занимал тот страшный всадник, скакавший, как понял сейчас Трунель, защищать золотой город. Прав актер, понял Трунель, мы не созданы для этой сказки. Нам подавай простую красоту, парады и разрисованных слонов. И тот давний продавец книг прав. Ненависть не оставит Трунеля, она будет наступать его и рвать на куски, как сегодня, во время спора с Трентилем. Прощай, золотой город, подумал Трунель. Это ты отравил меня ненавистью, ты явил мне свою несбыточную сказку.

В эту минуту, когда он почти задремал у окна, умирающей стало плохо. Она еще спала, но тело ее уже стало изгибаться, сперва слабо, потом все сильнее; наконец, она проснулась и приподнялась на локте. Волосы ее выбились из-под чепца и упали на лицо. Трунель уже стоял с зажженной лампой, нехотая позабыв все наставления Трентилия. Он не помнил, как помочь ей в муках, а она шарилась рукой по одеялу, словно не видя ничего вокруг и пытаясь очнуться от кошмара. Боль стигала ее все сильнее, и, видя это, Трунель шепотом проклял актера, притащившего его в этот дом, и спросил женщину, чем ей помочь.

Лицо ее поднялось в полумраке. Умиравшая всматривалась в комнату, и Трунель поднял лампу повыше. Внезапно какой-то особенный стон вырвался из груди женщины, боль отбросила ее к стене. Трунель сделал шаг вперед, но вдруг остановился, потому что его назвали по имени.

— Кто вы? — спросил он, и холод окатил его с ног до головы.

— Это я, это я, — из последних сил отвечала его мать и продолжала говорить, но путала и забывала слова; вдруг она заговорила на чужом языке и сорвалась на крик, впрочем, немедленно его оборвав. Трунелю только и мог, что глупо и бессмысленно переспрашивать и повторять, не находя в себе ответа, что мешает ему сдвинуться с места; лампа дрожала в его руке, из-за чего тени плясали по грубо побеленным бугристым стенам. Так продолжалось несколько мгновений, наконец, мать пристально посмотрела на него и внятно произнесла несколько слов, и Трунелю окончательно уверился, что это был лантийский язык. Вдруг словно молния сверкнула перед ним, и оцепенение его прошло. Мать протягивала руку; вот рука разжалась, и по полу стукнуло что-то маленькое и твердое. Трунелю поднял белую статуэтку, изображающую глазастого зверя — двойника той, которая была у Моллойна! Мать откинулась на подушку и дышала все ровнее; Трунелю бросился к ней и хотел обнять, но в один миг картина поменялась, и перед ним была не мать. То был тот давний паук из бочки, паук, с бахромой пыли на полуоторванном брюхе, в агонии перебирающий толстыми ногами, который сползал по плечу Трунелю, сползал прямо в мыльную воду. Трунелю отшатнулся от кровати и был готов убежать, но загремела музыка, и запел хор; то на Трунелю обрушился, как подошва огромного золотого сапога, его город. Не рано ли ты отказался от меня, спросил город, не поспешил ли отринуть мои видения — и город укрыл его, припечатав к земле все ужасы вокруг. И так, упав на колени возле умирающей матери, но не видя ее, стоял Трунелю, и ни слезинки не упало из его глаз. Тем временем его мать перестала дышать и умерла.

И от всей этой суеты а может, из-за тишины, наступившей после, проснулся актер Трентиль, и заспанный священник высунулся из своей комнаты.

— Что же? Все? — спросил актер. — Ну, теперь иди спать. Утром ее заберут. К слову, на завтрашней репетиции директор обещал подумать, может, дать тебе пару реплик.

IX

Репетиция началась рано.

Трентиль и его ученик едва не опоздали к началу. Трунелю за все утро не проронил ни слова. Священник обещал позаботиться об умершей. Помощь ему не требовалась — к вечеру ее должны были отвезти на кладбище для бедных.

Актер Трентиль играл блестяще.

В его монологах была любовь, любовь не к женщине, но к своей стране, к родным берегам и пристаням (ветер приносил от реки запах скорого дождя), любовь к сильной стране, которая готова уже оправиться от смертельных ран. Да, была война, но война осталась только в пьесах — теперь правит мудрый король, и он будет править долго. Нечего бояться больше честным его подданным! Будет мир, будет! Трентиль читал, и голос его дрожал, выбивая слезу. Замирала площадь, люди, оставляя свои дела, вслушивались в голос актера и придвигались бли-

же. Словно уже не репетиция, а премьера шла на театральном помосте! До самой зимы будет стоять деревянный театр, рабочие закончили строительство, и больше Трунелю не надо было работать молотком.

Трунелю нарядили в костюм клоуна и дали ему жердь, чтобы он делал с ней всяческие выкрутасы. Но вскоре о нем забыли, и он бесцельно бродил по площади. Жердь он вскоре потерял. Площадь заполнялась народом, открывались лавки; поднялся над площадью запах толпы, запах нестираной одежды и раздражения. Трунелю толкали, и он все дальше уходил от театра.

Мимо него тут и там проносились обрывки речей и споров. Возникло имя Моллойна, и раз возникнув, не умолкло, а поспешило над головами дальше.

— Победа!..

— Победа, победа!..

— Да чья?

— Моллойн разбит!

— Разбит..

— Проиграл!

— Где он?

— Схвачен!

— Слышали?.. Сам таккин Моллойн взят в плен!

— Слава Богу!..

Вдруг раздалось:

— Шарбо кровавый негодяй!..

Негромко сказали, но тут же поспешили через толпу стражники.

Трунелю снова оказался возле театрального помоста. Он слышал, как директор корит Трентилья за вышность его речи. «Не забывайте, что мы ставим комедию!» — кричал директор. «И что же? — отвечал Трентиль. — Мой герой этого не знает... Трунелю все это нисколько не занимало, он и забыл, что тоже актер и на нем клоунский наряд. Когда люди останавливали взгляд на нем, они улыбались, и поэтому повсюду видел Трунелю улыбки. Но казалось ему, что улыбаются не люди, а сама природа или даже сама Робелия, уставшая от извечной злобы, освободившаяся — в крови и лохмотьях — от войн и проклятий. Теперь снова время пришло, и вырастет черный орех, и люди построят новые дома, и будут без страха смотреть на флаги замков и фортов и слушать перестук копыт и скрип колес в спокойной летней ночи.

...Уснул Трунелю. Разбудили его колокольчики. И только потом он услышал крик:

— Вот они! Приехали!

Ветер стал холодным и жестким. В небе собрались тучи; дома словно стали выше, а их очертания — резче. Слух у Трунелю обострился, как часто бывает после пробуждения. Он слышал большие колокола близких и далеких церквей, слышал, как открываются окна, и видел он, что люди спешат в дальний конец площади.

А в дальнем конце площади были... колокольчики!

Трунелю пошел за всеми на этот звук. Кажется, актер Трентиль увидел его и позвал, но он не оглянулся.

Двадцать человек, верхом, выехали на площадь. Их лошади были сплошь обвешаны бубенцами и колокольчиками, которые издавали звук при каждом движении

животного. Трунель не знал, зачем они нужны, но это была лантийская традиция — так украшали коней победители. Да, эти лантийцы были не чета Моллойну в его потертом плаще — Моллойну, который опьянил Трунеля и заставил сжечь дом! — почти на всех на них кирасы и каски, с которых не сошел еще блеск, а над касками — три знамени, и впереди всех — знамя с головой белого зверя.

И тот человек, которого Трунель и фермер видели тогда впереди войска, обратился к робелийцам. Он рассказывал о своей победе. Но рассказывал он и о своем поражении, потому что поражение потерпели все лантийцы, вся Республика, когда в ее сердце созрела измена! Он брал вину на себя и просил прощения у Робелии, что не смог удержать изменников в границах Аполанта. Он просил прощения у робелийцев за то, что Моллойн заставил их усомниться в короле Шарбо и искушал их небылицами и несбыточными мечтами!

Трунель сорвал с себя клоунский колпак и вытер им лоб. Руки его сделались слабыми и холодными; тепло ушло из них, оставив зудящую пустоту, и пальцы не сгибались. Трунель уронил колпак и подумал, что неизлечимо заболел; может быть, заразился от матери. Но эта мысль почему-то не напугала его. Он задавал вопрос людям, но от него отмахивались.

— Кто же это такой? — спрашивал Трунель.

Он спрашивал вновь, но голос его вдруг сделался слабым, тихим; Трунель был в одежде клоуна, и никто не обращал внимания на его тихие вопросы. А всадник под знаменами все говорил и говорил; товарищи окружили его и охраняли — от возможного нападения, от ножа, который могли бросить из толпы, даже просто от любой ухмылки, любого недоброежелательства. Лица воинов, только что закончивших поход, были неподвижны, застыли в суровом молчании; они были привычны к ожиданию беды. Но при виде всадника-иностранца горожане улыбались. Он казался уставшим, очень уставшим; но он был победитель, и голос его со звоном несся из одного конца площади к другому. И что-то в его фигуре было детское, до странности мягкое и домашнее, что не могло вызвать никакого недоброежелательства.

Трунеля пихнули в бок:

— Умолкни, наконец, клоун!.. Это лантийский таккин Аилед Паальхард. Говорят, он лучший из лантийцев. И на то похоже: он уже удивил нас своей порядочностью, теперь хочет удивить красноречием.

— Паальхард!.. — прошептал Трунель, и заветная книга, которую он бросил в разоренном трактире, будто бы снова очутилась у него в руках.

— А вон и его жена Теодора — король держал ее заложницей, чтобы не зарывался таккин, вел себя прилично!

Трунель обратил внимание на маленькую фигурку, закутанную в дождевик. Голову в капюшоне бывшая ко-

ролевская заложница, видимо пребывая в глубокой задумчивости, опустила так низко, что не было видно ее глаз, а только бледный подбородок и светлые локоны.

Между тем супруг ее и победитель мятежников преврал возвышенную речь, поник головой.

— Многие из вас помнят о той войне между нашими народами, — сказал он. — Давней войне... И не надо забывать! Всегда храните память о том, как тяжело далась нам наша теперяшняя дружба, каким испытаниям она подвергалась! Зачем нам теперь ссориться? Зачем теперь воевать? Отныне и навеки мы друзья! И мы, лантийцы, с памятью о нашей дружбе вернемся домой... А те негодяи, которые досаждали вам, которыми вас пугали, которые творили бесчинства и хотели свергнуть вашего короля — они наказаны. Робелия — хорошая страна, или она может стать такой — ухоженной, безопасной, приветливой — вашими стараниями. У вас есть хлебные поля, железные холмы; есть реки — стройте мельницы, ловите рыбу. Мы, лантийцы — теперь сделали все для того, чтобы помочь вам. Но не только мы. Больше всех для Робелии сделал робелиец, великий человек. Никто не проявил больше мужества и мудрости, больше благородства, чем он — король Шарбо Первый, поистине достойнейший из всех людей, которых я видел. Славьте вашего короля! Славьте Шарбо Первого!

Над площадью повисла секундная тишина такая страшная, словно перед народом открылась гигантская пещера, полная сияния живых серебряных звезд, которые до этой минуты томились в плену, а теперь брызнули навстречу потрясенным людям. И люди закричали, приветствуя молодого иностранца; и показалось вдруг, что это сам король, что это Шарбо выехал на площадь и обнадежил свой народ теплыми словами, поклялся им в дружбе и верности, готовности служить Робелии и не предавать ее никогда. Люди кричали — они увидели свое будущее, когда можно будет забыть грязное и страшное настоящее, в котором столько бед и испытаний, когда можно будет забыть слово «война» и верить, что дурная весть — ошибка. Люди повернулись спиной к комедии, которую ставил их родной театр, оставив без внимания возвышенные монологи Трентилы — они жадно смотрели на лантийцев, зная, что те сейчас уйдут, может быть, навсегда, но оставят о себе добрую память. И лантийцы уходили; они понукали коней; они, забыв о восторженных робелийцах, потекли к выходу с площади.

И никто из лантийцев не замечал, что за ними пробирается сквозь толпу молодой клоун, пожирая глазами их спины. В кармане у клоуна была белая статуэтка, изображавшая большеглазого зверя. Клоун и сам не знал, что сделает в следующую минуту. Однако он дал себе слово, что не отпустит от себя героев своих сказок, не познакомившись с ними поближе.

Белый раджа Саравака

(Рассказы филателиста)

Встреча в шахматном павильоне

Случаю было угодно, чтобы с Олегом Павловичем я познакомился благодаря грозе. В то время, когда я проходил через городской сад, хлынувшие внезапно с неба потоки воды, сопровождаемые громом и молниями, заставили меня искать укрытие. Таковым оказался шахматный павильон.

Наскоро приведя в относительный порядок свою одежду, я осмотрелся и обнаружил, что кроме меня здесь находятся еще двое мужчин. Маленький старичок, судя по всему — заведующий павильоном, мирно дремал за столиком в углу. Вторым был высокий художавый мужчина средних лет в очках без оправы. Плачевное состояние его костюма свидетельствовало, что попал он сюда по той же причине, что и я.

Решив, что гроза кончится не скоро, я предложил товарищу по несчастью скоротать время за шахматной доской. Прежде чем сделать первый ход, мой соперник протянул мне руку и представился: «Олег Павлович!» Я назвал себя, и игра началась.

Вот так и состоялось мое знакомство с Олегом Павловичем Солодкиным. Знакомство переросло в прочную дружбу. Сейчас я уже не помню, чем закончилась та шахматная партия.

Любовь к шахматам оказалась не единственной основой для нашей дружбы. У нас нашлось еще одно общее увлечение — филателия. Собирать почтовые марки я, как и многие мои сверстники, начал классе в пятом. Увлечение оказалось довольно устойчивым. Случалось, на приобретение марок я тратил все немногие карманные деньги, что отпускались мне на кино и мороженое. А сколько школьных завтраков я променял на Монако, Северное Борнео, Парагвай и Маврикий! К концу учебы в школе число марок в моей коллекции перевалило за три тысячи, и я уже считал себя заправским филателистом. Потом страсть моя не то чтобы угас-

АВТОР Владимир Пуронен по профессии учитель. Преподавал историю, физкультуру и начальную военную подготовку в школах Томской, Ленинградской, Свердловской областей. Вся сознательную жизнь Владимир Семенович коллекционирует марки, монеты, атрибуты истории военного дела. Он автор книги «Оружие, мундиры, знамена, ордена». СПб., изд. «Полигон», 2003 г. С 1979 г. — автор «Уральского следопыта». В этом номере мы начинаем публикацию его рассказов филателиста.

ла — просто из-за множества новых дел и интересов я стал меньше заниматься своей коллекцией. Общение с Олегом Павловичем привело к тому, что мое детское увлечение пережило как бы второе рождение.

Раньше я наивно полагал, что главная задача каждого филателиста — собрать как можно больше знаков почтовой оплаты по интересующим тебя темам. Теперь я убедился, что то или иное количество марок, пусть даже аккуратно расклеенных в альбомах или уложенных ровными рядами в кляссерах, само по себе еще не является настоящей коллекцией. Истинный филателист, учил Олег Павлович, прежде чем поместить марку в свою коллекцию, должен узнать о ней как можно больше.

Сам он знал о марках, казалось, все, что только можно знать. Во всяком случае, лично я был в этом твердо уверен. И не я один. Олег Павлович мог ответить на любой вопрос, касающийся марок. К тому же он неплохо разбирался в монетах и наградах. Затруднений, ставящих в тупик многих даже опытных коллекционеров, для него просто-напросто не существовало. Любые задачки в области филателии, да и не только филателии, он щелкал как семечки.

За глаза его, случалось, называли ходячей филателистической энциклопедией. Да, знания Олега Павловича о марках и обо всем, что с ним связано, были поистине феноменальными. Но он был неповторим и в манере изложения этих знаний. Когда кто-нибудь обращался к моему другу с просьбой объяснить, например, когда и при каких обстоятельствах появилась на свет та или иная разновидность, надпечатка или водяной знак, то его ответы менее всего походили на сухую выдержку из справочника. Он излагал их в такой живой и остроумной форме, что они воспринимались как интереснейший рассказ. За время моего знакомства я услышал от Олега Павловича немало занимательных историй о марках, о почте, о коллекционерах...

Однажды я спросил его, почему он не записывает и не отдает в печать свои рассказы. И услышал в ответ, что для такого дела у него нет времени, да и лавры литератора его не прельщают. Однако он ничего не имеет против, если я попытаюсь опубликовать некоторые из этих историй.

И я воспользовался его согласием.

(Продолжение следует).

Я, волк

Я познакомился с ней в электричке. Нет, не так, мы не знакомились, мы просто узнали друг друга. Мне не объяснить, а вы не поймете, мы всегда узнаем друг друга сразу. Просто так это бывает — узнаем. И проходим мимо.

Нас мало, нас очень, очень мало. И мы не люди, по крайней мере, в вашем понимании. Мы — ошибка природы, ее глупый каприз, нелепый выверт, дурная шутка. Мы — звери, заключенные в тело человека. Заключенные навечно, у каждого из нас пожизненный срок.

Невежественные святоши, средневековые мракобесы в рясах называли нас оборотнями. Вервольфами, волколаками, перевертышами. О нас слагали вздорные легенды и пугали ими детей. Нас жгли на кострах, забивали камнями, истязали, вешали. Вбивали в нас осиновые колья и всаживали серебряные пули...

Считалось, что мы умеем оборачиваться и принимать облик зверя. Глупость и косность, никто не умеет, физическая трансформация в зверя невозможна. Иначе ни один из нас не стал бы носить эту проклятую, уродливую и ненавистную оболочку. Мы не оборотни, мы териантропы. Это по науке, мы же называем себя териане. Однако я слишком увлекся, простите...

Итак, мы узнали друг друга два года назад, в электричке. Был ранний март, утро субботы, и вагон буквально ломился от хлынувших за город людей — лыжников, саночников и любителей подледного лова.

У меня в руке тоже были лыжи, и ни одна душа не знала, что я никогда в жизни на них не вставал. Волку они не нужны, он и так легко обставит любого мастера лыжного спорта на длинной дистанции. В общем, вагон был переполнен, его брали с боем, толпа буквально внесла меня вовнутрь и бросила на нее. И время для нас остановилось. Передо мной стояла она, та единственная, моя женщина, моя самка. А перед ней стоял я. Тот волк, что должен был матерым зверем нестись рядом с ней по заснеженной равнине, загоняя зайца. Тот, кому предназначено было отмахивать круги близ ее логова, охраняя волчат. Тот, которому предначертано было в бешеном беге уво-

дить ее от стаи несущихся по пятам псов. И тот, кому не суждено было ни то, ни другое, ни третье.

Мы стояли в проходе переполненной электрички и молчали, териане понимают друг друга без слов. Поезд делал остановки, люди выходили, пялясь на нас, толкаясь и матерясь, а мы, подобно двум сомнабулам, молча стояли в проходе и смотрели друг на друга. Мы очнулись, только когда поезд прибыл на конечную и в вагоне никого не осталось.

Я взял ее за руку, и, все так же молча, мы прошли в здание вокзала. Механически передвигаясь, я сдал лыжи в камеру хранения. Потом, все так же держась за руки, мы вышли наружу, я спрыгнул с перрона, протянул ей руку, поддержал. Мы пошли между рельсами, по шпалам, в ту сторону, откуда пришел поезд. Потом пересекли пути и, проваливаясь в снег, по целине углубились в лес.

— Вик, — сказал я первые слова с тех пор, как увидел ее. — Люди зовут меня Виктор.

Она стянула перчатку и ладонью закрыла мне рот. Я не стал целовать ее, волки не знают такой ласки. Я просто шагнул к ней и сомкнул объятия, а потом прижал к себе. Крепко, так крепко, как только мог. И мышцы мои налились силой, и жаркое дыхание вырвалось изо рта, и весь спектр цветов обрушился на меня. И запахи превратились в цвета, я видел, как изумрудом пахнет хвоя и жемчугом пахнет снег. И я видел ее запах — дурманящий, приторносладкий, вожделенный и манящий запах крови. И мы оторвались друг от друга и заскользили между деревьев, сначала медленно, а потом все убыстряя и убыстряя бег. Мы мчались, летели, неслись, вперед и вперед, и вбирали в себя лес, и поглощали несущийся в морды ветер, и заходились рыком, вырывающимся из оскаленных пастей. Мы бежали весь день и, когда, наконец, стемнело и взошла полная луна, разом остановились.

Одежда полетела прочь, и мы набросились друг на друга. Мы не занимались любовью, терианам это чувство неведомо. Мы яростно спаривались, катаясь на снегу, рыча и захлебываясь в накатывающих на нас волнах вожделения. И так продолжалось почти всю ночь. Рассвет застал нас обнаженными и лежащими на снегу в объятиях друг друга. Нам не было

холодно, но мы порядком обессилели и испытывали жуткое чувство голода. Наскоро одевшись, я набрал хворосту, разжег костер, растопил в котелке снег, и пока закипала вода, мы прикончили все запасы съестного, что взяли с собой. Потом я насыпал заварку, разлил кипяток по кружкам, и, прихлебывая обжигающий чай, мы, наконец, разговорились.

Ее звали Мила, полное имя было Эмилия, а зверя, что жил в ней, она звала Эми. Миле было двадцать шесть лет, на два года меньше, чем мне. Только теперь я обратил внимание на то, что она в полном смысле слова красивая девушка, изящная брюнетка, с огромными, цвета черного бархата, глазами на нежном, идеальной формы лице. Мы говорили и говорили, она рассказывала о своем детстве, потом о юности. О том, как впервые почувствовала в себе зверя. Как жутко ей было от непонимания того, что с ней происходит. Как зверь затихал в ней и таился месяцами, чтобы потом внезапно вырваться наружу в приступе необузданного отчаяния или гнева.

А потом мы с Эми мчались назад, и нам не надо было думать, каким путем бежать, териане знают это чутьем и на уровне подсознания запоминают местность в мельчайших деталях.

Мы сели на вечерний поезд. Сейчас мы вели себя, как обычные люди. Мы держались за руки и смотрели друг на друга, а я все откладывал и откладывал то, что хотел и должен был сказать. Я сказал это, когда электричка уже приближалась к городу. Сказал то, что говорят друг другу люди. Что хочу, чтобы мы были вместе. С этого дня, всегда и до самой смерти.

Она сначала ничего не ответила, только отняла руку и отвернулась к окну. Я ждал, и предчувствие непоправимой беды волной поднималось у меня из глубин, пудовым молотом бухало в груди и ватным комом подкатывало к горлу. Наконец Мила повернулась ко мне. Закусив губу и с трудом сдерживая слезы, она смотрела мне в глаза и молчала. Долго молчала. А затем заговорила, и я почувствовал, будто лязнул ржавыми акульими челюстями волчий капкан, захлопнувшись и перебив мне переднюю лапу, и волна боли захлестнула меня. Мила оказалась замужем и матерью двоих детей.

В первый раз Мила попала в клинику для душевнобольных в шестнадцать лет. Олухи психиатры поставили ей диагноз шизофрения. После этого она побывала в лечебнице еще несколько раз, и каждый срыв проходил тяжелее, чем предыдущий. Мила не смогла ужиться с Эми, ненавидела и боялась ее. Эми рвалась наружу, Милу терзали порывы бешенства, приступы гнева, страсть к разрушению и насилию. Ночами ей не давали спать неудовлетворенные сексуальные фантазии. В роли партнера в них выступал зверь, огромный матерый волчара с рыжими подпалинами на серожелтой дымчатой шкуре. Большинство териан — зоофилы, для нас это нормально, а секс с людьми нас не удовлетворяет и многих просто страшит. Но для тех, кто не понимает своей сущнос-

ти, склонность к зоофилии — ад и зачастую приводит к непоправимым нарушениям психики. Лечебницы для душевнобольных полны терианами. Теми, кто не сумел обуздать в себе зверя и сжиться с ним. Теми, чья звериная сущность вырвалась наружу и полностью подавила человеческую. Теми, кто не нашел в себе сил совершить суицид.

Мила в себе силы нашла. Она уже перегибалась через перила моста, когда проезжающий мимо преуспевающий бизнесмен до отказа вдавил тормоз своего джипа, так, что машина завертелась, пошла юзом и с треском врезалась в парапет. Через секунду водитель выбил ногой дверь и выбросился из кабины, в последний момент успев перехватить Милу за талию, оторвать от перил и вместе с ней рухнуть на тротуар.

Через два месяца этот человек стал ее мужем. Он окружил Милу заботой и вниманием, он мирился с ее странностями, свойственными всем терианам, он возил ее на лучшие курорты и показывал самым известным врачам. Благодаря им оба узнали, что Мила — терианка, и нашелся психиатр, который догадался, что это не болезнь, которую надо лечить, а свойство, с которым можно и следует жить. Мила отогрелась в тепле мужниной заботы и ласки, родила ему двоих детей, смогла наконец установить контакт с Эми и даже добиться некоторой степени взаимопонимания с ней. Но раз в месяц, в ночи полнолуния, зверь требовал доминантности, он рвался на свободу, наружу. Ночи полнолуния тяжело проходят для всех териан, и не только для волков, у медведей, лис и нетопырей аналогичные симптомы. Зная об этом, Милин муж не чинил ей препятствий, и раз в месяц она исчезала из дому, чтобы вернуться на следующий день уравновешенной и умиротворенной. Так было до того дня, когда она встретила меня.

В четырнадцатилетнем возрасте родители отправили меня на лето в спортивный лагерь. Затея оказалась неудачной, там верховодила группа акселератов, которые не давали остальным проходу, насаждая полублатные порядки и укрепляя свой авторитет методическими избиениями более слабых. Уже тогда было во мне что-то такое, что заставляло эту группу обходить меня стороной. Но однажды с одним из них у меня вышла легкая стычка. Дело было днем, на глазах у руководства лагеря, и в драку конфликт не перешел. Однако той же ночью в мою палатку на разборки явились четверо. В эту ночь Вик впервые проявил себя. В ипостаси зверя терианин намного сильнее обычного человека одной с ним комплекции. Но главное даже не в силе — терианин также намного более ловок, вынослив и жесток. Чувство самосохранения у нас не такое сильное, как у людей, боли мы практически не боимся, а деремся отчаянно, без раздумий пуская в ход когти и клыки. Я вышел победителем из той ночной схватки, а все четверо моих противников получили травмы разной степени тяжести. На следующий день меня отчисли-

ли из лагеря и поместили в стационар для обследования, которое не выявило, впрочем, никаких психических отклонений.

Я с детства очень много читал и был для своего возраста прекрасно эрудирован. Поэтому, когда к шестнадцати годам я почувствовал, что странности в моем мироощущении проявляются все больше и больше, я не запаниковал, а начал пытаться разобраться в том, что со мной происходит. Я проводил массу времени в библиотеке, зарываясь в энциклопедии и штудирюя популярные медицинские статьи. И когда я окончательно убедился, что мне не нравятся одноклассницы, а вот тетка соседской суки меня отчаянно возбуждает, то без особых переживаний предположил, что я, возможно, не человек. Я искал подтверждений своей гипотезе и находил их одно за другим. В сумерках я выходил из дома и шел один через районы города, традиционно считающиеся опасными из-за обитающей в них агрессивной шпаны. Я никого не боялся, никому не давал спуска, вступал в многочисленные драки и выходил из них победителем. Я смело шел на ножи, кастеты и обрезки арматурин в руках обдолбанных отморозков. Я никогда не думал, куда иду и как буду возвращаться — безошибочный инстинкт выводил меня назад и приводил из любой точки в любую другую. Я прекрасно видел в темноте и обонял сотни окружающих меня запахов. Постепенно запахи начали трансформироваться в цвета, я научился не вдыхать, а видеть их.

Сказать вам, как пахнет пригнувшийся, зажавший в кулаке финку и готовый броситься на вас обкуренный хулиган? Он него несет цветом угрозы, смесью пота и адреналина, пульсирующим черно-лиловым гляncем. Мутной, серо-желтой гнойной вонью смердят набитые под завязку нечистотами мусорные баки. Коричневато-бурой жижей отдают обшарпанные и пропитанные влагой стены убогих бетонных коробок-бараков. И над всем этим стоит терпкий и дурманящий запах человеческих страстей. Переливающийся всеми оттенками красного, от ярко алого до пронзительно пурпурного, запах вождения и похоти — запах крови.

И я был один, всегда один. Я чурался и сторонился людей, отдаляясь от них все больше и больше. Терианину чужда стайность. Мы — одиночки, свойственные всем терианам чувства гордости и независимости заставляют нас быть нелюдимами, почти отшельниками. Я вырос, набирался опыта, анализировал и к восемнадцати годам уже твердо знал, кто я такой. Я не был юношей по имени Виктор, хотя окружающие знали меня именно в этой ипостаси. Я был волком, молодым самцом-полуярком, звавшимся Вик.

Я поступил в институт, закончил его и устроился на работу в банк. Я был исполнительным служащим, корректным и аккуратным, хотя и нелюдимым. Начальство ценило меня. Я не брал отпусков, мне они были не нужны, вместо этого раз в месяц, в ночи

полнолуния, я брал два дня отгулов и покидал город. В эти дни моим существом доминировал Вик, и я становился тем, кем был на самом деле — волком. Так продолжалось до того дня, когда я встретил Эмилию.

Эти последние два года я не жил, я существовал, влача мучительно тянущиеся дни от одного полнолуния до следующего. Она запретила мне видеть ее в любое другое время, и я подчинился. Но два дня каждого месяца были наши. Мы встречались на вокзалах, пирсах или автобусных станциях и оставляли город. Мы шли в лес и там становились теми, кто мы есть. Вывалив из пастей языки, мы пластались в яростном беге через поля, занесенные снегом зимой и заросшие бурьяном летом. Мчались, скользя по льду прудов и озер, или омывались в их водах. Загоняли зайцев и вспугивали глупых куропаток. Иногда прокрадывались в сумерках на окраину села, а потом, под залиvistый брех цепных псов, наметом уходили обратно в лес, и я нес на загривке тушу зарезанного барана.

И каждый раз мы принадлежали друг другу, спариваясь иступленно, отчаянно, в то время и в том месте, где непреодолимое желание застигало нас. И каждый раз по возвращении в город я просил ее уйти от мужа ко мне. И каждый раз она отвечала отказом, и я возвращался в свое захламленное однокомнатное логово и начинал вычеркивать дни из календаря.

Нет, то не была любовь в понимании, какое вкладывают в это слово люди. Я часто думал, как назвать чувство, сжигавшее меня, делавшее похожим на зомби, мучительно передвигающего ноги сквозь череду липких, тянущихся в замедленном времени дней. В конце концов, я понял, что это такое. Меня пожирала, поглощала тоска. Страшная, безнадежная тоска, заставляющая зверей моей породы, напряжив тело, поджав хвост и вытянув морду, раздражаться жутким, заунывным и пробирающим до самого нутра воем.

Ее муж выследил нас, это было легко, ведь мы практически не таились. Он любил ее и видел, что с каждым днем она отдаляется от семьи все больше, что звериное в ней проявляется все чаще и начинает подавлять человеческое. Муж обещал Миле никогда не интересоваться тем, чем она занимается, когда исчезает из дома. Он не сдержал обещания, поняв, что теряет жену, и предположив, что причиной тому может быть другой мужчина. У меня нет претензий к нему, он сделал то, что многие сделали бы на его месте.

Милин муж занимался коммерцией и держал охрану из бывших милицейских оперативников. Для них вычислить нас, безусловно, не составляло труда, но то, что происходило в лесу, конечно, оставалось тайной.

По нашему следу пустили псов. Стая застигла нас на рассвете, когда мы лежали обнаженные в объяти-

ях друг друга. Я почуял собак слишком поздно. Вскочив, я успел выдернуть из рюкзака тесак, но в следующий момент вожак прыгнул на меня. Я увернулся, и, когда он уже приземлялся, поднырнул под него и принял на нож, распоров ему брюхо по всей длине. Но остатки стаи, два черных кавказских волкодава и белоснежный ирландец, набросились на нас. Да, мы одолели их. Вся свара длилась не больше минуты, и, когда минута эта истекла, четыре собачьих туши дергались в агонии на багряном от крови снегу. В крови был и я сам, весь, от пасти до когтей задних лап, в крови была Эми, и я метнулся к ней убедиться, что она жива.

В этот момент и появились люди. Два здоровяка из охраны ее мужа с двустволками в руках. Я рванулся им навстречу, и тот, что шел впереди, выстрелил в меня навскидку с двадцати шагов. Не думаю, что таков был приказ, любой бы опешил, увидев открывшуюся перед ним сцену — издыхающих псов и двух обнаженных, красных от крови полулюдей-полуволков. Заряд опалил мне бок, я зарычал и услышал, как сзади тонко и пронзительно заскулила Эми. Ее лишь оцарапало, но я тогда этого не знал. Я взревел, оттолкнулся от земли и бросился на них. Все произошло мгновенно, стрелявший не успел перезарядить ружье, а второй выпалил уже по движущейся мишени и промазал. В пять прыжков я покрыл разделяющее нас расстояние. Я убил их. Задрал обоих так, как волк задирает овец.

Она умоляла меня скрыться, исчезнуть. Говорила, что меня не найдут, что за год или два дело закроют и спишут в архив. Что она дождется меня, уйдет от мужа и заберет детей, что мы будем жить вместе, воспитаем волчат. Я обещал ей, сказал, что исчезну, чтобы вернуться через год и забрать ее. Я знал, что это нереально и безнадежно. Я не мог скрываться среди людей в сущности Виктора — убийцы двух человек. Я не мог уйти в лес и превратиться в Вика — мое тело для этого недостаточно приспособлено, да я бы и не выдержал. И тогда я решил перестать жить.

Мне не удалось и это. Человек Виктор справился бы с этой задачей, но не волк Вик. Теперь я завидовал тем, кто не стал жить перед лицом неизбежно надвигающегося безумия, когда их звериная сущность захлестнула человеческую прежде, чем они осознали себя не людьми. Я не мог жить, и я не смог умереть. У меня оставался единственный путь.

Я явился с повинной в отделение милиции, заявив, что убил двух вооруженных людей в порядке самообороны.

Меня закрыли в камеру, где я и провел последние дни, вплоть до того, когда появились вы. Я рассказал вам эту историю так, как она есть, не приукрашивая и не выгораживая себя. Я надеюсь, я верю, что суд будет снисходителен ко мне. Что она дождется меня. И теперь я, волк, спрашиваю вас, человека:

— Скажите, господин адвокат, какие у меня шансы?

БУНАКОВА Лариса Ивановна, авт. воспоминаний.

Жена педагога Н.Ф.Бунакова. Воспомин. о нем в кн. Н.Ф.Бунакова «Записки. — Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905.» СПб., 1909.

БУНАКОВА Н.

Три ее стихотв. «Подражание псалмам» напеч. в сб. «В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой» (СПб., 1900).

Голубева.

БУНГЕ Екатерина Николаевна (1874–?), поэтесса, переводчица.

Дочь проф. химии Н.А.Бунге. Род. в Киеве. Сotr. в «Киевской мысли», «Вестн. Европы» (1915. № 11), «Совр. мире», «Мире», «Эпохе», «Дне». Пер. А.Негри, Фр. Ассизского и др.

Венгеров. Автобиограф.

БУНИНА Анна Петровна (1774 — 1829), поэтесса, переводчица.

Из древнего дворян. рода, к которому принадлежали В.А.Жуковский и И.А.Бунин.. По мнению многих современников, Б. — первая значит. русская поэтесса. Изучая теорию стиха, Б. сделала сокр. перевод «Правил поэзии» франц. теоретика позднего классицизма Ш.Батте — «с присовокуплением» правил русского стихосложения (СПб., 1808). Всеобщее внимание к творч. Б. привлек ее сб. «Неопытная муза». Современники отмечали «необыкновенный дар» «изобразить состояние души своей». Ее поддержали Г.Р.Державин, И.И.Дмитриев, А.С.Шишков. И.А.Крылов представил ее членам «Беседы любителей рос. слова», и Б. была избрана ее почетным членом. Собр. соч. Б. включает также подражания антич. поэтам (Сапфо, Овидию, Феокриту) и патриотич. гимны, воспевающие «подвиги мужей», погибших на поле Бородина. Лучшие стихи Б. отличает лиризм, простота поэтич. слога; басням Б. свойственна «непринужденная и благородная шутливость». Последние 6 лет жизни Б. прошли в больших страданиях. Она переводила «Нравст. и философ. беседы» шотландск. писателя и философа Х.Блэра. Оставила «тайные записки» для сына ее сестры Марии — П.Н.Семенова; судьба их неизвестна. О ней: Чехов, Ал.П. Замечательные рус. женщины. Бунина. — «Ист. Вестн.» 1895, № 10. Там же — портрет Б.

Русские писатели (портр.); КЛЭ; Слов. рус. писательниц; Смирнов-Сокольский.

БУНИНА Вера Николаевна (урожд. Муромцева; 1881 — 1961), писательница.

Вторая жена писателя И.А.Бунина. Авт. мемуарной кн. о нем «Жизнь Бунина. 1870–1853» (Париж, 1958). В сб. «Русская литература в эмиграции» (Питсбург, 1972) напеч. выдержки из дневника Б. (публ. Л.Ф.Зурова). В кн. М.И.Цветаевой «Неизданные письма» (Париж, 1972) напечатаны и письма к ней Б., а в приложении — воспом. Б. «У «Старого Пимена» (с. 531–541). В Париже в 1982 вышли «Письма И.А.Бунина и В.Н.Буниной к художнице Т.Логиновой-Муравьевой» (в приложении — некрологи из разных газет, посвященные В.Н.Буниной). В 1977–81 изд. «Посев» в Москве вып. два тома из трех кн. «Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. архивные материалы». Под ред и с предисл. М.Грин. «Беседы с памятью». — «Лит. насл.», 1973, т. 84, кн. 2, с. 159–220. В кн. Б.К.Зайцева «Далекое» (Сочинения, т. 3. М., 1993) есть глава «Памяти Ивана и Веры Буниных». О ней: Переписка Тэффи с И.А. и В.Н.Буниными \ \ Публ. Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер. \ \ Диаспора. 1. С. 349–421; Минувшее. Т. 8 (Новое о Вере Николаевне и Иване Алексеевиче Буниных (публ. Н.Винокур).

Кн. рус. зарубежья; ИДРДВ. Т. 4. Ч. 4. № 8592.

(Продолжение в следующем номере)

По следам Неизвестного Зверька

Зима в этом году выдалась определенно не зимняя. Ну разве это зима: снега почти нет, температура около нуля. Но все это нас не остановило пойти в новогодний поход.

Небольшой компанией в размере пяти человек мы собрались на вокзале с раннего утра. Багажа взяли по минимуму, но не постыжались на горячительное и закуски. Погода обещала быть не очень суровой.

Многие наши знакомые отговаривали нас. Запугивали разнообразными трудностями. Но разве туристы останавливаются перед преградами!

На электричке мы доехали до станции Таватуй и, выйдя, сразу углубились в лес. В лесу снега было побольше, чем в городе, но до полноценной уральской зимы явно не дотягивало. Мы, прокладывая собственную дорожку, начали двигаться в сторону Калиново, что располагается на левом берегу озера Таватуй. Пройдя несколько километров, наша группа разбила лагерь, расположившись на уют-

ной полянке. Кто-то занялся разжиганием костра, другие организовывали обед. Наш местный бард и руководитель похода — Алексей достал заботливо припасенную гитару и повеселил оставшуюся аудиторию музыкой. Так бы, наверное, и провели время — весело и без особых приключений, но вскоре на нашу стоянку вышел один абориген с интересной историей. Звали его Сергей, но он сказал, что его можно звать Сержем, а обитал он в поселке Калиново.

— Вы тоже его ищите? — это были его первые слова, когда он подошел к костру. Мы недоумевали. Сергей пояснил, что несколько раз наталкивался в лесу на неопределенного зверя, который при виде человека пускался наутек. Сам Серж большой любитель природы и знает в этих краях практически каждый кустик. Также ему известно, каких зверьков можно встретить в этих лесах.

— Некоторые местные жители уверены, что это лесовой! — заявил Сергей.

— Кто?! — удивились мы.

— Ну, есть домовые, а есть лесовые, — с готовностью пояснил абориген. — Он дружелюбный и вреда не причиняет, — успокоил он, видя на лицах нашу озадаченность.

— Домовых не бывает! — попытался урезонить пришельца Алексей, но тот лишь усмехнулся.

— Вы нашим местным это расскажите. Они вам расскажут и покажут. Да и следы этого... — он замаялся, — посмотрите сами.

— Где?

— Да вот здесь! — Серж ткнул пальцем куда-то рядом с нашим лагерем.

Мы всей группой поднялись и подошли к тому месту, куда указал нам абориген. На снегу шли четкие отпечатки круглых следов, скрывались они в близлежащем кустарнике.

— Собака, наверное, — предположил наш бард.

— Да где вы видели такую собаку! — замотал головой наш новый знакомый. — Лесовик это, без всяких сомнений!

Невольно мы начали поход по этим следам. В начале след был четкий и уводил в самую глушь леса. Было решено пойти по ним и посмотреть, куда это приведет. Лишь наш абориген, усмехнувшись, сказал:

— Бесполезно это. Он уже ушел далеко. Не поймать.

Но мы все равно, собрав лагерь, двинулись по следам. След уходил по косогору и терялся в кустарнике. Построившись гуськом, проваливаясь в снег, мы начали прокладывать дорожку, двигаясь по следам. Так, незаметно наше путешествие продлилось до самого вечера. Стемнело.

— Ну, все! Сейчас уже следов не найти, — устало вздохнул Алексей. — Ставим лагерь.

Мы поставили палатку, зажгли костер и стали готовить ужин. День заканчивался.

На следующий день мы стали планировать наш дальнейший

маршрут. Время подходило к концу. Мы неплохо провели время, вот только неизвестного зверька так и не увидели.

— Животное это было! — безапелляционно заявил Алексей.

— Тут и думать ничего не надо. Лисица или собака.

Мы быстро свернули лагерь и двинулись через лес в сторону станции на электричку.

Серпиевка, Ягуния тож

Серпиевка – старинное русское село в Катав-Ивановском районе Челябинской области. В 1783 году сюда переселили 30 семей староверов. Это были крепостные крестьяне, привезенные на заводские работы с вотчин полковника П.А. Бекетова, что находились к юго-западу от Серпиевки в Калужской губернии. Раньше село именовалось Новосерпиевкой, т.е. название перенесли на новое уральское поселение.

Другое негласное название Серпиевки – Ягуния, а жителей называют ягунами. Потому как в центре села есть большой родник, который называют «ягунолем» – шумным. Ведь раньше здесь обитали башкирские племена. Со слов П.И. Стаханова (1887 г.р., записано в 1975 г.), «ягунами называли, потому что крепостные были, а подчинялись плохо, громкоголосые все».

Следуя своим обычаям и традициям, переселенцы жили замкнуто и даже за невестами ездили на свое прежнее поселение – в Калужскую губернию. Речь, песни – вообще культура долгие годы не менялись и поэтому сохранились почти в первозданном виде.

Диалект села Серпиевка относится к группе южно-русских говоров. Будучи в селе, вы можете услышать: «Пыка, дырогой, таперича ды завтра» (Пока, дорогой, теперь до завтра). «Хвёдор васейка ходил до Микиты» (Федор недавно ходил к Никите). «Ёсь у табе браниски?» (Есть у тебя бусы?).

Первые калужские поселенцы имели фамилии: Боровковы, Курдаковы, Калинины, Трякшины, Барановы,

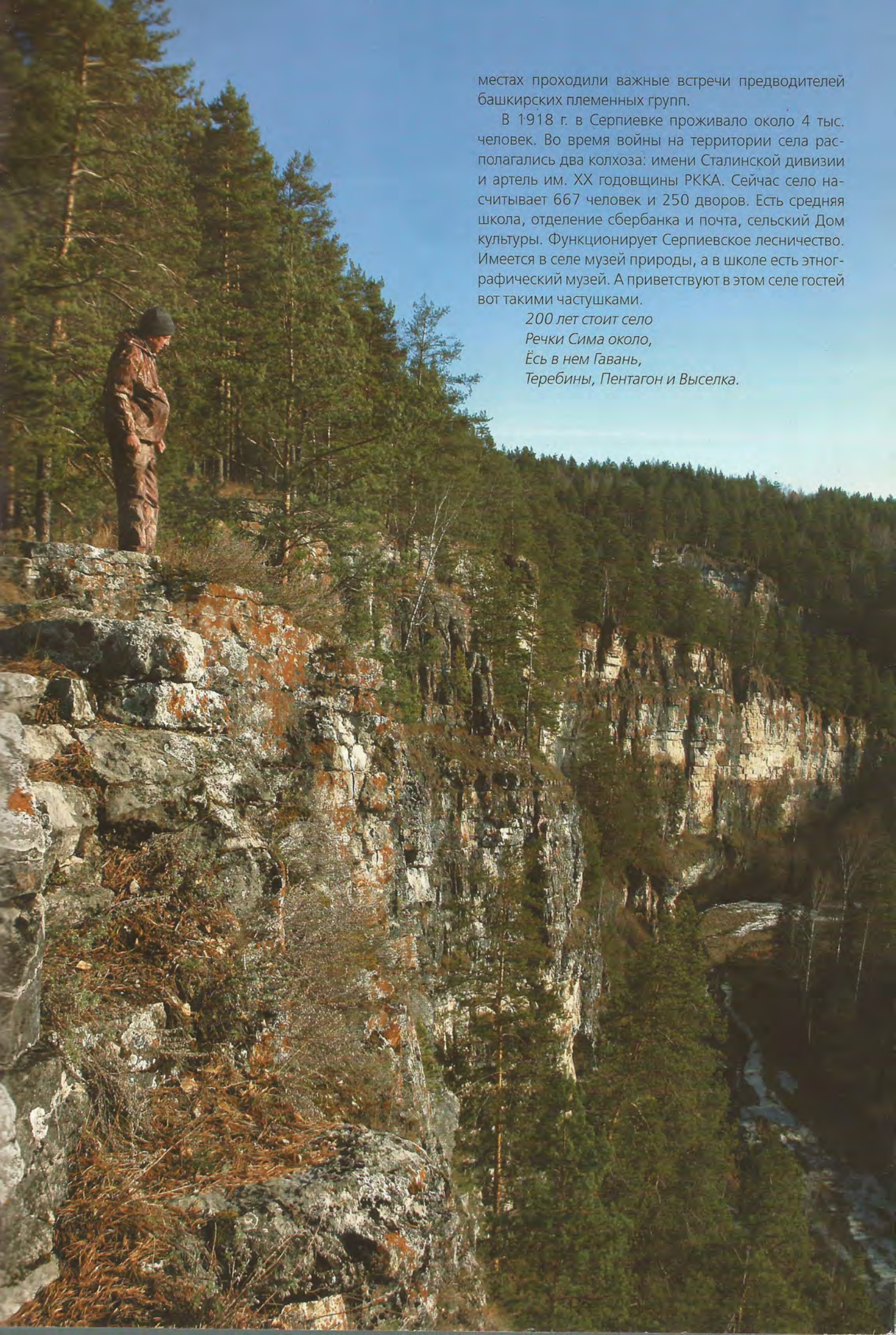
Кривогины и Мартыновы. А чтобы отличать друг друга, придумывали прозвища, подмечая особенности характера человека, запоминая какие-либо истории, связанные с ним, или просто по именам предков.

Есть в селе свои генерал и капитан, атаман и боцман. Один после службы в армии любил хвастаться, другой шустрый, драчливый по характеру, третий любил ходить в матроске...

Иногда за семьями закреплялись вторые фамилии: Кулешовы – т.к. в роду любили варить пшеничную кашу с салом (кулеш). Скоробаевы – в роду быстро говорили, т.е. «скоро баяли». Сибиткины – в роду был человек, который хорошо пел, как птичка сибитка.

Своеобразный диалект жителей села отразился и на топонимике. Например, берег реки Сим возле села называется Полфиркина, потому что когда-то здесь стояла мельница Порфирия. Есть гардеробный родник (от градобойный) – в этом месте часто выпадал град. Венки – березовая роща, где собирались раньше девушки на троицу и плели венки. Теребины – улица, где когда-то стояли бани, в которых теребили лен. Древнетюркские названия остаются в названиях, т.к. это бывшие башкирские земли. Речка Танкал – в переводе с башкирского означает «монетная», «денежная», т.е. связана с купли продажей земли. Кочевье – большие поляны, где раньше башкирские племена делали ночевки. Речка Куряк – Курякская гора. Топоним произошел от башкирского слова курыш (куряш), означает свидание, встреча. Возможно, в этих

A person in camouflage gear stands on a rocky cliff overlooking a forested valley. The cliff is covered in moss and lichen, and the valley below is filled with dense evergreen trees. The sky is clear and blue.

местах проходили важные встречи предводителей башкирских племенных групп.

В 1918 г. в Серпиевке проживало около 4 тыс. человек. Во время войны на территории села располагались два колхоза: имени Сталинской дивизии и артель им. XX годовщины РККА. Сейчас село насчитывает 667 человек и 250 дворов. Есть средняя школа, отделение сбербанка и почта, сельский Дом культуры. Функционирует Серпиевское лесничество. Имеется в селе музей природы, а в школе есть этнографический музей. А приветствуют в этом селе гостей вот такими частушками.

*200 лет стоит село
Речки Сима около,
Ёсь в нем Гавань,
Теребины, Пентагон и Выселка.*

IX специализированная выставка

Образование от А до Я

27-30 марта 2007

При поддержке:

Аппарат полномочного представителя Президента РФ
в Уральском федеральном округе
Правительство Свердловской области
Администрация г. Екатеринбурга
Уральское отделение Российской академии образования

Организаторы:

Министерство общего и профессионального образования
Свердловской области
Управление образования Администрации г. Екатеринбурга
Выставочный центр КОСКА «Россия»

Разделы выставки:

ВУЗы, колледжи, техникумы, училища, лицеи, гимназии, школы
Дополнительное и бизнес-образование
Международные образовательные центры, туристические фирмы
Информационные технологии в образовании
Оргтехника, канцтовары
Учебная, методическая, деловая литература, пособия
Мебель, оборудование для образовательных учреждений

Ярмарка вакансий:

В программе: конференции, консультации,
презентации, семинары, «круглые столы»

Место проведения:

КОСК «РОССИЯ»
Екатеринбург, ул. Высоцкого, 14
Тел./факс: (343) 347-45-05,
347-18-32, 348-25-55
socium@kosk.ru; www.kosk.ru

Екатеринбург

У Р А Л Ь С К И Й
№ 2, 2007
Снеговик

февраль
2007

Юрий СЕНТЯБРЕВ

Перед вами фотографии из семейного архива екатеринбурженки Эльвины Леонардовны Вяткиной. У каждого из этих людей своя судьба — подчас трагическая, ведь на их долю выпало время революции, жестоко и бескомпромиссно разорвавшей не только общественные, но и семейные связи; время кровавой Гражданской войны...

Фото 1

Ножовские просветители

Но объединяет всех этих людей то, что в самом начале XX века, в канун социального катаклизма, их жизненные пути на историческое мгновение скрестились в одном селе Пермской губернии под названием Ножовка (ныне село Частинского района Пермской области). И сошлись эти судьбы на ниве народного образования: наступивший век, не зная еще, что ждет его, унаследовал от века минувшего благородную просветительскую традицию. Научиться грамоте, освоить науки естественные и общественные, образовать свой ум и душу было тогда столь же престижно, как нынче найти доходное и непыльное существование. Не случайно, что даже навстречу революционным переменам многие шли через образование.

Фото 2